

С. СОМ

КАТАКОМБНЫЙ ИТОГ,
КНИГА ВТОРАЯ:

ПРАКТИЧЕСКАЯ СПЕЛЕСТОЛОГИЯ

изнутри
и немного снаружи

ОГЛАВЛЕНИЕ:

ПРАКТИЧЕСКАЯ СПЕЛЕОФИЛОСОФИЯ

ПРОМСПЕЛЕОЛОГИЯ

ПРОМСПЕЛЕСТОЛОГИЯ

СПЕЛЕОБИОЛОГИЯ

СПЕЛЕОАНИМАЛИЗМ

СПЕЛЕОТЕРАПИЯ

СПЕЛЕОМЕДИЦИНА

СПЕЛЕОПСИХОЛОГИЯ

СПЕЛЕОЭКЗИСТЕНЦИЯ

СПЕЛЕОТУРИЗМ

СПЕЛЕОВОЙНЫ

СПЕЛЕОЛАНДШАФТ

СПЕЛЕОСАМИЗДАТ

СПЕЛЕОМИФОЛОГИЯ

СПЕЛЕОТРАДИЦИИ

СПЕЛЕОКУЛЬТУРА

СПЕЛЕОИСКУССТВО и СПЕЛЕОТВОРЧЕСТВО

СПЕЛЕОФОТОСЪЁМКА

СПЕЛЕОВИДЕОСЪЁМКА

СПЕЛЕОТОПОСЪЁМКА

СПЕЛЕОЮМОР

СПЕЛЕОАНЕКДОТЫ

СПЕЛЕОЭРОТИКА

СПЕЛЕОЭСТЕТИКА

СПЕЛЕОЭТИКА

СПЕЛЕУМ

ФИЛОСОФСКИЕ СПЕЛЕОПРАКТИКИ

КОЛИЧЕСТВО И КАЧЕСТВО

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

Одежда

Свет ходовой

Транспортный мешок

Персональный НЗ

Спальные принадлежности

Средства личной гигиены

Часы и мобильники

Персональный компас

ГРУППОВОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

Свет стояночный

Жилой модуль

Кухонное оборудование
 Аптечка
 Шанцевый инструмент
 Рекомендации по упаковке и подбору продуктов
 СПЕЦИАЛЬНОЕ СНАРЯЖЕНИЕ
 Топосъёмочный комплект
 Музыкально-технические принадлежности
 Медицинские и геодезические приборы, фото и видеотехника
 Светодиодная микрозапаска
 Безусадочный цемент
 Строительная монтажная пена
 Аварийные маячки
 ИСКУССТВО БЫТЬ ЖИВЫМ
 Ориентирование под землёй
 Переохлаждение
 Стрессовая ситуация
 Обвалоопасность
 Отказ снаряжения
 Персональная дурость
 Принцип Пелевина
 ЛУЧ СВЕТА В ЦАРСТВЕ МРАКА
 ХИТ сезона
 LEDниковый период в спелестологии
 КАК НАЙТИ ПЕЩЕРУ?
 Магниторазведка
 Электроразведка
 Сейсмические методы
 Гравиметрия
 Георадиолокация
 Ультразвуковое сканирование
 Аэрофотосъёмка
 Космическая и аэроразведка
 Лозоходство
 Прямой биоэнергетический поиск
 СВОБОДНЫЙ ПОИСК
 КАК ВОЙТИ В ЗАКРЫТУЮ КАМЕНОЛОМНЮ?
 “ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ”
 Никитская тактика прохождения завалов
 Замытые землей, глиной или песком ходы
 Ненагруженная забутовка
 Нагруженная бутовая кладка
 Отслоение или расслоение потолка
 Обрушение кровли в центре штрека
 Смешанный обвальный конус
 Обвальный конус красной или чёрной глины

Мелкоглыбовый завал
 Крупноглыбовый завал
 Прохождение пласта севшего мелоподобного известняка
 Прохождение известнякового монолита
 Послойный разбор пластов кристаллизованного известняка
 Завалы во вторичных обвальных полостях
 Вскрытие снизу вверх кровли каменоломни
 Отказ от разбора завала
 “НЕ ПРОСТО — А ОЧЕНЬ ПРОСТО!”
 Можно-ли ориентироваться под землёй без света?
 Как лучше проходить шкурники?
 Как развернуться в узком месте?
 Как оборудовать водокап?
 Как обустроить грот?..
 О ТУРИКАХ БЛЕДНЫХ И ГОПНИКАХ БЕДНЫХ
“СПАСЫ!” — КАК МНОГО В ЭТОМ КРИКЕ...
 “МОЙ НЕРАЗМЕННЫЙ ЧЕТВЕРТАК...”
 “ТАК ВОТ ТЕПЕРЬ КАКИЕ СПАСРАБОТЫ!”
 ТРЁХДНЕВНЫЙ ПОИСК
 СОРВАННЫЕ СПАСЫ
 О ЧАЙНИКАХ, ХОДИКАХ, ЧИЧАКАХ И ДОДИКАХ
 СПАСЫ — ДОСРОЧНО!
ВИДЫ НА НЕСТОЯЩЕЕ
 О СПАСАТЕЛЯХ КРУТЫХ И ДОДИКАХ ВСМЯТКУ
 ДРУЗЬЯ! ПРЕКРАСЕН НАШ НАРЫВ...
 ГЛАМУР, МЧС И ЭКСТРИМ
 ГЕНЕРАЛЫ ГЛАМУРНЫХ ЭКСТРИМОВ
 ПОЛОЖЕНИЕ ВНЕ ИГРЫ
 О ГЛУПОЙ РОМАНТИКЕ И МУДРЫХ ПРАГМАТИКАХ
ВИДЫ НА БУДУЩЕЕ
 БЕССЛОВЕСНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ:

“СПАСЫ!” — КАК МНОГО В ЭТОМ КРИКЕ...	6
“МОЙ НЕРАЗМЕННЫЙ ЧЕТВЕРТАК...”	9
“ТАК ВОТ ТЕПЕРЬ КАКИЕ СПАСРАБОТЫ!”	18
ТРЁХДНЕВНЫЙ ПОИСК	33
СОРВАННЫЕ СПАСЫ	45
О ЧАЙНИКАХ, ХОДИКАХ, ЧИЧАКАХ И ДОДИКАХ	49
СПАСЫ — ДОСРОЧНО!	50
ВИДЫ НА НЕСТОЯЩЕЕ	57
О СПАСАТЕЛЯХ КРУТЫХ И ДОДИКАХ ВСМЯТКУ	57
ДРУЗЬЯ! ПРЕКРАСЕН НАШ НАРЫВ...	77
ГЛАМУР, МЧС И ЭКСТРИМ	82
ГЕНЕРАЛЫ ГЛАМУРНЫХ ЭКСТРИМОВ	88
ПОЛОЖЕНИЕ ВНЕ ИГРЫ	95
О ГЛУПОЙ РОМАНТИКЕ И МУДРЫХ ПРАГМАТИКАХ	104

“СПАСЫ!” — КАК МНОГО В ЭТОМ КРИКЕ...

«Ищи, ищи — должен быть!..»

К сожалению, мне пришлось принять участие в большом количестве подземных ПСР.

Так случилось, что ни одни из них не были проиграны нами — моя группа всегда находила потерявшихся под землёй, успевала откопать их из-под завала и оказать должную помощь. Даже если речь изначально шла о поиске трупа (как в деле Шкварина) — тело находили достаточно быстро. И в такой ситуации, когда пасовали “официальные спасательские силы”. Как бы они ни назывались в соответствии с канонами времени.

: Что это — слепое везение, судьба, милость подземных духов — не гадаю.

Я просто поведаю несколько историй, случившихся в относительно недавнее время. И поделюсь размышлениями о современной спасательской службе. А Читатель сделает свои выводы.

— И ещё. Многие считают, что наш “так называемый юмор” примитивен и чёрен; что мы цинично зубоскалим и юродствуем “не по делу” там, где следует < из чего, не вполне ясно > сохранять торжественно-скорбные лица; язык использовать сугубо деловой, математически-точно высушенный от “воды” любых фразеологических или прикольных оборотов, эмоций. “На крайняк” — патетический. Или жеманно-приторный: в самом вольном случае. Мол, спелеология достаточно серьёзный и трагический вид человеческой деятельности; повествующему о ней ухмылки и ирония ни к чему. Не до усмешек и стёба там, где тяжёлый, нечеловеческий труд и запредельные нагрузки “правят бал”; где Смерть диктует даты наших встреч и прощаний, где идёт постоянное сражение Света и Тьмы < и так далее >.

— Уверяю: это не просто не так.

: Даже если взять самую, казалось бы, трагическую ипостась Подземли — спасработы, — посмотрев на неё незашоренным, открытым толерантности Мира, взглядом — увидим изобилие здоровых, светлых и радостных эмоций и чувств:

: Спасатель, спешащий на помощь заблудившемуся под землёй, испытывает радость от оказания помощи попавшему в беду существу с интеллектом, как правило, ниже среднего (ибо умные люди под землёй не теряются и ЧП обходят их стороной), — чувство это сродни оказанию помощи повредившему лапу котёнку < вспомните эпизод из сахалинских спасов! >, — безусловно, оно во всех своих вариантах светлое. От

оказания помощи мы получаем подлинное удовольствие – иначе б не ездили, не искали, – не разбирали завалы и руины. [Иной раз – с неоправданным, с точки зрения стороннего наблюдателя, риском для собственной жизни.] Мало того: выезжая на спасы в совковые годы, я испытывал “чисто конкретное удовольствие”, что удалось гульнуть осточертевшие-бессмысленную работу. Радость во время поискового прочёсывания Системы испытываешь на привале-отдыхе, блаженно затягиваясь сигаретой; по выходу на поверхность, к готовому перекусу (тем более – полноценному обеду и краткому, за тем, отдыху у костра с неизбежными дебатами на тему “где ж ещё искать эту сволочь?..”), – как ни странно, удовольствие получаешь даже при осмотре труднодоступного, дьявольски опасного места, грозящего обвалом: слава Богу, в этот участок Системы он не сунулся; следуем дальше... Когда же находишь его, сердешного, первая мысль безусловно-радостная: живой, слава Богу, живой. **Успели,** –

*Но ведь не меньше радости испытывает сам додик, когда слышит наши голоса, видит отблески света. При приближении к светлому пятну выхода его радость достигает предела¹ – и стократно умножается при созерцании родителей. Радость которых в этот момент также очевидна. Но за спинами обезумевших от счастья родителей не менее радостные в этот момент спасатели из отдыхающей смены (ура! больше не нужно лезть под землю, и отдохнуть успели); сзади додика торжествующие наконец-то свершившимся подвигом спасатели, что нашли его и счастливы в своей усталости окончанию спасработ, – при том и те, и другие единодушно предчувствуют финальную часть: **застолье.***

Предчувствие это, конечно, абсолютно-радостное.

: Как видите, даже в столь трагической ситуации доминируют чувства, связанные в первую очередь с ощущениями нами определённого типа *удовлетворения, удовольствия, радости.*

«От чрезмерного горя смеются, от чрезмерной радости плачут; радость не должна смеяться, а печаль плакать», – говорил Уильям Блейк.

— желаете оспорить? Пожалуйста. Желаете “справедливо возразить”, что на спасках бывают и иные исходы? Пли-из. Но учтите: у меня, как и у моих друзей, случаев *ненахождения в пещере додика НЕ БЫЛО.* Всегда находили, всегда откапывали – живых и здоровых. Если кто-то желает заметить, что моё “светлое” восприятие ПСР продиктовано всего лишь тем, что мне *везло* — с той же доказуемостью замечу: *везло мне исключительно потому, что настроен я при проведении ПСР был только на радостный, безусловно светлый их финал.* Кто настроен на другие варианты Мировых Линий своей жизни – их, соответственно, и получает.

¹ Потому выводить на поверхность найденного желательно днём. И в тоже время – обязательно “выдержав” хотя бы час даже в том случае, когда психика его от одиночного пребывания во тьме зримо не пострадала: от неконтролируемо испытываемой радости можно испытать столь же неприятный по последствиям шок, как и от подлинного кошмара.

: Мы, в отличие от “официальных спасателей”, всегда успевали **помочь**. Кроме двух случаев, когда заведомо искали тело. Но ведь и в этих случаях *снимали с родителей тяжкое бремя неизвестности; не поворачивается язык назвать это чувство “радостью” – правильно. Но облегчением его назвать можно.* Пусть и относительным.

— И не стоит думать, что если случилась смерть, это столь страшно,— ещё никто не доказал, что *на том свете* душа попадает в худшие, по сравнению с физическим миром, условия. По сути, попытка бежать смерти глупа: рано или поздно она всё равно случится,— кто знает, когда именно должен прийти Твой Срок?.. Скорбя об умерших, мы в первую очередь оплакиваем свою личную потерю; так жалуем об ушедшей жене, потерянной вещи. Не нравится? Проанализируйте внимательно свои подлинные чувства. Эгоизм лежит в их основе, жалость не к ушедшему — к себе, потерявшему его. Оттого-то на поминках неизбежно прорываются подлинные, незамутнённые условностями, эмоции — когда “после энного стакана” мы начинаем рассказывать анекдоты и неизбежно вспоминаем разные добрые, светлые или смешные истории, связанные с ушедшим.

«Мне хотелось, чтобы ты разделил со мной убеждение, что смерть человека — лишь шаг в Бессмертие, а руины, оставляемые Временем — фундаменты дворцов Вечности»: опять же, Уильям Блейк. Последнее стихотворение он написал в день своей смерти, прикованный к постели,— даже не стихотворение, а песню. Светлую и радостную. И умирая, пел её. Во весь голос.

: Именно Блейку принадлежит фраза, которую вполне можно было бы избрать *девизом спелестологии*: **«Где нет человека, там природа пуста.»** Кстати: великий визионер, преисполненный глубоким религиозным и нравственным чувством, не только не чурался в своём творчестве “злых дразнилок и эпиграмм”, философских максим, ироничных эпитафий и афоризмов — водил дружбу с полным набором тогдашней “непарламентской лексики” [«Из всех языческих богинь Фортуна — самая сучка: прислужница дьявола, готовая вылизать чью угодно задницу»],— эпитеты, которыми он награждал своих противников в споре, до сих пор могут быть сочтены *ненормативными*. И в “дозволенном переводе на русский” сильно теряют.

Надеюсь, после такой преамбулы отдельные лексические фигуры в моих рассказах о ПСР — как и безусловно чёрное, но тем не менее радостное наполнение “спасательских маразматок” Никитского Круга станут понятнее.

Как и наши “весёленькие” спасательские песенки —

— от цитирования которых я, тем не менее, попробую уклониться. Пусть присутствуют в каком-нибудь менее критикуемом месте.

: здесь оставим лишь голую правду жизни.

Без капли вымысла и шокирующих кого-то ассоциаций.

“МОЙ НЕРАЗМЕННЫЙ ЧЕТВЕРТАК...”

*“Сижу я в пещере – не видно ни зги,
Последний мой плекс остывает...”*

В виде независимого повествования эта глава была предложена редакции “Вольного Ветра” под названием «Эпизод, которого лучше бы не было», – естественно, редактор “ВВ” Сергей Владимирович Минделевич изменил название на иное (нисколько не заботясь чумоватым контекстом своего варианта, ибо слово “история” – не только конкретный эпизод, но и фундаментальное понятие человеческого этноса), – сократил и порубил в капусту все, по его мнению, “длинноты”, вырезал непонятные ему лично слова и “ненужные” персоналии, снабдил странными комментариями и сентенциями... И так далее. Читавшие статью говорили, что это самый непохожий на мой язык текст, который был подписан моим псевдонимом. Вдобавок ко всему статья была снабжена “довеском” под придурковатой “шапчонкой” – вырванными из контекста спелеоприколами моего же авторства, причём приколы были подписаны моей настоящей фамилией – в то время как серьёзный текст псевдонимом: строго обратно моему пожеланию. Ну да хорошо, что пара рисунков Юры Кирина сопровождала статью, –

– правда, полиграфия “ВВ” сделала всё, чтоб и из них убрать “визуальные изюминки”...

: Оказывается, редактировать можно и карикатуру. Для меня это было открытием на грани нервного срыва; Юра отнёсся к сему более пофигистически:

– Славно, что напечатали. Могли ведь и жопу потерять.

– Изданным в газете завсегда подтирают жопы в этой стране. Минделевич же сам с удовольствием вещает, что его ‘невольный ветер’ туристы-читатели пачками берут в свои походы!

– Всё ж лучше “Комсомольской правды”.

: в общем-то, да. Хрен оспоришь.

Каково же было моё изумление, когда узнал, что по итогам года эта изувеченная публикация была признана читателями “ВВ” ЛУЧШЕЙ ИЗ ВСЕГО, ЧТО ЗА ГОД БЫЛО ОПУБЛИКОВАНО В ГАЗЕТЕ!.. Я даже получил вполне материальное вознаграждение – вторую литературную премию в своей жизни – состоящую из “кемпинг-газа” с двумя баллонами, натурального и очень тёплого пухового спальника, непригодного по определению для длительных подземных пребываний, и пары билетов от “Альпиндустрии” в их знаменитое кафе (билетами, за нелюбовью к времяпровождению в подобных местах, так и не воспользовался). Свинья я неблагодарная после этого... Ну да ладно: возвращаю предложенному “ВВ” тексту его первоначальный вид – заодно в качестве “контрмеры” приводя его к большему соответствию реальным событиям.

Преамбула: 6 ÷ 8 октября 1983 года, город Москва и окрестности ка-

меноломни Никитская.

По паспорту мой день рождения 7 октября, однако на самом деле я родился в 23.23 шестого — что позволяет праздновать эту дату достаточно вольным образом. По крайней мере, хронометрически. И празднуем: 25 лет исполняется человеку не часто; друзей, согласно многообразию моих интересов, у меня не просто много — а потому празднество растягивается на несколько дней.

В четверг меня навещает Володя Бережков с соответствующим концертом; в пятницу Юра Лорес с аналогичным мероприятием — в субботу Алик Мирзаян. “На Мирзаяна” сосед по коммуналке уже пытается вызвать ментов, но те, не обнаружив среди 50 присутствующих гостей ни одного пьяного (время ещё не пришло), делают соседу строгую выволочку и откланиваются. *Да хоть бы и были пьяны! “День брежневской конституции” — убойнейшая отмазка: попробуй арестовать человека в эпоху совка за то, что он празднует это событие!*

— Тем не менее, поскольку жизненные интересы мои авторской песней не ограничиваются, после концерта Алика перемещаемся в родные Никиты.

Погода просто сказочная — а потому стоим наверху, каждая группа на своей исторической полянке с устоявшимся названием. < Наша называется “У Того Парня” в честь здорового спелеоида, вырезанного из старого сухого дерева. >

Гостей, конечно, очень много — в том числе из других городов: “апрелевцы” из Ташкента, — вечные друзья по любимейшему фестивалю Чимган, что за год до того был разогнан совдеповской властью; спелики из питерской Саблинки и из Оренбурга... Плюс Никитский Круг практически в полном составе. А как же иначе? < Через приехавших ташкентцев Стриж передаёт просто фантастический подарок: песню “Мой неразменный четвертак”, написанную им себе и мне на день рождения, — мы не просто ровесники, меж нашими Днями интервал чуть меньше недели — а потому каждое написанное им слово столь дивно резонирует во мне... >

: Вниз, под землю, почти не спускаемся — приехали не для того, — “погулять по Системе” уходят лишь малознакомые, что естественно не приглашались к праздничному костру — да чичаки в сопровождении приведших их ‘экскурсоводов’. Проблемами безопасности никто не заморочен: в первом же гроте после каждого входа лежит Контрольный Журнал, за незаписывание в котором при входе (как и за невыписывание после гуляния) можно получить в рыло. Опыт выгуливающих чичак сомнений не вызывает. К тому ж те, кто уходят под землю, просят остающихся наверху приглядеть за их вещами, естественно оставляя КС своего возвращения, —

В общем — чем кончится этот замечательный праздник, ни у кого нет и малейшей догадки.

Потому как просто не может прийти в голову *такое...*

Воскресенье, 9 октября, 18:00 ÷ 20:00.

Праздник окончен; приходит неизбежное время возвращения к “бяке-городу”. Тем более, что в понедельник вечером нас ждёт её один концерт из

этой поздравительной серии – на этот раз Юры Аделунга. Юрина “Мы с тобой давно уже не те” не просто *самая известная* песня в каэспэшных и спелео кругах – без преувеличения, негласный гимн. Но ведь и другие его песни столь же примечательны — а потому всем хочется поскорее вернуться в город, что бы успеть отдохнуть не только перед неизбежной понедельничной трудовой деятельностью – но и перед этим последним концертом. Не прийти на который – невозможно. (Дабы не напрягать и без того обозлённого соседа, этот концерт территориально переносится на Юго-Запад, в квартиру моих добрых знакомых,– сути События такой перенос не меняет.)

: Группы снимают палатки и собирают рюкзаки. Последние песни у договаривающихся костров, рукопожатия друзей. Кое-кто из гостей по тем или иным причинам уж не ходит под землю, вырываясь в родные Никиты лишь раз-два за год на подобные праздники,– соответственно, вновь встретятся не скоро. Но тем сильнее прощальные объятия.

— Когда стоим под рюкзаками, обводя последними взглядами полянку < не забыли чего, весь прикопали или сожгли мусор >, с соседней стоянки прибегают гонцы с неприятным известием: одна палатка у них осталась не снятой, хозяева под землёй. Что, мол, делать? Бросить чужие шмотки в лесу — а вдруг нагрянут со своеобразной “бутылочной ревизией” местные?

: задерживаться в качестве сторожей непонятно чьих шмоток никому не хочется.

– Когда они должны были вернуться?

– И вообще: чьи это шмотки?

– следуют ритуальные вопросы.

Выясняется, что ни срок возвращения хозяев палатки, ни их имена никому не известны.

: ПРИЕХАЛИ.

То есть, “уехали”.

Что ж – посылаем быстроногую молодёжь на все остальные стоянки,– сами же собираемся на Центральной поляне за памятником В. Шагалу и держим совет. Сколь ритуальный, столь и бессмысленный. Ибо ни имена загулявших додиков, ни КС никому не известны. Мамонт натягивает комбез и устремляется в ближайший вход за тамошним Журналом – сверить записи о “входе/выходе”,– я с той же целью бегу к нашему Египту. Сверяем записи в Журналах и видим: два ‘чичайника’ вошли в Систему через МЖД8М ещё вчера и до сих пор, судя по всему, пребывают в оной.

В каком состоянии – можно только догадываться.

Подтягиваются случайно не ушедшие с других стоянок; выясняется, что один из додиков впервые оказался под землёй – другой уж посетил наши Никиты пару воскресений назад. Впервые в жизни. И, похоже, заболел “чайничьей болезнью” – ибо потащил приятеля, который до того из подземли бывал разве в метро, на осмотр достопамятных мест нашего четырнадцатикилометрового лабиринта.

С каким светом – не ясно.

: Возвращение в город, как и вожделенный отдых, отменяются однозначно и бесповоротно.

20:00 ÷ 22:00.

Начинается работа: шесть групп по три человека одновременно уходят в пещеру, предварительно договорившись о зоне поисков. В каждой группе один, знающий Систему досконально, и два помощника. Участки распределяются так, чтоб их края пересекали друг друга,— неизбежная мера при поисках додика-шатуна. Ибо такие кадры, вопреки всякой логике, но лишь из страха “окончательно потеряться” пополам с безумной надеждой всё-таки найти выход, способны даже в темноте, на ощупь, ползать и ползать по Системе. Мастерски перемещаясь вокруг идущей поисковой группы в уже осмотренный ей участок. < “Уголки” — виртуальная спелеоспасигра, участники которой, не встречаясь, в процессе игры несколько раз меняются занимаемыми углами Системы. >

— А тут сразу два козла, которые (ясно каждому) не могут не разделиться...

Наши подруги и иногородние гости занимаются неизбежными работами наверху — нужно заготовить дрова для большого, яркого костра на всю ночь, принести воду из родника, поставить палатки для тех, кто выйдет из-под земли и кому будет нужен пусть краткий, но полноценный отдых,—

— на последнем Никитском автобусе пара гонцов с собранными по кругу деньгами (у многих, между прочим, последними) отправляется в Домодедово за недостающими продуктами (если их ещё удастся купить вечером воскресенья — совок, 1983 год,— что “воскресным вечером”, когда простым рабочим днём можно было на раз остаться без вожделенной колбаски к бутерброду! Разве — бухло в те годы ещё можно было купить так или иначе в любое время суток. Но не путайте, пожалуйста, напитки — и бухло); ещё пара ребят уезжает в Москву: не вернуться домой они никак не могут, зато обзвонят всех наших, кто уже добрался до дома — и родителей тех, кто остался на поисковку.

: Кто-то ведь должен сделать это важнейшее дело?

В общем, так или иначе — но “танцуют все”. Каждый свою очевидную партию.

Вначале ищем по стояночным гротам, по достопримечательным местам и прочим “изюминкам”,— что обычно показываются новичкам в первую очередь. Но ведь даже этих мест в Никитах — !..

: Сложнейший, почти четырнадцатикилометровый (на то время) лабиринт, в котором половина ходов — узкие шкурники; около четверти путано проходят друг над другом в трёхмерном объёме, и уж изюминок всяких непролазных — не счесть. Тем более, что каждый под этим словом понимает нечто своё, интеллектуально-близкое. Кому и Лифт Шагала — изюминка. Кому — околеходовой КД или Колокольня в Правой системе.

А кому — самые дальние окоёмы ЖБК, Остров Сокровищ и Сумасшедший Барабанщик. До которых “пилить и пилить” — причём по любому из

десяток возможных маршрутов. Непересекающихся в принципе.

: “Вот в таком аспекте”. Такая свобода поиска. Точнее, полная его неопределённость и непредсказуемость,—

— *куда могли сунуться эти уроды? Где заблудились иль остались без света???*

: *Двулика знает. Да старина Белый во всех своих воплощениях. С саблинским шубиным на пару — о котором у вчерашнего костра нам, конечно, было рассказано не мало прекрасных, светлых историй...*

Стремительно движемся параллельными штреками — там, где это возможно,— со свистом пронзая шкурники, “эвакуя” традиционными двухразами в открывающиеся гроты (на третий вопль “Эва!” она, как известно, обязана явиться воочию — а потому клич повторяется не более, чем дважды: легенды легендами — но бережёного...),— по Никитам и более медленное хождение за час-другой выматывает силы — а тут...

Плюс усталость от вчерашней “концертной ночи” и побочные эффекты от принятия горячительных напитков, не отделимых от кострового уютного тепла и спевания любимых наших песен... Кстати, высокая скорость нашей поисковки диктуется и тем, что света у всех откровенно мало: кто вообще не собирался в этот выход под землю, кто уж отходил своё запланированное гуляние днём, соответственно разрядив коногон или батареечную смотку,—

: выручает всеобщая любовь к запаскам. На них и рассекаем по любимым до боли в локтях и коленях шкурникам. Но на много-ли хватит запасного света? А нас в таком режиме работы?..

— Вопросы, конечно, риторические.

И ведь нужно не просто пронестись по на ощупь знакомым лабиринтам, для покорения которых свет многим из нас, в принципе, не столь нужен — осветить, пробить слабеньким светом запасок все подозрительные щели и навалы камней,— одновременно прислушиваясь: не раздастся-ли из-за какого поворота едва уловимое слабенькое “эва”,— дыхание, стон...

По мере возможностей и сил — бежим. Прислушиваемся, осматриваем, взываем. Ищем. Ближняя система и Сейсмозона осмотрены тремя группами; Колокольня, Крайне Правые Командорские острова ещё одной — так, чтобы наши маршруты встречно пересеклись, в результате чего мы, войдя через МЖД8М, выходим наверх через Эгипед — вошедшие через него, пройдя дублирующе-встречным маршрутом по Централке, выходят наверх через МЖД8М.

Ещё две группы проносятся через ЖБК: конечно, только по самым торным маршрутам...

: БЕЗРЕЗУЛЬТАТНО.

По истечении двухчасового КС возвращаемся на поверхность.

Сказать, что за два часа мы успели прочесать хотя бы одну десятую Никит = ничего не сказать.

Прибавьте к этому гарантированно ‘шатунские’ свойства искомым — получите наше настроение. Которое, конечно, должно умножить на столь крутой послепраздничный облом. И начисто сорванные городские планы.

Не забыть приплюсовать “усталость от вчерашнего” – и ту, что обретаем, бегая по Системе.

— Но куда денешься? *“Ищи, ищи – должен быть!”*

22:00 ÷ 24:00.

: лёгкий перекус у костра. Гонцы из Домодедово выпивки, естественно, принесли много больше, чем столь необходимой закуски — впрочем, слово “много” не вполне точное: всего привезли столько, сколько смогли раздобыть. По деньгам и ассортименту единственного работающего магазина. “Найти который тоже была проблема...”

— Вновь уходим под землю. Лидеры групп те же – напарники новые, из числа тех, что пока отдыхали на поверхности. Количество людей в группах сократили до двух человек; в основном, по причине экономии света. К тому же отдохнувшие понадобятся позже, когда из Москвы подвезут свет и начнётся полномасштабное прочёсывание пещеры, — спускаемся вниз для того, чтобы за время вынужденной паузы поисковые не смогли уйти на уже прочёсанные участки.

К полуночи возвращаемся ни с чем и в глубоком разладе сами с собой: ловить в темноте на ощупь шатунов, у которых запросто могла съехать крыша – занятие отнюдь не оптимистическое.

: Под землёй нас тут же сменяют новые команды добровольцев.

– Расписываясь в Журнале о выходе из дыры, представляю: *что делал бы сейчас, если б не эти “несвоевременные спасработы”?* Наверняка бы уже принял ванну под какого-нибудь “Пинк Флойда” или “Ван дер Граафчика”, — славно поужинал... И совсем не “словами любви” поминают мои друзья тех, кто устроил нам это поисковое ночное шоу.

В глубокой задумчивости поглощаю у замечательного по масштабу костра приготовленный друзьями чай...

: Что будет дальше? А что будет в понедельник на работе???

: Мысль о, кажется, срывающемся домашнем концерте Аделунга просто не приходит в голову – очевидно, щадя неокортекс.

Понедельник, 10 октября, 00:00 ÷ 02:00.

На поверхности первые добрые вести: из Москвы на предпоследней электричке прибыли Сусанин с Асисей; у одного рюкзак набит “беговым плексом” и соответствующим количеством газет для его обмотки – у другого не уступающее количество действительно необходимой еды («Вот только бухла, ребята, извините – купить не удалось, — причитает Шурка, — но свой холодильник я весь вывернул.» Ему сообщают, что бухла хватает и без того.) Асисей с Сусаниным обещают, что утром здесь будет весь Никитский Круг, включая владельцев собак (с собаками) – если за ночь мы не добьёмся успеха.

Ужинаем у костра – хорошо, плотно. Во время ужина меж мной и Мамонтом разворачивается спор о том, сколько времени может уйти на действительно тотальное прочёсывание всего лабиринта, смогут-ли додики как-то обойти наши группы и как планировать дальнейшее прочёсывание (может, ставить завалы?) – чтоб такого не случилось. Народ, принимающий участие в дискус-

сии, сходится на том, что искать неподвижное тело на порядок легче.

– Пусть вылежатся, – резюмирует Мамонт, – а по тухлячку через неделю-другую мы их и без всяких собак отыщем...

: Конечно, поисков никто прекращать не собирается – просто чернушная ирония в таких ситуациях помогает лучше сентиментальных воплей и картинно-правильных слов.

– А если попробовать поискать с лозой? – неожиданно для самого себя предлагаю я.

: Способ хорош – не одна каменоломня была найдена таким образом, особенно “под чистым полем”, когда ничто не мешает тебе свободно двигаться с рамкой в любом направлении... Но искать шатуна – ночью, с плексовым факелом в одной руке и рамкой в другой по лесным дебрям, бурелому и замаскированным крапивными зарослями провальным воронкам, –

– о какой точности таких поисков можно говорить всерьёз? Но Мамонт неожиданно соглашается.

– Усовершенствуем способ, – объявляет он, – всё равно теории никто не знает, и начхать на условности. Или найдём их сейчас – или...

: или завтра сюда приедет масса людей, сорванных по милости двух полудурков со своих работ, с учёбы, – да хоть бы с дивана от телеящика!

А потом очередной пасквиль в какой-нибудь газете с клеветой и помоями в адрес всей “неофициальной” спелеологии. К которой заплутавшие додики имеют не большее отношение, чем к альпинизму.

– Значит, так, – распоряжаемся мы с Мамонтом после некоторого совещания “тет-а-тет”, – всех, кто сейчас рассекает под землёй – на поверхность. Чтоб кроме тех козлов в Системе *никого не было*.

2:00 ÷ 3:00.

Все наши на поверхности. Выпивается некоторое количество привезённой водки, и те, кто действительно знают Систему, садятся в тесный круг. Четырём румбами, друг против друга – Мамонт и Зелёный Змей, Асисяй и я. Меж нами Рашпиль, Сусанин, Барон и Ванька-Крэйзи. Остальные – сзади, вокруг. Плотным кольцом.

По нашей просьбе все разговоры и шум в лагере смолкают. Некоторое время просто сидим в тишине, затем Мамонт просит, чтоб каждый из нас представил себе, как под землёй – под нами – располагаются ходы и где могут быть те двое...

: Прикрываю глаза и представляю, как внизу, в толще земли, светло-серой паутиной на чёрном фоне идут ходы... Хотя глаза можно не прикрывать: костёр по моей просьбе почти погашен и красный отсвет углей не мешает сосредоточиться. В какой-то момент вижу, чувствую, знаю, будто тёплым зелёным пятнышком на светлой ниточке хода: ЧЕЛОВЕК.

Говорю:

– В Сетке. У Соседа.

– Мой справа. У Автомата, – помедлив, сообщает Мамонт. Половина наро-

ду соглашается с Мамонтом; половина со мной. “Значит, разделились”, — довольно очевидная мысль.

: Быстро спускаемся вниз. В каждой группе по три человека — больше не нужно. Я иду с Сусаниным и Асисеем — самыми свежими из присутствующих; с Мамонтом уходят Рашпиль и Кот — наш гость из ташкентского “Апреля”. По нашим понятиям Кот — типичный чичака, на спасях место таких на подхвате да наверху у костров — но...

Поскольку поисковых трудностей не ожидается, а все наши здорово вымотались (Кот же располагает весьма внушительной комплекцией и *очень просит* разрешить ему “погеройствовать для полноты впечатлений о поездке в Златоглаву”) — Мамонт соглашается. Представляется, что в их группе интеллигентный и рассудочный Рашпиль компенсирует мордобойные устремления Мамонта — в то время как Мамонт и Кот влёгкую справятся даже с обезумевшим от одиночества додиком.

: Кто в моей команде должен компенсировать кого, и на какой счёт — не ясно. Но иных свежих сил у нас нет.

— Через двадцать минут мы у цели. «Осторожнее, — напоследок предупреждаю я ребят, — бросится сейчас из темноты, даст по голове, выхватит свет — и дальше дёру по Системе... превращая “прятки” в “салочки”».

: Увы, подобная реакция додика на спасателя — не редкость.

Но ничего подобного. Сидит себе на плите наш герой (“в том самом месте!”), — тихий такой, задумчивый. Даже свет у него есть: фонарик при нажатии на “вкл” даёт некое подобие света, сопоставимое с сигаретным бычком — секунды на три-четыре, после чего гаснет.

— А чего психовать-то? Я ж знал, что меня найдут. Три батарейки у меня было, в фонарик влезало две. Ну, я одну постоянно в кармане грел. И менял их по очереди. Дам вспышку, осмотрюсь, выключаю и ползу вперёд на ощупь, как запомнил.

: Такой рассудительный додик. Впервые в жизни оказавшийся под землёй —

: Прямо герой. Только уж лучше бы он оставался на месте!

— А где второй?

— Не знаю. Он мне сам сказал: пойдя, посмотри, что там, в той щели. Когда заблудились. Фонарик-то у нас один на двоих был. Ну, я посмотрел. Да только плутанул немного. Как ни возвращался — всё не туда. Кричал, звал... Потом вышел к тому месту — да его уж там не было. Может, он в темноте за мной пополз. Я и ходил, искал его.

: Ну что с таким делать? Бить морду?.. Опять же — за что??? Ведь это тот, второй повёл его под землю. Хвастаясь, что “всё знает”.

Выводим нашего “разумного орла” наверх — к радости всех остальных.

3:00 ÷ 4:00.

Ждём появления группы Мамонта. Им до своего идти не намного дольше — через другой вход, Эгипед, — но что-то подозрительно долго их нет...

Ждём и волнуемся: неужели сорвалось, и Мамонт не угадал, где его искать?

— Наконец появляются. Додик висит меж плеч Мамонта и могучего Кота, вяло перебирая по земле ножками. Народ не задаёт лишних вопросов: если Мамонт и уделал своего при встрече – за дело.

Кормим спасённых, поим чаем и водовкой. Вид у мамонтовского додика весьма ошарашенный, и он всё тычет, тычет запястьем своей руки нам в лица. Наконец после водки и чая с элеутерококком к нему возвращается речь — и мы слышим такую удивительную историю:

– *Сижу я без света. Ни фонаря, ни часов, ни спичек, ни курева. В темноте, один. Сколько времени – не знаю. Чувствую только, что замерзаю и совсем карачун мне приходит. В голове легенды о Дзуликой и о том, что её вызывать надо, когда полный абзац приходит. А ещё курить страшно хочется, сильнее всего. Думаю: всё, влип. Кранты, пора Дзуликую вызывать для исполнения Последнего Желания. Ну, позвал я её, как полагается, три раза, – «Эва! Эва! Эва!» – а мысль одна: **закурить бы**. И тут возникает в моей руке горящая “беломорина”. Что меня убило: не “прима”, не “ява” и не “данхилл” с перепугу какой-нибудь, а “беломор”. Выкурил я её, думая, что всё: спятил — и на всякий случай последним угольком себе в руку впечатал. Забычковал то есть. Чтоб проверить потом можно было, если меня найдут: приглючилось или нет.*

: на левой руке, действительно, характерный ожог. И ни спичек, ни пачки от “беломора”, ни зажигалки, ни портсигара Мамонт со товарищи в том гроте и в окрестностях его не нашли.

– Розыгрыш? Странновато для человека, почти попрощавшегося с жизнью. Да ещё в такой форме: с ожогом. Впрочем, диковинных историй под землёй – масса. С каждым вторым, кто всерьёз ходит под землю, случалось нечто необъяснимое... Но не о мистике подземной здесь речь. Важно, что нашли — обоих, живых, – не прибегая к многодневному изматывающему прочёсыванию всей Системы.

И можно возвращаться домой.

4:00 ÷ 5:00.

Собираем лагерь, пешком идём на первую электричку. Ещё можно дать отбой собирающимся группам, а мы успеваем помыться, позавтракать – и к своим работам, учёбам...

: Так завершается празднование “моего неразменного четвертака”. Результат которого: ночь без сна после предидущей бессонной ночи, вяжущая усталость, свинцовая тяжесть в ногах и руках, – сбитые по шкурникам колени и локти – и два спасённых додика. Из которых “главный хауптперсонен” продолжает, к нашему удивлению, дальнейшие походы в Никиты – беря себе ник Глюк.

И ходит успешно.

Но право: лучше бы его появление в Никитах было отмечено каким-нибудь иным событием-эпизодом.

Пусть и не столь запоминающимся.

Резюме этой истории: найти, и весьма оперативно, можно даже “шатунов”. И даже в столь сложной каменоломне, что представляют из себя Никиты. Причём достаточно малыми силами.

Но возникает вопрос: спасая откровенных придурков,— а в том, что поводом для ПСР послужила явная придурковатость наших додиков, похеривших, как минимум, три важнейших правила подземной ТБ,— не провоцируем-ли мы новые спасработы? Ибо за уверенностью в том, что “обязательно найдут”, следует эскалация распиздяйства.

: Кто считает, что данный термин я применяю не вполне на своём месте — прошу отпраздновать свой ДР аналогичным способом.

“ТАК ВОТ ТЕПЕРЬ КАКИЕ СПАСРАБОТЫ!”

“1976 + 1979 + 1983 + 1987 = 1992!”

... Одни из самых легендарных спасов, что с успехом провёл Никитский Круг, были поисково-спасательные работы в Сьянах и Киселях в июне 1992 года. Легендарность их столь крута, что не поведать о них нельзя — а потому попробую вспомнить события более чем “десятилетней выдержки”. Заранее извиняясь перед друзьями и коллегами за то, что неизбежная аберрация памяти вытягивает из прошлого лишь нити персонального восприятия — оставляя в “нетях” то, что для иного тогда казалось более важным,— искажая какие-то имена и последовательности ситуаций, сложивших Событие...

Необходимый комментарий, описывающий киот Действия:

: 1992 год. МЧС, как слово, “не существует и в проекте”; единственная былая спасательная структура, воспетая в знаменитой “комсомольской статье”, растворилась в коммерческом мареве перестройки — не оставив по себе ни следа, ни доброй памяти. Так что не то, что какой-то спасательской службы — самого захудаленького, но официального спасателя и призрака над страной не реет.

На “дядю совка” никто уж лет пять не работает, а если вкалывает — так на себя лично. И бросить работу — вдруг, среди недели, в начале трудового дня — чтоб сорваться и устремиться на некую “поисковку” под землю уговорить кого-либо *просто-напросто невозможно*.

: ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ.

По стране в целом, включая её златоглавую столицу, не просто бардак,— самый элементарный голод. То есть москвичи ещё худо-бедно крутятся,— что-то где-то достают и покупают...

Именуя это “продуктами”.

Магазины демонстрируют залежи уксусной эссенции и морской капусты в

томатном соусе —

...: всё. Для киота — достаточно.

– **Персональный пролог:**

В воскресенье вечером мы с Лещиной возвращаемся из очередной “творческой командировки на двоих” в Никиты. Строки, пришедшие под землёй, не отпускают — а потому Серёга остаётся у меня на Новослободской. На работу ему завтра не надо — в школе, где он учительствует, начались каникулы; в город приходится возвращаться из-за меня. Точнее, из-за моей промальпинистской ориентации: дабы не упустить возможный заказ на мытьё окошек, нужно сделать ряд телефонных звонков. Ну и обзвонить своих партнёров по создаваемому РОСС — какие планы у нас на предстоящую неделю, когда планируется следующая поездка в Старицу и собрание акционеров основанной нами фирмы “Паренди”...

: Волшебная рутина спелеонавтики, в общем.

“Понедельничьим днём” отдаёшься работе над складывающимися строками и строфами — в “творческих антрактах” вершу необходимые телефонные переговоры. Незаметно наступает ночь,— затем 4 часа утра, “час маразма” — что дарит ни с чем не сравнимые сокрушительные аллюзии... А потому, оставив рукопись, покрываем обратные страницы своих черновиков осеняющими нас “маразмами” и “перлами”. Утром ложимся спать.

По пробуждению славная совместная работа продолжается.

К вечеру вторника планы мои становятся более, чем определёнными — одновременно с удовлетворением замечаем, что творимая при участии Сергея «Последняя Капля Сталактита» приобретает черты законченности. Строфы Серёжи столь гармонично дополнили мой прозаический язык третьей части, что “не отпраздновать такое — грех”.

: Отсутствие государственной торговли компенсирует стихийный рынок у станции метро “Киевская” — совершаем туда продовольственный хадж. На остаток денег заходим в государственный гастроном и покупаем то, что он единственно и может предложить (помимо уксуса и морской капусты в томате).

: После чего совместно ужинаем, чередуя возлияния гитарно-магнитофонными звуками. И периодическими возвращениями к тексту — «знаешь, вот в этом месте, наверное, нужно написать не так...»

Ночь снова незаметно растягивается до “проклятого рассвета” — но в семь часов мы всё-таки укладываемся: я на любимый диванчик,— Серёжа, как обычно, располагается в миниатюрном моём кабинетике. На полу, на пенке и спальнике.

Стены кабинетика — стеллажи книг, магнитофонных катушек и винилов; очень подходящая обстановка для здорового творческого сна. Тем более — после содеянного, сотворённого, съеденного. И естественно выпитого.

Кроме одного предмета: *телефона на столе ровно над серёжиной головой.*

Последней мыслью, изрекаемой из положения лёжа, напоминаем друг другу чрез открытую кабинетную дверь: завтра, точнее, уже сегодня — среда,

день традиционно для нас обоих несчастливый, суетной и бессмысленный...

– Прорвёмся. Не в первый и не в последний раз...

– Да уж...

: Утро, среда, начало июня 1992 года.

Ровно в восемь часов утра следует телефонный звонок Старшего Кэма. Некоторое время он о чём-то говорит с Лещиной, – затем ошарашенный и явно ничего не понимающий Сергей передаёт трубку мне. Без комментариев. Беру её и слышу мощный кэмовский рык – продолжение излагаемого до того периода. Обильно чередующегося “непарламентской лексикой и просто матом”:

– ... значит, мы все отрубаемся, сил больше нет, Кисели мы, в общем, прочесали, родители торчат у съяновского входа, ходят кругами, в Киселях их наверное, нет, потому что я так думаю – значит, эти уроды в Съянах, но искать там мы уже не способны. Если отбремся на работах и хоть как-то придём в себя – приедем вечером. А пока срочно поднимай всех своих никитян и дуйте в Съяны, начинайте прочёсывание.

: Вот такое утро. В котором я понимаю не больше Лещины – кроме, пожалуй, одного:

: СРЕДА...

— Требую от Кэма повторного изложения всех его тезисов; Лещина молча берёт чайник, пачку “беломора” – и уходит на кухню.

К моменту возвращения Лещины с кухни с подносом, увенчанным чайными чашками, в голове моей складывается следующая безрадостная картина:

1) Два додика умудрились забраться то-ли в Съяны, то-ли в Кисели *в понедельник утром*. Не в субботу-пятницу-воскресенье, когда риск оказаться под землёю одним минимальный – а именно тогда, когда надежды встретить кого-либо из не то, что хорошо знающих пещеру – просто хоть кого-нибудь! – практически нет. Причём, что характерно, для додиков это был первый в жизни поход в пещеру. (Спровоцированный, как выяснилось позже, неким “туристическим справочником” лохматого года. В котором говорилось о достойных самостоятельного изучения пещерах в долине реки Пахры — но вот об элементарных нормах спелеобезопасности...)

2) Куда именно – в Кисели или в Съяны они направили движение своих отмороженных стоп, не известно. Родителям было сказано лишь, что пещера находится на берегу Пахры, не далеко от платформы Ленинская.

3) Под землю они отправились с одним “погребальным” фонариком на двоих. То есть с фонариком, что сутки торчит из электрической розетки – и минут двадцать потом немного светит: хватает, чтоб в погреб за картошкой спуститься. Если же рискнёшь с этим чудом совдепа полезть в пещеру –

Слово “погребальный” тоже оправдывает себя.

4) Обещались они вернуться домой к семи часам вечера, ибо у одного из родителей в этот день имел место быть день рожденья. И не простой день рожденья — юбилей: в самом римском смысле этого слова. Который папаша стопроцентно на всю жизнь запомнил: в кругу друзей за богато убранном

столом... В ожидании любимого чада ‘в аккурат’ предложеньного (оно же призывного) возраста. В состоянии, близком к прединфарктному.

5) Поскольку ни к вечеру понедельника, ни к утру вторника дети домой не явились – во вторник родители с трудом отыскивали на карте мира дыру — то есть на радостях даже две дыры сразу: Кисели и Сьяны,— “приобщаться к мировой спелестологии – так оптом: всё ж дешевле будет!”,— и полдня ходили вокруг-около входов, такие задумчивые... Уродов своих единокровных с ремнями наперевес ожидая напрасно.

А уж за полдень их сердечные приступы с соответствующими случаю психиатрическими помутнениями рассудка косить начали. И тогда местные посоветовали им обратиться к нам. И они обратились: к “Кэму со товарищи”, бо у Кэма с местными традиционно хорошие отношения были, и городской телефон его секретом для многих съяновских жителей не являлся.

6) Кэм, конечно, скликал свою команду — отправились на поиски. Прочесали на всякий случай все жилые гроты в Сьянах; ничего не найдя, на осмотр Киселей ринулись. Ибо:

7) В съяновском Журнале додики не записались – в то время как киселёвский Журнал именно в эти выходные по несчастливой случайности окончился,— последние исходящие из Системы в воскресенье исписали даже заднюю сторону обложки. А потому Кэм со товарищи естественно решили, что уроды эти потерялись в Киселях. Что ж – на тамошних десяти километрах есть, где погулять-поблудить залётному додику... < Машинально вспомнился один из наших, рождённых минувшей ночью, приколов: «Сколько километров в Киселях? – Десять. Но в закольцовках – до сотни!..» Да уж... >

8) И начали они обшаривать Кисели: глобально так, плотно... Включая совсем непролазные шкурники Новогодней и штреки за Эрмитажем, что даже не всем коренным киселистам известны были,— но от команды Кэма штреки под землёй прятать... Забутовка – не забутовка,— плевать. Если там есть какой штрек, он будет пройден. Если нет – но показалось, что “должен быть” – будет найден. Иль выкопан.

: В общем, оторвались по полной программе. Метров 200, не меньше, новых ходов к Киселям за ночь прибавив,— на всякий случай даже второй Школьный выход вскрыв – что по весне традиционно-ритуальными гавнищами затянуло,— но искомым и следа не нашли.

9) Вернулись в город утром в среду – уж третий, критический день для додиков отсчитываться начал: последний день, после которого человека из-под земли ещё в сознании выволочь можно,— и в панике и усталости полной позвонили мне. Чтоб собирал всю возможную никитско-сьяновскую рать – за отсутствием иной альтернативы.

В заключение информации Кэм выразил готовность присоединиться к нам, когда отоспится и разберётся со своей работой.

— В крайней задумчивости² передал Лещине информацию от Кэма. Лещина выразил уверенность, что своих учеников, “у которых

² Переходящей в угрюмость, переходящую в оторопь.

всё равно каникулы”, он точно созовёт — но вот как быть с теми, кто должен возглавить поиски и нести их основной крест... Ибо ясно: в будний день середины недели никого сорвать с работы не удастся. Потому как “время стало не то”.

Возразить на это мне было нечего, — тем не менее, сел за телефон. Раскрыл записную книжку и начал обзвон по алфавиту. Ровно в то время, когда друзья мои если и не спали — явно находились в пути на свои работы. Из чего нетрудно представить степень пессимистичности моего настроения.

— *Среда, день:*

Тем не менее, кое-что сделать удалось. Андрей Маркшейдер с Димой Мастером выехали практически сразу — сказав, что возьмут на себя подготовку лагеря и успокаивание родителей. Глаша, до которого я дозвонился на удивление быстро, выехал вслед за ними.

Лещина отправился домой — ставить на зарядку коногон и собирать учеников.

Юра Киринов позвонил мне сам. Уже со своей работы, — камнерезочной мастерской, где вместе с ним трудилась весомая часть “Детей Сталкера” и Большой Никитский Леший. Не без злорадства поведал ему, что они попались. В ответ естественно услышал, что с работы они уйти не смогут — но сразу по её окончанию дружно ринутся в Сьяны.

Остальным, до кого дозвонился, забил стрелку на Павелецком вокзале в семь часов вечера. Проглот, работавший в гараже Прокуратуры вместе с Младшим Кэмом и своим одноклассником Шуней — поклонником исключительно Киселей — сказал, что они обеспечат нас прокурорскими “рафиком” и “уазиком-буханкой”. «Как раз день рабочий окончится — мы вас под сиренами мигом домчим...»

— Перспектива “домчаться до Сьянов под сиренами и с мигалкой”, да ещё на столь ведомственном виде транспорта, конечно, окрыляла — главное, нашлось бы кого в этих машинах везти.

: День прошёл в телефонных звонках и оцепенении от мысли, как искать столь малыми силами пару шатунов среди двадцатипятикилометрового сьяновского лабиринта?..

Тем не менее, не считая “детей Лещины”, на стрелку у Павелецкого прибыло 20 человек; многие обещали, что их друзья приедут чуть позже, своим ходом прямо до Сьян.

— *Так странно было после двухлетнего перерыва встречаться со сьяновскими партнёрами и друзьями — славной командой Комбата и обитателями Пениса... По столь безрадостному поводу.*

Удивило, что на спасы явились не только обитатели Сьян — среди нашей рвущейся в бой первой двадцатки были представители всех обитаемых подмосковных Систем: Володар, Никит, Киселей и даже Силикат — которые поначалу были представлены всего одной супружеской парой, но какой!

: *Ольга и Паша Руссо, — Гюрза и Крокодил...*

: Получалось, что на эти спасы собрались все, кто в том году ещё представлял собой некий “спелестологический интерес” < или, если угодно —

“силу”, “значение” >,—

По дороге кто-то отпустил шутку, что нелюбимое наше “ГБ”, коль фишку рубило б, могло прямо по месту перепись лучших спелестологических сил Москвы произвести — и посадить тут же, припаяв что-нибудь соответствующее. Хотя бы — использование “более, чем государственного” вида транспорта в личных целях. Да не до нас им было, за коммерческой суетой.

— *Среда, вечер:*

... прибыли на место тремя колоннами, точнее, группами: “уазик” Шуни, “рафик” Младшего Кэма — и группа Лещины, добиравшаяся традиционно-привычным путём: на электричке. Кэм_м, выгрузив нас, тут же упал в салоне своей машины — отсыпаться после полноценно отработанного рабочего дня и предидущей бессонной ночи, проведённой со Старшим Кэмом в Киселях; остальные собрались вокруг костра вместе с теми, кто приехал днём — и устроили традиционный совет. На котором выяснили, кто лучше знает какие участки Системы и распределились по группам. Так, чтоб в каждую входил один из знающих проводников, один “спелестолог в законе” из иной Системы и один чайник. Лещиновских учеников приписали к лагерному обслуживанию — между прочим, не столь простая задача: круглосуточно поддерживать костёр у съяновского входа,— что до дров, что до леса там... Одно удобство: речная вода под боком. Впрочем, брать для питья воду из Пахры не каждый отважится — а потому Проглот тут же повёл ребят к местной деревенской колонке.

По завершении разделения на группы и необходимого чаепития с перекусом (многие приехали прямо со своих работ; поужинавших не было ни одного) отправились под землю.

Искали, как обычно: тройками, разбив Систему на секторы. Не смотря на отсутствие записи в Журнале практически сразу нашли “вещдоки присутствия” — обгорелые шмотки,— сообразительные додики из каландровой сумочки и носков факелки смастерили...

Осветительные свойства которых были столь же очевидны, как и общеудушающие.

— *Ночь со среды на четверг:*

В полночь приехала никитская команда — Кирин, Большой Леший и Дети Сталкера. Приехало ещё несколько человек — все говорили, что в четверг, если мы не добьёмся успеха, народу прибудет не меньше. Первые группы к тому времени как раз поднялись для отдыха и ужина. Лещина был назначен мной Комендантом лагеря (меня на вечернем Совете единогласно выбрали Начспасом),— с момента нашего приезда и до самого окончания работ серёжины ученики при помощи приехавших наших подруг и жён обеспечивали все наши надобности: костёр, питание и отдых отработавших под землёй, разбор привозимых продуктов, постановку палаток. Освобождённый от бытовой суеты, я занимался лишь планированием поисковых работ — не отказывая себе при этом в прочёсывании пещеры наравне со всеми. Единственное, что я не мог себе позволить — это, конечно, отдых. А потому, распределив прибывших по группам в соответствии с их спелеоопытом, вновь ушёл под землю. На новый

трёхчасовой срок.

Что значит прочесать 25 км ходов и шкурников, описывать не буду. Тем не менее, к трём часам (утра или ночи – как угодно считать) чуть-ли не всю Систему обошли-обшарили — безрезультатно.

: Классическая схема поисковки давала сбой. А потому, вспомнив аналогичную ситуацию в Никитах, принял решение: группы получили команду на отдых, под землю же спустился с Ольгой и Пашей Руссо – и с Андреем Маркшейдером.

Ольга и Паша – хорошие подземные экстрасенсы. Поискового опыта у них не меньше, чем у меня, — и опыта успешного. Андрей просто *очень хороший спелестолог* – причём профессиональный подземный топограф, знающий Сьяны, “как свои пять пальцев” < вообще-то пальцев у Андрея полный комплект, – но поговорке не прикажешь >.

Спустились вниз; приняли некоторое количество элеутерококка, что способствует мобилизации организма, после чего немного посидели в темноте, привыкая к Системе. Пытаясь ощутить, нащупать хоть какие-то следы в Информационном Поле Системы – что неизбежно должны были оставить заплутавшие и впавшие в истерику додики. Тем более, оставшиеся без света. Обычно такие следы читаются под землёй, как отпечатки на снегу в ясный солнечный день —

: Момент ‘скончания додиковского света’ почувствовали все однозначно и ясно. Мне даже показалось, что неподалёку от этого места был некий обвал, от которого начинается *читаемая нами волна оторопи/ужаса* (потом выяснилось: *не ошибся*, — камень действительно упал; испугавшись, они ломанулись прочь из того грота — естественно, заблудились – и тут их “двадцатиминутный свет” изволил почить).

: Пошли по “экстрасенсорному следу”, довольно легко читаемому – в весёло-радостном настроении от того, что не лажанулись и предвкушении момента, когда выйдем на них: пропущенных по какой-то причине тремя волнами наших поисковых команд... Впрочем, причина ненахождения додиков понятна каждому: додики продолжают плутать, ловко обходя наши группы по параллельным штрекам. Которых в Сьянах... [“вполне, в общем, хватает”].

Идём “экстрасенсорным следом” по Пятой системе до выхода из неё на Централку. Здесь неожиданно теряем след – думая, что просвистели в мажорном своём настроении мимо их поворота, возвращаемся назад. И – о, чёрт! – нет более их следов, нет никаких признаков испытанного кем-то страха и ужаса в том штреке, где мы только что ясно чувствовали...

: Нет — будто не было.

Останавливаемся, пытаюсь сообразить, что случилось. Догадываемся: мы сами только что стёрли их. Пройдя той же дорогой в мажорно-радостных чувствах, — как по тому же снегу, “затоптали”. Загрунтовали своим настроением —

— пытаемся сменить тактику: рассредоточившись, перекуриваем в темноте, — на некотором расстоянии друг от друга, приняв по глоточку коньячка из фляжечки Руссо, — *пытаемся предста-*

вить/очувствовать, где, на каком расстоянии от нас и в каком направлении находится в этой Системе некто, нуждающийся в помощи. Представляется, что такая установка не может не сработать —

... ага. В экстрасенсорной теории — конечно, да. А вот на практике... Никто из нас не может почувствовать ни единой искорки страха или боли, оторопи *во всей этой Системе.*

— Их здесь нет,— растерянно сообщает Гюрза. И Крокодил присоединяется к ней.

: Я молчу. Ибо сказать мне — нечего. Ничего не ощущаю, не чувствую,—

Получается, что были додики в Системе, чуть не обгадились со страху в том месте, где у них, видимо, сел свет,— **но в данный момент их почему-то в Системе нет.**

: Выходим на поверхность в состоянии крайней растерянности. Докладываем всем не спящим результат —

Народ начал трендить, что додики вообще не под землёй — раз ни в Сьянах, ни в Киселях их-таки не обнаруживается; обгорелые шмотки же — чей-то дурацкий “прикол”. К спасам нашим не имеющий отношения.

Но что — трендёж?..

Тем более, в присутствии родителей... Находиться поблизости от которых в такие моменты, мягко говоря, не очень здорово.

Объявил трендилам “отбой” — то есть принудил к четырёхчасовому сну всех, кто с вечера геройствовал и ещё вчерашнюю ночь по Киселям рассекал, завалы куроча,— а сам вновь под землю собрался. От родительских стонов подале. Строго наказав Лещине устроить побудку не выспавшихся через четыре часа:

: После характерно-условного отдыха.

Ибо возникла у меня единственно разумная версия, отчего мы с Гюрзой и Крокодилом вообразили, что додиков в Системе нет — то есть почему мы не можем их почувствовать, когда настраиваемся на экстрасенсорный обзор Системы:

: ситуация такая возможна в одном случае. *Когда их действительно нет в оставшейся части Системы — то есть общности составляющих её ходов — находятся же они за завалом, отрезавшим какой-то мало значимый, и потому пропущенный всеми при осмотре, аппендикс. Где-то на периметре. Вариант, что додики пребывают непосредственно под завалом, стараюсь не пускать в неокортекс.*

: Мест таких в Сьянах, в отличие от Никит, не столь много — пожалуй, лишь район Магадана во Второй системе, который *очень сильно* напоминает никитскую Сейсмозону — а потому сьяновские обитатели туда без крайней надобности не суются. И знание их этого района соответствующее —

Второй кандидат: находящийся рядом Малый колонник.

С его чёрными конусами. Точное количество которых никто почему-то вразумительно сообщить не может,— даже знаток сьяновской топологии

Маркшейдер. Ну прямо, как количество колонн у Большого театра...

Соответственно, команду на сон отдаю всем самым значимым из приехавших на спасы — даже если они до того не принимали участие в поиске — с собой беру рвущихся в настоящее дело лещиновских тинэйджеров. Пусть порезвятся,— не одну же воду им от колонки таскать (и дрова из сельских полениц)???

Потому как завал и с чайниками отыскать не проблема — **а вот копать его и эксгумировать трупы...**

: Оттого специально даю отдых самым надёжным. Для той работы, что уже неизбежной казалась.

— Уходим вниз; осматриваем район Магадана. Признаков свежего завала не находим. Что ж, остаётся лишь одно место...

— *Четверг, утро:*

Глаз за ночь не сомкнул, а потому вспоминаю урывками: как во сне происходило всё, сквозь некое марево. Жить додикам по-любому оставалось — считанные часы (завал, не завал,— “не понос, так золотуха”: либо раздавлены камнями иль глиной, либо сидят за конусом свежавывалившемся из монолитного до того свода, и от переохлаждения и жути в прямом смысле этого слова с ума сходят). А их родители — предо мной с Лещиной: глядят на спящих наших орлов бессловесным укором... Но что им сказать — что *потому и снят самые кремни, что...*

В это время Маркшейдер со своей группой чайников осматривает Малый колонник. Андрей не только профессиональный топограф (он преподаёт маркшейдерское дело в Горном институте, имея научную степень кандидата технических наук),— как геолога и спелестолога его цена не менее высока. Любой пласт, любая крупинка породы сама рассказывает ему, когда и откуда упала,— как образовалась, какие условия были вокруг... А потому представляется, что после внимательного осмотра тамошних конусов он вынесет неопровержимый и точный вердикт:

: “КОПАТЬ ЗДЕСЬ!”

— Пока Маркшейдер пытается определить направление удара костлявой, пытаюсь как-то снять родительскую истерию: успокаиваю, успокаиваю, успокаиваю... Обещая (почти стоически веря в это), что “через полчаса они увидят своих детей” < чудом удерживаясь от естественного продолжения фразы: “... живых или мёртвых” >. В это время подходит Лещина с вопросом, что делать его ученикам. *Не отрываясь от общения с заплаканными родителями*, отдаю команду срочно подготовить две пары досок, полиэтилен и репшнур:

: известные принадлежности выемки из-под земли изувеченных трупов. Но до родителей, слава Дзуликой, не доходит.

— Снова успокаиваю. Добровольные “помощники” — из говорящих праведные слова и буквально кипящие от истерических эмоций — со всех сторон лезут со своими советами. Чем меньше опыт

успешно завершённых спасработ, тем советов больше. И настроения родителям эти сивки не добавляют.

В разгар очередного “успокоительного периода” вновь возникает Лещина:

— Досок нигде нет. Что делать?

— Тогда жерди! Четыре жерди — по две на каждого!!!

: В полный голос, доведённый разными даунскими советами до точки кипения. А потому даже не поворачивая головы от ближайшей зарёванной мамы.

— *И возвращаюсь, как ни в чём не бывало, к успокоительным пассажам:*

— Вы же видите: всю пещеру мы уже осмотрели, Андрей Маркшейдер пошёл в самое последнее место, где они могут быть... Сейчас он их найдёт. Потому и спят остальные, что работы, в сущности, не осталось.

< Как хочется в это верить!..>

— Многие говорили потом, что едва не сошли с ума от контрапункта этого момента...

Просыпается в своей палатке Гюрза:

— Где Маркшейдер?

— В Малом колоннике.

— Правильно. *Они там.*

— “А где ж им ещё быть?”

: оказывается, последние полчаса Ольга не спала — пыталась отсюда, с поверхности, представить себе весь этот массив (как в 1983 году в аналогичной ситуации мы с Мамонтом представляли Никиты),— и ответ, в общем, получила.

: завтракаем в тупом и беспомощном ожидании выхода на поверхность группы Маркшейдера.

Приезжают первые утренние группы — рвутся вниз,— но куда им идти?

: Ждём. Ждём. Ждём. Под укоряющие взгляды родителей. Потихоньку объясняю ребятам ситуацию, настраиваю на копание конусов и выемку трупов.

Борис и Кэт приехали со своим “кавказцем” — который на всё, что ещё шеволится, реагирует однозначно: «фас» говорить лишне. (Разве «приятного аппетита...») Кэт его специально накануне не покормила — ‘перед охотой’...

— Кирилл предложил намотать на ошейник колючей проволоки. Но Бориса эта тварь слушалась — и, по-моему, только его одного в мире. Кроме, разумеется, Кэт.

— Вспомнилось, как Борис познакомился с этим великолепным образцом прикладного собаководства: пришёл в Сьяны позже всей их “пенистой команды” (какие-то дела задержали в городе),— а Кэт именно в этот выход, никому ничего заранее не говоря, взяла под землю своего баскервиля. Известно, что впервые попав под землю, собака испытывает сильнейший стресс — длительностью около часа. Дабы акклимати-

зация прошла успешней, Кэт привязала его к соответствующего веса глыбине в центре Пениса, отдав команду на охрану обозримого пространства (собака была дрессирована самым замечательным образом), – сама же со всей группой отправилась на проходку. По Системе погулять, с народом пообщаться. В частности, с Комбатом и нами. И предупредить, чтоб в Пенис поосторожней заглядывали...

Сделать об этом предупреждающую запись в Журнале она, конечно, не догадались.

: Борис, насвистывая, спокойно вошёл в любимый грот. Борис достаточно плотно занимался ай-ки-до и у-шу – ни прыжковых способностей, ни реакции, ни физических сил было не занимать.

: Это и спасло. Прежде чем осознал, что случилось, оказался на верху ближайшей бутовой кладки – в полуметре от клацающих без всякого упреждающего лая зубов.

Общение с командой Комбата засасывает порой не меньше, чем “млечно-путёвые посиделки”, – а тут одно сложилось с другим...

Когда под утро Кэт с компанией вернулись в Пенис, окоченевший в узкой щели меж сводом и бутовой кладкой Борис встретил их *такими словами* —

– что не здесь их цитировать. *Десять часов, проведённых в положении лёжа без возможности какого-либо движения и из Юрия Лотмана сделали бы Венечку Ерофеева.*

Однако, если Маркшейдер не обнаружит, какой из 10 ÷ 12 конусов нужно вскрывать — последняя наша надежда на этого пса. Замечательно натренированного за прошедшие годы для подземно-розыскных работ.

Михална, подруга Мастера, также привозит собаку – восточноевропейскую овчарку Герду, имеющую не меньший опыт съяновского пребывания, – но цена её выясняется практически мгновенно: первым делом Герда устремляется к самостоятельно пасущейся неподалёку отаре овец. Инстинкт – превыше всего. Овцы, не привыкшие к собачьему выпасу, естественно пытаются разбежаться; одна из них от ужаса кидается в воды Пахры... Герда за ней. Догоняет, хватает, выволакивает на берег – и приносит нам: что делать дальше? – зримо читается в верных собачьих глазах.

В принципе, для шашлыка овца уже “почти готова”. *Бедный меринос...*

Народ, давясь от смеха, предлагает по-быстрому припрятать полуубиенное животное под землёй. “После пригодится”.

Поскольку Мураками на русский ещё не переведён, направление всеобщего *зубоскальствия* очевидно:

– Она и там найдёт.

– Вот если б додики были в овечьих шкурах...

< «Отберите овцу у спелестологов – они её съедят. А у местных не пропадёт!...», – слышится чей-то ехидный комментарий. >

Наконец, появляется Маркшейдер.

– Ну, что?

– Не уверен. Но кажется мне, что конусов этих на один или два должно быть меньше... Особенно на один: уж больно он какой-то свежий...

– *Четверг, день:*

Спускаемся с Маркшейдером, Глашей, Кириным, Эшеллоном, Борисом и нашим служебно-розыскным кошмаром вниз. У всех, кроме Эша и Маркшейдера, в руке по кайлу на изготовку – от кэтовского кобеля отмахиваться; у Эшелона от той же причины топор на спине за поясом. Остающиеся в лагере группы получают команду быть наготове и по получении сигнала “вниз” уходить туда с интервалом в 15 минут. Двигаемся к Малому Колоннику, – в дальний правый угол Системы. Аллюзия в голове: именно в правый дальний угол Никит, к почти такому же чёрному конусу в 1979 году ушёл без света Иван Шкварин; на раскопках чёрного конуса в 1976 году погиб Виктор Шагал, –

— и у одного из этих конусов почти срывающийся с поводка “кавказец” начинает рыться. Причём, к полному нашему стрессу, рыться начинает не вниз, в основание конуса – а лезет, карабкается по осыпающейся трухой глине на самый верх: под свод. «Не иначе, как завтрак учуял», – сообщает Кирин.

Время, между тем – 9.35 утра четверга. То есть последний час, по мнению искушённых в этих вопросах специалистов, для крыш наших додиков начал своё завершающее тиканье.

Дав определить кавказскому баскервилю направление предстоящих раскопок, отправили с Борисом на кевларовом поводке на выход: от греха... «Не хватало нам ещё кости свежеобглоданные на поверхность вытаскивать», – опять же, сообщает всем Кирин.

— Начинаются интенсивные подземные раскопки: в чёрном глиняном конусе, упирающемся вершиной в разрыв известнякового пласта. Копать подобный объект, не написав завещания и не застраховавав свою Ж. на невероятную сумму – не приведи Господь. *Тем более с-под-низа:*

: Шагал ведь так и погиб...

Поскольку в раскопе одновременно могут работать не более двух человек³, мы с Маркшейдером покидаем ребят и, разделившись, начинаем описывать петли-круги по окрестным штрекам: ибо, конечно, там, куда мы стремимся прокопаться, что-то есть — но вопрос: один или оба? Разделиться при гулянии в темноте для додиков – самое обычное дело. И не комильфо будет, коль выяснится: пока откапывали одного – второй благополучно почил/зажмурился в пятидесяти метрах...

: или “просто сошёл с ума”.

Периодически возвращаемся к месту раскопок – видим, что работа у ребят идёт быстро; сменяя друг друга каждые пять минут, метр породы они проходят минут за пятнадцать — единственно, что шокирует нас всех: *копать приходится вверх*.

Приходит вторая смена – первым делом, естественно, выражая сомнение в

³ В том числе и по соображениям безопасности: никакая спасённая жизнь не стоит другой, загубленной ради этого спасения.

наших умственных способностях. Каждому ясно, что искомые должны быть не наверху обвального конуса – под ним; в лучшем случае у края его подошвы... Как нашли Анисимова в 1987 году в Киселях. Ведь перед тем так же точно несколько часов безуспешно разбирали вершину конуса – пока не увидели внизу у стены, у самой его подошвы, каску...

“ПОЧЕМУ – ВВЕРХ???”

: вопрос, на который никто из нас ответить не может.

И тут Эшелон с Глашей, так и не уступившие своего места на раскопчной передовой трендящей в недоумении смене, **прорываются** —

: ВОЛНА ПРОСТО ЧУДОВИЩНОГО АМБРЭ БУКВАЛЬНО ВЫНОСИТ, ВЫШИБАЕТ ИХ ИЗ РАСКОПА – ВНИЗ, К НАМ,– РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ ПО ГРОТУ...

— Описывать запах бессмысленно. Для цветов и их всевозможных оттенков в русском языке существует около 500 слов; для отображения обонятельных ощущений не более пятидесяти. И в этой полусотне нет ничего, что могло бы передать на бумаге наши тогдашние ощущения.

: Эти дауны, видите-ли, в темноте конус нащупав, вверх – к поверхности земли выкапываться начали — ибо показалось им, что поверхность близко. И они стали ОТКАПЫВАТЬСЯ ВВЕРХ ПО ТЕКТОНИЧЕСКОМУ РАЗЛОМУ, забитому чёрной глиной и известняковой “перемещёнкой” — аккуратно засыпая проход за собой и, естественно, утрамбовывая нарастающую пробку ногами: очевидно, для пущей герметизации. Ну и – чтоб коварные спасатели не помешали столь увлекательной разновидности суицида —

– От поверхности их отделяло в этом месте “всего” 25 МЕТРОВ ПОРОДЫ,– перед спуском в пещеру могли бы задрать головы вверх и полюбопытствовать на высоту холма; за какое время, работая голыми руками без доступа воздуха, можно пройти подобный столб – догадайтесь сами. Только не пытайтесь экспериментировать: шансов остаться в живых при подобной развлекухе НЕТ НИ ОДНОГО.

...: Редкостное сочетание ситуаций Шагала и Шкварина,– вначале во тьме упилить в дальний правый угол Системы – затем, видимо почувствовав, что по современным нашим возможностям этого мало – найдём за два-три часа,– начать выкапываться наверх по чёрному конусу, заваливая за собой породой следы...

: Как мне в унисон доложили оправившиеся от экстрасенсорной непонятки Гюрза с Крокодилом, «оттого-то мы и не могли их нащупать под землёй, как ни старались — для нас-то получалось, что в Системе, как общности сообщающихся ходов, их нет».

: “Нашла коса поисковой экстрасенсорики на белый камень” – то есть на чёрную глину. О чём я догадался ещё ночью.

... Додиков извлекают из конуса – ЖИВЫХ! – “в самый последний мовемент”, причём абсолютно во всех смыслах: они не только

задыхаются от отсутствия воздуха, который замещают испарения мочи и пота, обильно перемежаемые углекислым газом и характерной сероводородной вонью вскрытой чёрной глины,— *сам конус через полторы минуты СХЛОПЫВАЕТСЯ.*

Абсолютно беззвучно, у меня на глазах — и настолько мгновенно, что кажется: движения рухнувшей глины не было — просто один стоп-кадр заменили другим.

: Конус стоит, как стоял до наших раскопочных действий,— ровной чёрно-антрацитовый пирамидой упираясь в разрыв белого известнякового пласта...

...: Штришок-картинка — Кирин пытается выволочь из раскопа вниз одного из этих уродов, а тот упирается, кричит: что вы делаете, у нас тут уже корни деревьев пошли,— сейчас я за корешок дёрну...

: Такое мягкое сумасшествие. На глубине двадцати метров.

Но через 10 минут оказания должной врачебной помощи он приходит в себя. И даже самостоятельно движется в сторону выхода,— в отличие от приятеля, которого Кирин выносит на поверхность буквально на своих руках.

: Этот додик обретает силы, лишь увидев яркий солнечный свет.

И счастливые лики родителей.

Впрочем — счастливые несколько относительно. Ибо выражение лица папы-юбилера (к этому моменту я уже знаю, что он заведует кафедрой военно-прикладной математики в училище ГРУ) таково, что сынок, доставивший папе столько 'деюбилярных' эмоций, попав на поверхность, буквально сжимается от страха. Не взирая на все пережитые "подземные стрессы", которые — по сравнению с папашиним гневом — *просто фигня:*

— ЗАВТРА ЖЕ!! ЗАВТРА — В АРМИЮ!!!

: Грохочет раскат родительской воли над спасательским лагерем. И эхом возвращается от противоположного берега водохранилища.

— Может, лучше в морду?..

— испуганно предлагает виновник торжества.

— В МОРДУ — СЕГОДНЯ. А ЗАВТРА — В АРМИЮ!!!

: Призыв ещё не окончен.

— *Финал действия:*

... ладно. Невесёлые соревнования с костлявой нам удалось выиграть,— предоставленная щедрой родительской рукой канистра "родникового медицинского спирта" вкупе с должной закуской к ней отчасти компенсируют наши физические и интеллектуальные затраты,— а также прочие потери и горести: кого-то завтра ожидает основательная взбучка на работе, кто-то перенёс, отменил важнейшие городские дела и встречи; кто-то, не выспавшись и не успев принять ванну, тут же устремляется на работу, в институт — *грядёт сессия!* —

— И приближается очередной никитский "шагал".

: Тема соревнований со смертью, как и *додиковского козлизма*, не отпус-

кает нас с Лещиной и Кириным (что “нас” – все разговоры ближайший месяц, где бы мы ни появились, крутятся вокруг этой спасаловки и аналогично-сопутствующих тем, так что не реагировать практически невозможно) — а потому к этому поминальному дню мы выпускаем свою самую, пожалуй, разнузданную, масштабную и чернушечную “маразматку”. Выполненную на пяти полноформатных ватманских листах, склеенных в виде креста.

Название газеты – «СПАС НА КРОВИ». Эпиграф: *“Родителям до сорока дней смотреть строго воспрещается...”*

Поскольку описывать юмор – что толковать смысл анекдота, а попытки описания буквами видеоряда карикатур близки к полному кретинизму, цитировать не буду. Тем более, что часть рисунков из этой газеты присутствует в “Творческом разделе” спелеофорума “Спелестология и Спелеология” (<http://www.speleo.ru/phpBB3/viewforum.php?f=32>) наравне с сопровождающими текстами [Тема “И свет, и тьма у нас едины...”].

Прежде чем читать дальше, можете изучить этот раздел.

– Дополнение:

Примерно через два месяца меня неожиданно вызывают в посольство Белоруссии в Москве. Оказывается, родитель второго спасённого нами додика – белорусский дипломат (атташе по культуре, то есть ГРУшный разведчик, – здесь становится очевидной связь меж родителями и детьми – а потому фамилии не называю, равно как имена их детей). Отвечаю по телефону, что эту спасаловку я выиграл не один. Каждый, кто принимал в ней участие, равным образом достоин славы и почестей — в ответ мне вежливо сообщают, что посольство не резиновое, обстановка тревожно-сложная, ситуация была более, чем пикантная, – особенно учитывая настороженное отношение российских властей к нашему *катакомбному туризму* (эх! обтекаемы дипломатические формулировки!..), – в общем, лишь одного героя, кроме себя, я могу привести под светлые посольские очи.

: ладно. Вызываю непосредственно работавших в забое в момент нахождения додиков Эша и Глашу. Глаша посылает посольские приёмы в одну неглубокую полость – Эш соглашается. Прибываем в Посольство.

Там даём большое интервью, рассказывая об истории подмосковной спелестологии, организации спасработ вообще и о ходе этих спасов в частности; интервью записывается на магнитофон. С торжественной клятвой советника по культуре Анатолия Горегляда, в прошлом писателя и журналиста⁴ (мы с Эшем его за язык не тянули и ни о чём таком не просили), что он лично напишет книгу об этих спасках, и уже через полгода она выйдет в Минске. Максимум, через год. 100 экземпляров с автографами Президента Белоруссии – наши.

Кроме того, нас представляют к награде типа “знак почёта республики”.

Помимо данных от широкой белорусской души обещаний, нам с Эшем тут

⁴ Не считая очевидной деятельности на посту “работника плаща и кинжала”.

же было вручено по экземпляру уже вышедшей книги А. Горегляда «Мафия» (лично меня это слегка насторожило – впрочем, книга оказалась не столь плоха: в жанровом формате того времени, конечно, – то есть даже читабельна — за отсутствием в продажном ассортименте ПСС Фрэнсиса, Алистера и Стаута).

: Как известно, демократическая власть в Белоруссии в скором времени пала. Иметь автограф Лукашенко мне хочется разве что на обложке “Майн Кампф”. < Если издание осуществлено на мягкой бумаге, автограф желательно иметь на каждой странице. >

Получить награду из рук диктатора не хочется вовсе.

— да её и не последовало. Как и выхода книги.

: Слава – Богу.

ТРЁХДНЕВНЫЙ ПОИСК

“Кто работает, кто служит – кто подарки раздаёт...”

: Пять часов утра. Ночь с субботы на воскресенье. Город. Январь, 1998 год, —

— и такой сладкий сон!

... который вдребезги разрывает телефонная трель.

: Звонит Гарри и взволнованным голосом сообщает, что группа Нового Никитского Лешего [“Свалка”] потеряла в Никитах человека. Самого младшего из них, племянника Лешего. 13 лет. Нужно срочно обзвонить Никитский Круг и выезжать, потому что Митя потерялся почти сутки назад – в ночь с пятницы на субботу.

Оставляю жену “на телефоне”, передоверив ей обзвон. Который в столь ранний час всё-таки не считаю вполне уместным – коль человек не собирался в эти выходные под землю, пусть хотя бы выспится. Ибо хорошо представляю себе масштаб прочёсывания нашего лабиринта – и сколько сил на это может уйти. А потому определяю начальным временем обзвона 9 часов утра. Провожу ревизию света, снаряжения. Экспресс-зарядом добиваю банки запасной системы. Собираю рюкзак, продукты. Транс пакуется сразу, чтобы потом, на снегу перед входом, не тратить время на его набивание. И в таком виде ставится в шмотник. Лопату, кайло, зубило и монтажку нет надобности брать — в Сапфире традиционно хватает камнебойного и глинокопного инструмента. Включая трёхтонный домкрат.

К моменту, когда сборы завершаются, Гарри на своей “Таврии” подъезжает к моему дому.

Едем в Никитское.

: Ночная зимняя дорога. Гололёд. Но ни попутных, ни встречных машин — а потому Гарри гонит...

Разговор – через фразу. Через паузу. Через затяжку сигаретой.

– Ты подробнее сообщить можешь?

– Они легли спать. Когда ложились, Митька вызвался сбегать к стоящим в КД Дине и ДД. Проснулись – его в гроте нет. Сходили в КД — там его и не было. Не приходил.

– Что так поздно сообщили?

– Думали, обиделся на что-то и гуляет по Системе. Шхерится специально.

– Значит, было на что обидеться?

— крутой поворот; нас заносит. Гарри выворачивает руль, сжимает губы.

– Догадайся сам...

– Всё равно: уже в субботу могли позвонить... Из Домодедово.

– В субботу вечером они начали искать. Думали, найдут быстро. Он же Системы не знает, в Сейсмозону ему было строжайше запрещено ходить, не то, что в ЖБК,— весь разрешённый маршрут: от Свалки до КД. По Централке. Ну они и обшаривали его. Пока не поняли...

– Что-то во всей этой истории не так.

– Давай, на месте разберёмся.

– Если получится.

: Никитское. Оставляем машину в конце деревенской улицы у реки – под светом знаменитого “последнего фонаря” – и шествуем по тропинке через реку (тропинке столь же знаменитой, как и этот фонарь, ибо ведёт она на самом деле не к нашим входам, что на том берегу реки, а к деревенской проруби, и нужно вовремя обогнуть это подлое место),– поднимаемся на откос берега и идём ко входу Эгипед. Ибо от него до Свалки рукой подать,— если длина её, конечно, исчисляется парой сотен метров,— ну и до Сапфира, что занимает географически центральное место в Системе, не столь далеко. Относительно ЖБК и прочих никитских периметров, конечно.

В Свалке наблюдаем “сонное царство”. В принципе, “оно правильно” — до прихода спасательских сил не было смысла броуновски носиться по Системе или изображать иную кипучую деятельность –

: И в то же время... Додик-шатун – штука трудноуловимая. Пока у него остаётся ходовой свет, может упилить с ним фиг знает куда — тут каждая минута бывает решающей.

— Будим Лешего и ребят; пока на примусе зреет чаёк, устраиваем военный совет. Самое тяжёлое, оказывается – добиться от присутствующих хоть какой-то правды жизни: что же случилось у них на самом деле. Глазки у Лешего бегают, ответы на наши вопросы ненормально медлительны, осторожны... После сурового допроса вырисовывается примерно следующая картина:

В пятницу вечером Митьке стало скучно в гроте. Ребята хорошо-уютно сидели за столом,— и вообще: не принято у нас устраивать гуляние по Системе сразу, как ты пришёл в неё; в традиции – посидеть, расслабиться, “выпустить городской гемор и пар”,—

: Митька жаждал активных действий. Леший запретил ему покидать грот в одиночку; когда ребята улеглись спать, Митька, по-

видимому, решил погеройствовать.

И нагеройствовался. По самое никуда.

– Если он ушёл, когда вы все спали — откуда взяли, что он отправился до КД?

– Ну, он ведь только до КД и знал от Свалки дорогу...

– Леший ему сказал: если не терпится гулять, можешь сбегать до КД и попросить у Дины гитару... Чтоб хоть какой-то смысл в его гулянии был.

– И вы преспокойно улеглись спать, не дождавшись его с гитарой?

: Молчание. Ответы если и следуют, то крайне невнятные. Напились они все тем вечером, что-ли — до бессознательного состояния?

– Скандал, или какой-то конфликт, перед тем с Митей имел место?

– Ну...

– Думаю, полноценную правду жизни нам объявят, коль найдём не Митю — а его останки. Тогда-то совесть и проснётся... А пока довольно и этого эрзаца.

– Тогда ты точно никакой правды от них не добьёшься.

– Набить бы тебе морду, Андрюша...

– Поздно.

– Слушайте, вы человека пришли искать — или в следователей играть? — впадает в истерику одна из девочек этой славной команды.⁵ Очень своевременная такая истерика...

– Так мы, блинн, и ищем! — почти рычит Гарри. — Пока, ёбанный в рот, вы нам не скажете, что тут у вас случилось на самом деле, и где его нужно искать в первую очередь — что он в Системе знал, куда мог сунуться — где нам его искать???

– Ладно,— говорю я,— если мы не найдём его за день, по-любому придётся вызывать МЧС. А там с Андрюшей будут говорить по-другому. Особенно дяди в милицейской форме... Учти, Андрюша, раз ты не хочешь по-честному сообщить, что тут у вас случилось — перед серыми волками я тебя прикрывать не буду. Так что выбора у тебя нет.

– Если не найдём Митьку живого — нам точно взорвут Систему. И тогда Лешаку...

– Да. Тогда, Андрюша, тебе и придёт: полный и безоговорочный... Во всех смыслах.

: после этого заявления до ребят доходит, что играть в прятки — по крайней мере, с нами — смысла нет. И нам оглашают подробности. Которые мне здесь приводить не хочется — разумный человек и без того понял, что вызвало гуляние Мити по Системе в одиночку. Как это поняли мы с Гарри.

⁵ По понятным причинам имя её я афишировать не буду — как и имена тех, кто был с Лешим и Митей на этом выезде. Замечу только, что из основного состава “Свалки” в ночь с пятницы на субботу был лишь Леший,— Херург, КМС и Факир приехали позже: кто в субботу, кто в воскресенье. Уже на спасработы.

: Нам клятвенно заявляется, что в ЖБК Митя сунуться не мог, ибо и не водили его туда, и во время первого же похода в Никиты показали водокап в гроте Че-Гевары и сказали: дальше его ни при каких обстоятельствах не соваться.

Но и без ЖБК в Никитах больше 10 км ходов.

: Где искать?

Испив чаю, решаем: мы с Гарри идём со своими вещами в Сапфир, ибо там будет центральный подземный лагерь этой спасаловки, — через пару часов начнут приезжать ребята и начнётся полномасштабное прочёсывание Системы, а потому центральный лагерь естественно должен быть в геометрическом центре поиска. К тому же Свалка слишком сырой грот, комфортного отдыха не обеспечит “по определению”, —

— пока идём до Сапфира по Диагонали (более-менее прямому расчищенному маршруту через Сетку), осматриваем её ходы. Одновременно часть “Свалки” с ребятами из КД ещё раз осмотрят Централку и Ближнюю Систему.

— Мы их уже осмотрели!

— Ищем шатуна. Пока — шатуна. А значит, все системы будем осматривать по два-три раза. Помимо прочего, торные места нужно оснастить записками: «Митя, оставайся здесь. Тебя ищут.»

* * *

12 часов дня. Воскресенье. Прибыли первые группы никитян — пока около 20 человек. К этому времени повторно осмотрены Ближняя и прилегающая к Централке часть Сетки; “в первом приближении” прочёсана Сейсмозона. Вещдоков присутствия не обнаружено.

Разбиваемся на группы и прочёсываем центральную часть Системы — как водится при поисках шатуна, двумя встречными волнами. По возможности движемся через Систему цепью, по параллельным ходам. Насколько это возможно в Никитах. Моя группа идёт из Сапфира по Дальней системе в систему Шкварина; на обратном пути проходим третьей, по счёту, волной через Сетку. Маршрут завершается около шести часов вечера.

: Без результата.

Приезжают ещё ребята, в том числе из других Систем. Сообщают, что вызов в МЧС был послан через Гришу Чёрта в 15.00 — да только перед входом в Систему их пока не видно.

Пока отгулявшие по Системе ужинают (выясняется: продуктов каждый приезжающий брал не более, чем на день — значит, завтра проблема питания станет проблемой №1), вновь прибывшие прочёсывают Сейсмозону и Коммундизм. И вновь — систему Шкварина, правую часть Сетки...

: Следов Мити нет нигде.

К девяти вечера проявляется группа Гриши Чёрта. Докладываю ему ситуацию.

- В ЖБК ещё не искали?
- Леший клянётся и божится, что в ЖБК его искать нужно будет в самую последнюю очередь.
- Уже легче.
- А остальное прочесали по два-три раза.
- Значит, обходил ваши группы.
- Или зашхерился в каком-нибудь малоизвестном тупичке в коматозном состоянии...
- Или вышел в новую часть Системы...

: что “чайникам везёт” – и что в Никитах, если говорить всерьёз, не открыто и половины возможных ходов — мы с Гришей знаем доподлинно.

: Вариант, что Митя мог посадить на себя какую-нибудь плохо висящую плиту, не оглашается. Ибо каждый и без того начинает думать об этом. Как и о том, что пока сам лично не прочешишь все известные тебе ходы — от мысли этой будет трудно оторваться.

– Значит, даю своим полномасштабное состояние ПСР,— резюмирует Чёрт.

* * *

Это — весьма конспективное изложение того, что было. Вне эмоций, вне личных ощущений каждого. Вне нашей усталости и постоянных споров, “где же его ещё искать, куда мог пойти, каким образом разминулся с прочёсывающими Систему группами?”,—

: Вне бытового киота того, что именуется ПСР. Ибо помимо чёткой организации движения поисковых групп (ищем “шатуна”, а потому синхронизация поиска стоит на первом месте, наравне с тщательным осмотром каждой щели, каждого тупичка и каждого, даже самого незначительного аппендикса и “не пользующейся народной популярностью” узкой щели-сбойки),— помимо этого существуют проблема периодического отдыха [ибо он не просто обязателен, иначе о какой тщательности поиска можно вести речь? — должен быть полноценным во всех смыслах!] и проблема питания...

: Различный опыт составляющих Никитский Круг поколений, как и приезд на помощь наших друзей из иных подмосковных Систем — Сьян, Силикат, Киселей и Сьянов — позволил комплектовать поисковые группы по принципу “один проводник, прекрасно знающий Никиты, один, достаточно опытный помощник из другой Системы, и один спелеочайник”. Наши подруги и жёны несли на себе хлопоты по постоянному приготовлению пищи для возвращающихся с прочёсывания групп, обеспечению Сапфира водой. И размещению на отдых в спальниках (иногда — принудительному) тех, кто ‘отгулял’ по Системе более 16 часов.

— *Картинка-иллюстрация: Рашиль со своей женой Ксюхой собираются в воскресенье на эти ПСР. Ибо не поехать —*

невозможно. Дома остаются двое маленьких детей; с ними вызывается сидеть Олич. Однако сидеть дома в мыслях о том, как разворачиваются события у нас в Никитах, “не сильно комильфо”. И Олич договаривается с моей женой Аннет (поскольку та всё равно дежурит на городском телефоне), что с детьми Рашипией посидит Аня — Ольга же поедет в Никиты. Пусть у неё “топографический кретинизм” (увы: у многих спелестологов он присутствует в той или иной степени, но от этого их любовь к Подземле не становится в чём-то ущербней прочих) — у Ольги достаточный опыт по организации лагерного хозяйства. Ибо Ольга — прирождённый завхоз.

И Олич устремляется в Никиты, передоверив детей Рашипия моей супруге.

Перед входом в Систему встречает Макса Силикатского.

— Ты дорогу до Сапфира знаешь?

— Ну, более-менее...

— а тут ещё пара чайников подходит. Из, кажется, Съян. В Никитах до того не были ни разу. И если у Макса спелеоопыт исчисляется двумя десятками лет (что позволяет “на раз” ориентироваться в любой, даже впервые в жизни увиденной Системе), — цена опыта съяновских чайников очевидна. Тем более применительно к Никитам. Однако же — приехали на помощь.

И Олич ведёт их в Сапфир — впервые, наверное, в жизни, абсолютно точно попадая в него без традиционных колебаний и сомнений на каждом перекрёстке...

* * *

За ночь повторно прочёсываются Дальняя, Шкварина и Сейсмозона с прилегающим к ней Коммундизмом. “На всякий случай” прочёсывается и лежащий меж ЖБК и Сапфиром Ирукан — хотя Леший твердит, что “туда забуриться Митька никак не мог”, — тем не менее, поскольку Ирукан рядом с Сапфиром, грех не осмотреть: если выяснится, что всё время поисков Митька замерзал в десяти метрах от центрального подземного лагеря спасателей...

И вообще: раз до сих пор мы не обнаружили никаких его следов — ясно: что-то делается не так. То-ли пропустили его — камнем придавленного “на самом видном месте”, за спешкой и суетой своей, — то-ли ещё что. А потому все системы осматриваются очень плотно и не спеша. Ни один тупичок, ни одна щель под плитой не остаются вне нашего внимания. У каждого завала, чьё время возникновения хоть кто-то не может вспомнить точно, собирается ‘конвульсиум’.

Пока часть прибывших на спасы спит в Сапфире, КД и Свалке, другие прочёсывает Систему. В четыре утра группы меняются местами — кто работал, отправляется после краткого перекуса и чая на отдых, в нагретые товарищами спальники; кто выспался (точнее, немного поспал) — завтракает и возобновляет прочёсывание.

Завхозы всех трёх гротов подводят неутешительный итог продовольственным запасам. Ничего, утром откроется никитский магазин...

: были бы деньги.

Между прочим, многим с утра на работу. Или учёбу. А потому некоторые из отгулявших 'ночной дозор' спать не ложатся – отправляются на первых утренних электричках в город. С тем, чтобы отпросившись с работ, или решив городские дела, вернуться в Никиты вечером.

Если, конечно, до вечера Митя не будет найден.

* * *

К десяти утра перед никитским входом МЖД8М появляются официальные спасательские силы.

Гонору – не счесть. На снежной площадке перед входом ставится надувной зимний домик вместимостью в двадцать человек. Приезжает пара штабных машин, несколько групп спасателей из трёх различных (причём конкурирующих по жизни) подразделений МЧС, – начинается склока в жанре “кто главнее”.

: Что Системы никто из прибывших спасателей человечества не знает, потому что ни разу в жизни не был в ней, их не трогает. Что под землёй уже функционируют прекрасно организованные и контактирующие между собой поисковые группы – тоже. В агрессивно-уничтожительных интонациях мне дают понять, что теперь мы можем “отойти в сторону” (дескать, всё, чтобы создать ЧП, мы уже сделали – теперь, когда в бой вступили Профессионалы, не мешайтесь, ради Бога, под ногами), –

: Группа кинологов со своими собачками рвётся в подземный поиск. Интересно, имеют-ли их собаки хоть какой опыт *подземных* ПСР. (Кстати: картой Никит, даже самой убогой и приблизительной, спасатели не располагают вовсе.)

Мне снисходительно заявляют, что их прекрасно дрессированным собакам подобное без надобности. Мы по своему опыту знаем: в первый час собака, впервые попавшая под землю, испытывает самый настоящий стресс. И как бы ни была натаскана на поиск, – кстати, поиск чего: трупа или живого человека? – для работы не пригодна “по определению”.

Приходится им объяснять, что к чему.

: бесполезно. МЧС-овское начальство, разобравшись с главной своей проблемой (“кто главнее ”), требует, чтобы лагерь подземных спасателей, – то есть уже прекрасно функционирующий во всех смыслах Сапфир, со всей нашей кухней, спальниками, пенками, запасами продуктов, спелеоснаряжением, шанцевым инструментом и прочим, прочим, прочим – рассчитанном на температуру бытия при +8, но никак не при –20° С — *был перенесён на поверхность...*

: очевидно, для удобства конкретного руководства нами-недоумками. Но явно не для более рационального поиска пропавшего под

землѐй.

: Что под землѐй уже работает не менее 40 человек,— которым где разместиться на поверхности: неужели в этом надутом презервативе, и без нас нафаршированном по самую крышу? — спасательское начальство не трогает. Главные здесь отныне они. И мы обязаны выполнять все их приказы. [Почему??? “Нет ответа”.]

Прибывшие менты требуют на поверхность хауптперсонена — Лешего.

И что самое страшное, на поляне перед входом вовсю суетятся журналисты. И желтушечной прессы, и телевиденья. Причѐм эти сямки прибывают ко входу на час раньше первых машин спасателей...

: Прослушивание радиопереговоров МЧС — норма работы любой редакции. Пытаюсь объяснить спасательскому руководству, что эфир лучше всего “прижать”. Мне отвечают, что это не моя проблема.

— вся эта хренотень длится часа три. А то и четыре.

Один плюс — приехавшее домодедовское начальство (шум, оказывается, в районе поднялся просто не мерянный — в основном усилиями журналистов, как московских, так и местных) всерьѐз интересуется нашими надобностями. Сообщаю им, что “всѐ у нас есть — кроме еды”. Твѐрдо обещают помочь, причѐм не медля.

У спасателей тем временем разворачивается нечто вроде застолья. Выдаются “сухие пайки” и горячий чай,— под землю они пока не собираются, ибо с минуты на минуту ожидают прибытия “полевой кухни” с горячим полноценным обедом. Интересуюсь, могут-ли наши ребята поучаствовать в трапезе. Всѐ-таки сутки работают под землѐй... А кто и вторые. Мне сообщают, что пайки рассчитаны только на штатных спасателей [которых под землѐй мы ещё не видели]; вот, если останутся какие излишки...

Единственный мой успех за это время — спасатели признают, что без наших проводников они не смогут вести поиск в Системе. И что подземный лагерь всѐ-таки не может быть перенесѐн на поверхность.

А потому для координации действий меж верхним лагерем и Сапфиром устанавливается прямая телефонная связь. Разматывается бухта “полѐвки”, под землю приносится телефон. Через час связь установлена. На телефоне в Сапфире остаѐтся Ирек — спасатель из группы Чѐрта и мой добрый знакомый из обитателей сыяновского Пениса. Воспитанник Черныша.

Мне удаѐтся объяснить спасательскому руководству, что необходимо зарядное устройство для нового ‘забития’ аккумуляторов севших “коногонов”. Ибо многие из нас пользуют в хождении профессиональные десятиамперные шахтѐрские системы (которых у официальных спасателей — ни одной!), но даже с экономичными “трѐшками” их хватает максимум на 40 часов работы. И эти сорок часов подходят к концу.

: Через какое-то время требуемое зарядное устройство появляется в лагере официальных спасателей. Сообщаю по телефону в Сапфир радостную весть — севшие аккумуляторные блоки, пока их владельцы отдыхают в спальниках, выносятся для зарядки на поверхность.

Распределяем героев-спасателей меж нашими проводниками. Из расчета “один никитянин” – один официальный спасатель”. Ибо иное соотношение реализовать не получается, как ни маракуй.

– Всё, можно приступать к работе.

Я настаиваю на глобальном прочёсывании ЖБК – интуиция (та, что имеется спелео-) буквально гонит меня туда, причём, как кажется мне, гонит в какие-то, не столь далёкие от Сапфира гроты – Леший упрямо твердит, что в ЖБК Митька не мог сунуться “по определению”. Рашпиль предлагает ещё раз прочесать Сейсмозону, Сетку, Дальнюю и Шкварина. “Раз народу у нас теперь неспровокация..”

«Он в Сетке. Больше ему быть негде»,– твердит Леший.

И все спасательские силы устремляются в уже по четыре раза осмотренные участки Системы.

Только группу кинологов с парой проводников от Гриши Чёрта – то есть вроде бы ориентирующихся в Никитах – я направляю в ЖБК: пусть пройдут по Бродвею и Футбольным полям, ибо в прочих никитских системах их собачек придётся тащить на себе.

: По центральным штрекам ЖБК они могут двигаться своим ходом.

Особенно предупреждаю их, чтоб, не доверяясь собачьему нюху и слуху, почаще аукали в каждый отходящий от Бродвея штрек.

Когда говорю это, мысленно почему-то представляю себе штреки, что уходит от Бродвея в сторону Старой системы. То есть часть ЖБК, лежащую меж Бродвеем и Сапфиром.

Поскольку кинологов устремляется в ЖБК сразу две группы, и каждую ведёт “почти наш” проводник, надеюсь, что если Митька присутствует в этой части Системы — от поисковиков не уйдёт.

* * *

Понедельник. Вечер. Снова на поверхности – ибо по телефону поступает приказ немедленно оказаться там. Для чего, не уточняется. А я как раз вернулся с повторного прочёсывания системы Шкварина.

: Выхожу наверх. Долго не могу добиться ни от кого, кому это я так срочно понадобился. Затем до дежурного спасателя доходит:

– А-а... Так Командором тебя зовут?

: неподдельное удивление в голосе. Наверняка ожидал увидеть громилу в два метра высотой и 100 кг весом,– типа Сержанта,–

– Тут, вам, в общем, из Домодедово продукты передали. И наши тоже выделили. Так что зови из-под земли своих орлов, тащите это в ваш лагерь.

— А по телефону в Сапфир это сообщить можно было?..

: Видимо, нет.

– Звоню Иреку, прошу послать на поверхность народ с

трансами.

Ко мне подходит полковник МВД – старый знакомый, Чибисов. Когда я его видел в последний раз, они взрывали Никиты. А перед тем вынимали Зелёного и Моку с Пребывания... Был он тогда в звании капитана. А за несколько лет до того по его слёзной просьбе мы прочёсывали Никиты, выискивая психа, сбежавшего из больницы, что меж Белых Столбов и Барыбино...

: Но-таки здороваюсь. Не до старых обид. Чибисов долго разговаривает со мной, – времена вновь переменялись. И причин для вражды он не видит. Хороший человек. В качестве мемуара сообщает мне, что, оказывается, Мальцев тогда был против взрыва Никит – но процесс, увы, был запущен...

«Ты ведь понимаешь, Сергей: не нами. Нам тоже взрывать ваши каменоломни не в радость было. У меня, например, когда я работал участковым в Никитском, по шесть трупов из Рожайки за сезон выплывало – но не загонять же её из-за этого в трубы? Мы все понимали, что взрывать пещеру – бред. Да только служба...»

: Она, проклятая...

Из Москвы приезжают Миша Сохин с Андреем Парфёновым и Димой Мастером. Сохин говорит, что все старые спелики обзвонены им и достаточно только дать сигнал – приедут...

– Не надо. Толпа и так безразмерная, а толку? – говорю я.

: Меня пытаются атаковать какие-то дауны с телекамерой. Скрываюсь от них под землёй.

Поскольку Старая прочёсана вдоль и поперёк несколько раз, переориентирую группы на прочёсывание ЖБК.

В составе групп треть из старых никитян, треть официальных спасателей, и треть – спелеки из иных Систем.

Из уст в уста передаётся анекдот номер один: *в braveй группе спасателей из Центраспаса у одного, как только вошёл под землю, случился приступ астмы; у другого – клаустрофобии; у третьего сели батарейки в фонаре, у четвёртого перегорела лампочка (налобников, кстати, не было ни у одного из “официальных спасателей”), – пятый полетел, не дожидаясь остальных, вперёд – и заблудился...*

: *Шестой заблудился потому, что отстал. Ещё двое постоянно клинчились в шкурниках. Номера с девятого по двенадцатый тоже не блеснули спелеоопытом, зато двенадцатый, оказавшийся каким-то начальником, устроил нашим проводникам самую настоящую истерику с припевом “я вас научу, сукиных сынов, как под землёй надо работать, вы у меня его в десять минут отыщите!!!” –*

: В результате всю “центраспасовскую группу” отправили от греха на выход. Как только, конечно, отыскивали всех потерявшихся и заблудших, –

: Увы – в основе этого анекдота стопроцентно документальные события...

* * *

Кинологические команды, вернувшиеся из-под земли, ставят вердикт, замешанный на просто-таки не мерянной крутизне: там, где они прошли, плюс пара десятков метров в обе стороны, никаких додиков нет. Район можно повторно не прочёсывать.

“Свежо предание...” Да ладно. [Признаться, в первый раз в жизни на спасках я услышал подобный диагноз – и офигел от него настолько, что даже не нашёлся, что на это сказать.]

Оставив пройденный ими район “на потом” – для групп, что пока отдыхают – распределяю меж бодрствующих участки ЖБК и лежащей меж ЖБК и Дальней системой Западнѐй. Сам иду с Андреем Маркшейдером и Димой Мастером туда, где штреки ЖБК наиболее обвалоопасны. В не столь давно обнаруженную нами небольшую системку за Зоопарком.

По возвращению оттуда поднимаю отдохавшую пока группу Серёжи Факира и делю меж ними и мной с Парфёновым часть ЖБК, что уже осмотрели кинологи. Ибо “доверяй – но проверяй”.

: Что Митя всё ещё может бродить по Системе, мы с Маркшейдером сильно сомневаемся, – хотя бы потому, что фонарь его давно должен был сесть, – и всё ж...

По моей разметке Факир прочёсывает штреки меж Зоопарком и Ируканом; мы с Андреем осматриваем ближнюю к реке часть ЖБК. Гигиена, Собор – и прочее.

Внимательно приглядываемся к каждому вывалу камней; как уже говорил, у Андрея не только замечательная Спелеоинтуиция – весомый геологический, топографический и спелестологический опыт. Каждый завал буквально сам рассказывает ему, когда он случился и от чего.

На границе нашего участка долго сидим и курим, вглядываясь в штрек, уходящий в зону работы Факира. *Обоих буквально тянет туда —*

– Не фиг метаться, словно бабочки. Если он там — Факир мимо не пройдёт.

— и точно: именно в этом районе, прекрасно, якобы осмотренном официальными кинологами, Сергей находит Митю. Абсолютно в сознании и даже без внешних признаков стресса – что обязаны были иметь место после трёхсуточного блуждания по Системе...

В Сапфире Митю осматривают МЧС-овские врачи. Вердикт: пригоден к транспортировке на поверхность своим ходом.

Митя ужинает с нами. Пьёт горячий чай — и в сопровождении спасателей уходит.

Нам остаётся сматывать телефонный кабель и приводить в порядок грот. Время – пять минут первого. Уже вторник.

* * *

: Если бы не враньё Лешего, мы нашли его ещё в воскресенье.

: Если бы не самоуверенность официальных козлов, нашли на 12 часов раньше.

... а наверху бодрый руководитель Центроспаса раздаёт телеинтервью. О том, как официальные спасатели выиграли эти ПСР у костлявой старухи. О том, какие козлы “дикие спелеологи”. Как они безответственны и так далее. Но признаёт, ибо вокруг слишком много наших, просто горящих желанием набить ему морду, что им, всё-таки, “пришлось привлечь даже диких спелеологов – ибо масштабнее спасов они в Подмоскovie ещё не видели...”

: Кто кого привлекал... И кто что видел...

Впрочем, это традиция. «Кто работает, кто служит – кто подарки раздаёт...»

: То есть кто ищет и спасает – а кто трендит об этом в телекамеры.

* * *

... провожаю Митю и официальных спасателей до выхода МЖД8М. Ибо не смотря на то, что от Сапфира до верхнего лагеря тянется путеводный кабель, топографической уверенности выводящие Митю ‘спасюки’ не показывают. Даже, скорее, наоборот. “Нам только повторных спасов не хватало”, – бормочу я и, презрев усталость и законное желание организма оттрапезничать и завалиться часов на 10 в тёплый спальник, сопровождаю группу “выводящих” наверх. На поверхности вижу раздающих интервью спасателей, – поскольку сцена эта умиления не вызывает, скрываюсь от созерцания оной под землю. В Четвёртом Подъезде Херург радостно замечает мне, что теперь мы можем провести долгожданную телефонную связь меж Свалкой и Сапфиром – по его профессиональному мнению (Саша работает слаботочником в метро), затащенного под землю кабеля как раз хватит. “Нам только этого скандала не хватало”, –

: Отдаю Херургу своё последнее распоряжение в этих ПСР — кабель смотать и вынести вместе с телефонным аппаратом на поверхность.

И тут возникает с истерикой одна из девочек, что присутствовала в Свалке, когда потерялся Митя. Мне даётся понять, что я настолько затянул поиск “их дорогого мальчика”, что его едва успели найти в самый последний момент, буквально на грани жизни и смерти...

: Патетика в сочетании с истерией — омерзительная смесь. От усталости (и неизлечимого внутреннего наива) пытаюсь реагировать на эту дрянь адекватно – “если бы вы с самого начала не настаивали, что в ЖБК его нет...”, – ибо со слов Мити доподлинно знаю: *именно эта подруга водила Митю накануне в ЖБК, – как знаю теперь кое-какие мрачноватые подробно-*

сти митиноного ухода из Свалки,—

— получаю оплеуху-затрещину. Очевидно, в качестве награды за содеянное. [Потом узнаю: после того, как Митю вывели на поверхность, его родственники устроили подобную истерику — угадайте с одного раза: Лешему? — хрена! — нашим ребятам, что искали и нашли его, в частности, КМС — Марине и Саше Карякиным, работавшим в группе Факира,— такая вот благодарность...]

Появляется Чёрт с бутылкой водки ‘от МЧС’,— но возможно, и собственной. Выпиваем её в КД с Гришей и Иреком под уговоры “поменьше обращать внимание на истеричек и разных козлов, дающих безответственные интервью, ибо все на самом деле, конечно, понимают, кто организовал и успешно провёл эти спасы...” «Леший их нам организовал»,— бормочу я. Но оттаиваю.

— Затем возвращаюсь в Сапфир.

На кухонных полках созерцаю фантастическую картину: круг ‘пешеходного’ сыра и лежащие пирамидкой три батона варёной колбасы “от домодедовского горкома”. А также несколько бутылок вина и водки. Какую часть из них ребята купили в складчину, какую презентовал горком — уже не понять. Народ не без ехидства замечает, что от “официальных спасателей” ни капли продовольственной помощи так и не последовало. Хотя обещали её громко и в полный голос — даром, что журналисты вокруг суетились.

— Но всё равно картина прекрасная. И макароны с традиционной тушёнкой как раз раскладываются по мискам хозяйственной Оличем.

: Обильная трапеза с неизбежным релаксационным воздействием под анекдоты о шатании по Системе официальных спасателей подводит итог этим трём суткам. Гитаристов, как и гитары, среди нас нет (Рашпили уехали домой к оставленным детям, как только получили известие, что Митя благополучно найден) — отсутствие инструмента восполняют скандируемые всеми “спасательские моностихи”. И цитаты из нашей “спасательской газеты”, выпущенной на сороковой день после успешного завершения ПСР в Съянах в 1992 году...

— *Завершающая картина:* у Силикатского Макса нет спальника; Олич чуть не насильно запикивает его в свой — сама не ложится, а остаётся наводить порядок в гроте. И готовить завтрак к нашему пробуждению.

СОРВАННЫЕ СПАСЫ

*“... потому что не верили,
что додик может поступить
столь осмысленным образом...”*

Очередной пятичасовой телефонный звонок будит меня прекрасным июльским утром 1999 года.

– Это Юра Рыбин говорит... Ну, Белый. Помнишь ещё такого?

: Сон медленно отпускает. Слава Богу,— первая приходящая в голову мысль,— что сегодня не надо на работу. Один объект сдали только вчера — теперь главное, получить за него деньги,— второй “на подходе”. В стадии созревания.

– Как не помнить!

: Юра Рыбин — Белый — один из тех, кто в 1988 году вскрыл Сьяны. Тогда работал пожарником. Однако понимаю, что причина его звонка не имеет никакого отношения к его работе. Ибо на 100 % связана с очередным ЧП под землёй,— скорее всего, в любимых им Сьянах — что мы оставили на волю Кэма девять лет назад...

И ошибаюсь. Как по первому, так и по второму пункту.

– Понимаешь, я работаю теперь оперативником в УВД Видное. И к нам вчера обратилась пара мам — у них в Никитах дети пропали... Через 20 минут машина будет у твоего дома. Обзвони пока, кого сможешь.

Что я успею собраться и позавтракать — по-видимому, подразумевается само собой. Или подразумевается, что я уже собран — завтракать же мне “не положено по штату”. По крайней мере, в таких ситуациях.

: Звоню Грише Чёрту — он, слава Богу, оказывается на службе. И на дежурстве. Излагаю ситуацию. Натягиваю комбез, бросаю в рюк спальник, пенку и свет. Пару банок консервов и ещё какую-то еду. И вылетаю на улицу — синхронно с тормозящей у подъезда машиной.

Перед самой машиной в попытке торможения спотыкаюсь об абсолютно ровный асфальт — и чуть не растягиваюсь на оном. “Очевидно, мы ещё не проснулись.”

— Ещё через 20 минут просто сумасшедшей езды мы в УВД Видное. Последние данные гласят: не объявились. Неизбежное интервью родителей: а вдруг их чада-таки не в Никитах?

: Увы. Без сомнения, именно там. С полной уверенностью обоих и мам, и пап. Что ж — сажаем в машину по представителю каждой семьи — и в бой.

Через очередные 20 минут мы на месте. Роса на траве,— поднимающееся за лесом на горе солнце, птичий щебет, сонные серо-зелёные воды Рожайки против входа... Эх, просто прекрасный был бы денёк,—

... Ныряю во вход, читаю Журнал. Последняя неопределённость исчезает.

Выхожу наверх, закуриваю. Докладываю всем, что искомые — под землёй.

: Ждём подъезда славных спасательских сил.

: Подъезжают. Выгружаются из машин, начинают разворачивать наземный лагерь. Почти все лица знакомы по не столь давней трёхдневной зимней “спасаловке”. Но в этот раз состав явно сильнее — много тех, кто реально ходит под землю. Группа Чёрта укомплектована теми, с кем мы уже провели несколько тренировок в Никитах. А значит, в этот раз работать будет легче. Никто не задохнётся от астмы, не потеряется через пару-другую развилок,— и вроде бы нормальный, на этот раз, у всех свет...

К тому же через пару-тройку часов начнут подъезжать никитяне —

: Первым делом решаем со спасательским начальством вопрос о субординации. Как обычно, общее руководство на майорах и полковниках штатной службы – руководство конкретными действиями под землёй возлагается на меня.

Пока спасатели разбиваются на группы и проверяют необходимое поисковое снаряжение, включая медицинскую часть и раскопчный инструмент, беру Питона (он мне представляется самым толковым из всей команды Чёрта) и ухожу с ним в Систему. Чтоб попробовать привязаться к очувствованию её, пока информационное поле не забили эмоции от героев спасательного фронта. Авось, что откликнется. Контрольное время – те же 20 минут.

Поставив Свечу Виктору Шагалу, идём по Централке, – ибо туда меня что-то влечёт. Некое безотчётное желание. Чувство.

— На Централке против Русской Америки видим “бутербродник”. Внутри действительно бутерброды. А также бутылка водки. Нетронутая оппенингом. То есть вскрытием.

: Уже легче. По крайней мере ребята не заблудились от переупотребления алкоголя. И вряд-ли находятся далеко от предмета первой необходимости – ибо удаляясь на серьёзное гуляние по пещере, такие вещи заначивают в более укромных уголках. А не на самом торном проходе в Системе.

Очевидно, заблудившись – ибо, как сообщили мне родители, в Никиты их дети отправились по первому разу в жизни – оставили рюк на перекрёстке. В качестве ориентира. И должны быть где-то рядом...

: Главное, не под плитой необъятного веса и звания.

— Выходим на поверхность, вынося вещдоки присутствия.

Затем убеждаю начальство, что карта Никит, которую они мне показывают, как, якобы, самую лучшую в мире (ибо из каких секретных архивов они почерпнули её, очевидно) Никитам соответствует не боле, чем схема московского метрополитена.

: Ибо эта карта – знаменитая карта Никит работы Мальцева/Вятчина.

В качестве лёгкой укоризны показываю им свою и прошу найти 12 отличий в секунду. После второй минуты сравнения все сбиваются со счёта. Особенно чины, у которых звёздочек на погонах больше. [Всем известно: произведение звания на интеллект есть величина постоянная.]

Копировать свою, естественно, не позволяю – но пользуясь туалетным аналогом Мальцева (на грифе просто фантастическая надпись: “топосъёмка 1959 года” — сколько лет тогда было Андрюше и Володе, и были-ли известны в тогдашнем спелеомире Никиты, не спрашиваю за очевидностью), разбиваю изображённое на ней пространство на зоны поиска. Секторами расходящиеся от найденного рюка с продуктами.

: Своей группе выбираю Сейсмозону, ибо сложнее её ничего нет – и я должен быть уверен, что она осмотрена добросовестно. Группе Питона доверяю пространство меж местом находки и районом своей работы – та самая интуиция говорит мне, что здесь нужно пошарить особенно тщательно, ибо что-то в этом месте (разумеется, в эзотерическом смысле) перекликается с

тем местом в ЖБК, куда тянуло меня и Маркшейдера на зимних трёхдневных ПСР,— и где Факир, не смотря на уверения официальных наших помощников с собаками, нашёл-таки додика.

Остальные получают свои участки по лотерейному принципу.

Уходим под землю.

: Моя Свеча у места гибели Вити ещё горит — и это вселяет тёплое чувство...

Разделяемся с группой Питона с тем, чтобы разойдясь к исходным точкам поиска, начать зигзаговое движение навстречу друг другу.

Первым делом проходим Магистраль, ведущую через Сейсмозону от Четвёртого Подъезда в сторону Сапфира. В воздухе нет дыхания присутствующих людей; в Монте-Кристо сворачиваю в сторону зоны Питона. Кажется, здесь теплее.

Движемся кривыми шкурниками Сейсмозоны в сторону Русской Америки, старательно “эвакуя” во все ответвления и пробивая их светом. Ответвлений — не счесть.

В Малом Нецензурном внутреннее ощущение становится теплее, и тут же будто взрывается горячей точкой. Имеющей скорее не пространственную, но временную протяжённость. Где-то около мига.

С ходу ныряю вперёд, по направлению ощущения теплоты — вижу свет одного из ребят, что назначены в группу Пита.

— Ну, что у вас?

— Нашли.

— Обоих?

— Да. Сидели, спинами друг к другу прислонившись и накрывшись общей штормовкой. Периодически даже какие-то бумажки и плекс жгли, что у них были. Чтобы согреться.

— Молодцы.

— В первый раз видим, чтоб чайники поступили столь осознанно: представляешь, у них даже ещё пара кусочков плекса оставалась! Но почувствовали, что заблудились — не стали до последнего света по Системе метаться, а сели ждать.

— НА РЕДКОСТЬ ПРАВИЛЬНЫЕ ДОДИКИ.

— Питон с ребятами их на выход повели, а меня в вашу сторону направили: чтоб вы зря не искали.

— Спасибо.

— Находим остальные группы и объявляем “отбой”.

: Весь поиск занял те же 20 минут...

На поверхности наблюдаем прекрасно организованный лагерь,— помимо отделения Чёрта приезжают орлы из Центраспаса, с ними, как водится, журналисты и прочая дрянь,— появились представители домодедовской власти, менты... Но — развёрнуто горячее питание для страждущих. И в больших палатках рядами спальники для отдыха,—

— приезжают первые никитяне...

И каждый говорит мне:

– Ты понимаешь, Ком, что своими новаторско-подлыми методами сорвал самые замечательно организованные спасы в истории спелестологии?!

: Организация действительно отменная. Не считая появившейся изобильной еды и прочего сервиса, даже спирта практически не мерянное количество. Хотя по традиции многие из спасателей скидываются и посылают гонцов в Никитский магазин “за вкусненьким”.

Что ж – каковы додики, таковы и спасы.

: гуляем до вечера.

О ЧАЙНИКАХ, ХОДИКАХ, ЧИЧАКАХ И ДОДИКАХ

Один чичака честных правил...

*Чайник бродит по системе
по довольно странной схеме...*

*Я с трудом дошёл до грота –
Там слесарные работы:
Двое додиков в тоске
Ковыряются в замке...*

*Группа ходиков слегка
Углубилась в ЖБК...*

Несмотря на очевидную разницу, многие отчего-то путают столь фундаментальные термины практической спелестологии, как чайник, чичака, додик и ходик. В качестве личного вклада в борьбу с энтропией попробую объяснить:

Чичака – неофит, то бишь восторженный новичок, впервые попавший под землю. О корнях этого слова прекрасно поведал Дж. Лондон.

Чайник – не стадия хождения, а определённый склад души в сочетании с достаточно низким IQ — то есть природный разгильдяй, проходящий наиболее опасную стадию уверенности в своих силах при отсутствии должных на то оснований. По одной из версий термин заимствован из среды горнолыжников. (“Летит по склону, как чайник”, — или же обожает фотографироваться на фоне гор вместо катания в характерно-попсовой позе, в профиль напоминающей чайник: одна рука упёрта в бок, во второй простёртая вперёд лыжная палка или указующий перст за потерей оной.) По другой, происходит из-за лязгающих и дребезжащих звуков, издаваемых плохо подогнанным снаряжением, — а также из-за *чайничьей* привычки таскать в походы кухонные чайники за отсутствием общепринятой туристической посуды — причём нести его, закопчённый и грязный, снаружи рюкзака. Вероятнее же всего термин вызван ассоциативным образом “напыщенного”, “важного” пустотелого предводителя

кухонной утвари.

Конечно: среди новичков чайников поболее, чем среди опытных спелестологов и спелеологов,— уже хотя бы потому, что опытный спелеолог — точно не чайник. Тем не менее, ставить знак равенства меж новичком-чичакой и чайником — не вполне корректно.

Додик — доходяга, нуждающийся в явлении спасотряда — или своим поведением под землёй провоцирующий спасателей на незапланированное гуляние по пещере.

Ходик — а) действительно небольшой ход под землёй; б) додик-шатун, умело обходящий спасателей.

: Каждый из этих слэнговых терминов имеет своё конкретное наполнение, и смешивать их не стоит.

СПАСЫ — ДОСРОЧНО!

“Я взял фонарь. И рефлекторно выпил...”

О пьянстве моих подземных друзей и знакомых можно, конечно, “долго философствовать”. Скажу кратко: алкоголизм Мастера, пьянство Лещины и запой Зелёного Змея — совсем не то же самое, что “бухалово” какого-нибудь опустившегося бомжа или люмпена. И ничего общего — в принципе — не имеет с постоянным “наблюдением красот белого камня через спиртуозные пары” иных посетителей (именно *посетителей*, не иначе!) наших каменоломен.

Ибо даже в самом этанольном своём состоянии они оставались Личностями. < Так Президент страны может, конечно, напиваться — ибо все мы люди; но коль он и в пьяном виде остаётся Президентом — это, безусловно, лидер страны. Личность. А коль наждавшись, не отличается от забухавшего бомжика... “Тем хуже для страны”. >

: Под землёй пьют многие спелеологи и спелестологи. Алкоголь весьма способствует (будучи принят не в чрезмерном количестве) нашему восприятию Подземли,— снятию усталости, стресса. Радости общения при встрече друг с другом. Омар Хайям был гениальным поэтом — и пьяницей. Если человек соблюдает хайямовские “что, где, с кем и сколько” — деградация ему не грозит. Под землёй ему открываются новые просторы и глубины; от неба приходят образы и строфы, мелодии и краски. Означающие философское постижение Мира, движение мысли.

Но если в человеке нет Личности — пьянство его омерзительно; результаты почти всегда удручающи.

: Самое малое, что сулят окружающим эти “каменоломенные алкоголики” — испорченный пьяным скандалом подземный выход.

И хоть все мы (кто достаточно давно ходит под землю и считает себя “повязанным по жизни Подземлёй”) считаем, что с пьяным в каменоломнях “ничего случиться не может” — рассуждение это касается лишь тех спелесто-

логов, что отмечены “даром Подземли”. С прочими – получается иначе. Потому что иной раз их пьянки приводят к трагическим ЧП.

* * *

Сьяновский кадр Кедр относился именно к этой категории посетителей каменоломен. Нет нужды особо подчёркивать, что появление под землёй пустых, никчемных спеликов никогда не приветствовалось в Никитском Кругу. А уж если они при этом относились к категории ‘бухаринцев’...

: Сидит этакий хрюндель в гроте против меня, – и разговоры наши ему в лом, и музыка, что звучит в гроте (от гитары или плэера, не столь важно), – всё по барабану. Пустой взгляд, пустая душа. Одно лишь вызывает его оживление: налитие спиртного в кружку.

Хочется прогнать его к чёртовой матери – но то-ли неправильно понимаемый закон гостеприимства, то-ли кривое зеркало доброты, милосердия останавливает. А может, ощущение: выгонишь его *такого* из грота – куда пойдёт бродить без сознания по нашему сложнейшему лабиринту?.. Чем кончится это его броуновское движение? [Точнее: шатание.]

— Не буду называть того, кто привёл Кедр под землю, – и не то, что воспитал его таким – нет: проглядел, как из обычного подростка вырос похуист-алкоголик. Без цели, без стержня существования. Смысл хождения которого под землю свёлся лишь к потреблению “лиграрылов” — в любом, максимально возможном, количестве. У многих никитян об этом человеке (возглавлявшем один из подмосковных туристических клубов, и немало детей прирастившем к занятиям спелеологией и спелестологией) крайне негативное мнение.

: Возможно, педагог он был никудышный. И скверный инструктор. Но не мало ребят именно ему обязаны счастьем понимания подземного мира. А что в Никитах этого “спелеопедагога”, мягко говоря, не любили (я сам пару раз имел с ним весьма скандальные столкновения, и мои друзья тоже — причём с точки зрения подземной этики иной раз “даже в морду ему было дать мало”) – его личные трудности.

В конце концов он осознал их и перестал радовать нас “предспасательским состоянием”, которое сопровождало почти каждый его выход под землю. По крайней мере, в наши Никиты.

И несколько его воспитанников со временем заняли в Никитском Кругу весьма уважительное положение. Что, согласитесь, всё-таки неплохо.

— *Но был и Кедр.*

* * *

В феврале 2001 года он в очередной раз появился в наших Никитах. Причём не один, а с приятелем. Под ником Толстяк. Кажется, вообще впервые

оказавшемся под землёй.

Завалился к нам в грот субботним вечером (такие кадры просто жопой чувствуют любое намечающееся застолье),— к столу выставил бутылочку водки. То есть как бы даже не на халяву вломился.

Что ж: посиди, не гоним.

В середине застолья приятель Кедр “отрубился”. Его положили подремать на “гостевые нары”, подложив от холода деревянных крепей пенку. Сверху укрыли запасным спальничком.

На воскресенье у нас были запланированы весьма важные работы в Системе (у кого — фото- и топосъёмка, у кого — оборудование нового стояночного грота), и затягивать застолье мы не собирались. Ибо не для пьянки пришли под землю. Произнесли кодовую фразу: «Гости, а не надоели-ли вам хозяева?»,— и отправились спать. Этим действием подчеркнув, что “театр закрывается, нас всех тошнит”.

: Естественно, гости разошлись.

Кедр убрался вместе с прочими, оставив в гроте своего товарища.

Мы, поскольку уже легли спать в своём модуле, об этом не знали. Что нам оставляют “подкидыша”, ни одной фразы произнесено не было.

— Когда проснулись утром, место на гостевых нарах пустовало. “Значит, ушёл вчера вместе с Кедром”,— очевидная мысль. Ибо если бы остался в гроте (за невозможностью транспортировки до родного спальника) — не зная Системы, наверняка спокойно выспался бы в тепле и уюте,— протрезвел — и сейчас был перед нами.

— Да и не было нам ничего сказано о том, что мы должны побеспокоиться о Толстяке и довести его утром до места, где они с Кедром бросили свои шмотки. Как делается обычно в подобного рода ситуациях.

А потому никто “спасательского волнения” не испытал.

Было утро воскресенья, и все спешили доделать запланированные на этот выход дела. Глеб Зырянов отправился на фотосъёмку в недавно открытую им никитскую суперсистему Мартингал; мы с Чудовищем, вооружившись потребным инструментом, продолжили работы по расширению и перестройке его грота. Что был найден Сергеем неподалёку от нашего Сапфира и назван Некрополисом.

: Перестроечные подземные работы затягивают,— за временем почти не следишь. Но нам с Сергеем нужды торопиться не было: вольная профессия промальпинистов позволяла остаться под землёй ещё на день. За который мы надеялись привести Некрополис во вполне “стояночное” состояние.

* * *

Ближе к вечеру мысли о необходимом перерыве на ‘обедужин’ начали сковывать наши усилия. Стало ясно, что с перемещением плит и крепей надо “завязывать” — по крайней мере, на сегодня.

И тут в Некрополисе появился Глеб.

«Представляете, ребята, прохожу я через систему Шкварина – и слышу сбоку, из-за поворота, чей-то голос. Сворачиваю – вижу, чайник. Совсем без света сидит. “А где здесь выход?” – спрашивает...»

: Мы с Чудовищем не можем сдержать смеха. Искать выход в системе Шкварина — это да-а... Давненько никто в Никитах этим не занимался.

«И что ты сделал?»

«Да пришлось его, вместо съёмки в Мартингале, на выход вести. Оказывается, это тот самый кадр, которого съановская пьянь забыла в Сапфире. Он среди ночи проснулся, вас решил не будить – и отправился, как он считал, на выход. То есть к Четвёртому Подъезду, где они с Кедром свои шмотки оставили.»

«Поздравляем тебя, Глеб, с Первой Спасённой под землёй Человеческой Жизнью.»

«Только никчемной, судя по всему. Но подвиг – всё равно подвиг. И вообще: это первый такой случай, чтобы помощь додику оказали до того, как успели спасы объявить.»

«Знаете, ребята, а ведь в Четвёртом он своих вещей не нашёл – похоже, Кедр уже смотался с ними на выход.»

«Или в другой грот перебрался, поудобней. Однако удивительно, что это он по пропавшему приятелю спасов не устроил...»

«В общем, я его почти до выхода довёл – там, перед Журналом, местных ребят встретил, Тюленя и Метеора. И передал спасённого им. Мне ведь ещё домой сегодня успеть надо.»

: Смотрим на часы – время почти восемь часов вечера.

* * *

: Глеб уходит собираться на выход (эх, обломилась запланированная фотосъёмка!...),– мы с Чудовищем возвращаемся в свой грот. Ужинать и спать.

В гроте я не могу найти своего запасного света. После долгих поисков понимаю: украден. Поступок, за который однозначно следует бить морду. Поскольку никто из ходящих в Никиты на подобное не способен – единственная догадка привязывается к имени Кедра. И спелеоинтуиция буквально орёт: попал, правильно!

«Ладно,– думаю,– при следующей встрече... И за то, что чайника-приятеля подкинул нам, как кукушка, и за то, что не побеспокоился о нём,– за то, что не проинструктировал его должным образом перед тем, как вести в такую сложную Систему... И за спизженный свет – в Особо Крупных Размерах.»

: между прочим, запасной свет на то и запасной, что ты на него рассчитываешь.

И покупаешь-творишь (ибо все наши налобники изготавливаются нами вручную) только в расчёте на себя. А не на пьяного Васю. Что бутылку перед

походом под землю купит обязательно — но надёжным светом обзавестись...
— И так далее.

* * *

... среди ночи меня будит топот гостей; луч фонаря слепит полупроснувшееся зрение. С изумлением созерцаю перед собой Гришу Чёрта; рядом с Гришей вижу Юру Дёмина.

— Ты знаешь, что у вас в Системе спасы?

— Не мели ерунды. Спасённого ещё в восемь часов вывели на поверхность. А может, даже раньше. В семь.

— Как это в “семь”, когда нас всех в одиннадцать подняли на уши!

— Пошли разбираться.

: приходится вылезать из тёплого спальника и заниматься тем, что меньше всего хотелось бы делать — здесь и сейчас. Не для того оставался ведь под землёй...

— но идём к выходу. В Журнале читаем следующую запись: *«Чайника вывели на поверхность — Метеор, Тюлень.»*

Объясняю Грише и Дёмину смысл оной. Как мне кажется, весьма прозрачный.

— Но какого хера они не написали, как его зовут?! И где он тогда — коль и сейчас, в три часа ночи, его дома нет???

: хорошие вопросы. Особенно второй.

Выходим на поверхность. Идём к дому того из ребят, что ближе. Одет я не для февральских наземных экскурсий — для быстрого бега по Системе.

Будим родителей, будим Метеора. Выясняется: по выходу на поверхность Толстяк посмотрел на часы и ему показалось, что до Одинцова, где он проживал со своим другом Кедром, он сегодня не успевает. Как можно, находясь в Никитском в восемь часов вечера, “не успеть” на последнюю электричку до Одинцова — для меня лично загадка. Возможно, его просто заломало ехать без тёплых вещей. Что сгинули вместе с Кедром. *Но ведь даже до Домодедово, чтоб позвонить домой и успокоить родителей, он добраться не соизволил!*

: Прекрасно зная, что “спасатели не дремлют”, и поутру предоставят ему всё необходимое. Включая, возможно, не побеспокоившегося о нём кореша.

: Толстяк заночевал у гостеприимного никитского алкоголика, дяди Володи.

— А где, кстати, тот, что привёл его в Никиты? Дома его тоже нет...

: Возвращаемся под землю. Читаем внимательно Журнал — запись о выходе Кедра отсутствует.

: Значит, внутри.

Первым делом лечу в самый известный пришлым чайникам грот — КД. Находящийся метрах в 60 от входа. И созерцаю в его спальне Кедра. Спокойно смотрящего сны. Бью пару раз в поисках ответа на самые интересные вопросы.

Пока – легко, ибо “лежачих наше поколение не бьёт”. Разве в качестве побудки в экстремальных условиях.

Кедр сообщает мне, что он, конечно, обнаружил наутро пропажу товарища – “отряд-таки заметил потерю бойца” — ломанулся к нам в Сапфир; нас не нашёл. И стал ждать, когда его друг найдётся-объявится сам. “Может, гуляет где по Системе”.

: такой вот похуизм.

За ожиданием друга Кедр уснул, – похмелившись заначенной водовкой – и более ни о чём не знает.

– А где мой запасной свет???

– Понимаешь, Ком, я его взял, потому что мой кончался... и немного сломал. Но в следующий раз...

– СЛЕДУЮЩЕГО РАЗА — НЕ БУДЕТ!

: твёрдо обещаю ему я. И подняв на ноги, начинаю мудохать. Кедр весит примерно вдвое больше, чем я. Оттого при экзекуции испытываю вполне приятные чувства. И никаких угрызений совести.

Через какое-то время слышу голос Чёрта:

– Ну хватит, хватит, Ком... Нам ведь его ещё ментам предъявлять... и родителям...

– Да я аккуратно. Только по внутренним органам...

* * *

Небольшое дополнение к этой истории, полученное по Интернету от Юры Демина:

«Дело в том, что я приехал к Никитам, совершенно не зная этой Системы⁶ и рассчитывал только на то, что смогу оказать какую-либо помощь коренным никитянам. Но приехал я быстро. Дошёл до Журнала и прочёл в нём ту самую надпись – типа “война окончена, всем спасибо”. После этого я вернулся на поверхность и позвонил в МЧС – сообщить радостную новость. А там мне ответил дежурный, что группа спасателей уже выехала и пока “всех не спасёт”, на базу не вернётся. Дескать “Ваши данные не точны, пока человек не найден и официально не спасён – спасы будут продолжаться”... Грише Чёрту (командиру группы) он мою информацию передать отказался, а прямого телефона Гриши у меня не было. После этого я отправился спать в свою машину, где меня через некоторое время разбудил Гриша Чёрт (как он материл моего телефонного абонента – нужно было слышать)...

Так вот об этом звонке ты не упоминаешь. А мне кажется, что деталь существенная.

И в довершение: машина спасателей (трёхосный Мерседес-911) завяз-

⁶ Несмотря на активное участие в жизни Никитского Круга и изрядный спелеоопыт, Юра предпочитает иные подмосковные Системы.

ла... прямо посреди деревни Никитское – на развилке двух дорог, попытавшись срезать угол. Водитель-новичёк чудом остался в живых, т.к. Гриша Чёрт был зол как целая тысяча чертей...»

* * *

: Днём в воскресенье в Системе было много никитского народу. Организовать прочёсывание можно было максимум за 20 минут.

Тем не менее, Кедр этого не сделал. Похмельный синдром, наверное. Хорошо, что Глеб оказался “в нужном месте в нужное время”.

Плохо, что при выводе на поверхность додик не соизволил расписаться в Журнале.

Ведь его спасли за четыре часа до того, как родители позвонили в Одинцовское УВД.

: УВД передало вызов в МЧС,– Гриша начал обзванивать наших, только что вернувшихся из-под земли. Находящихся, по понятным причинам, не в самой лучшей спортивной форме.

Юра Дёмин первым принял вызов и тут же устремился на своих “жугулях” в Никитское. Доехал почти до входа.

: Спасательский танк завяз в деревенском сугробе. И два часа Гришина команда выкапывала его из снежной завязи — вместо оказания срочной помощи под землёй тем, кто, вроде бы, в ней нуждался.

: Это тоже штришок.

Что мы с Чудовищем устали за время работ по оборудованию грота и нуждались в нормальном отдыхе – понятно.

Что ни отдохнуть, ни выспаться этой ночью нам не удалось – очевидно.

Что в понедельник не успели завершить запланированные на этот выход работы – тоже.

Как не провёл в Мартингале Глеб запланированную фотосъёмку.

— Остальное понятно без комментариев.

ВИДЫ НА НЕСТОЯЩЕЕ

“И возвращается ветер.”

: Экклезиаст

Содержание этой главы ни в коей мере не касается спасателей из Московского Регионального Центра Поисково-Спасательной Службы МЧС — Григория Чернякова (Чёрта) и его товарищей, с которыми мне и моим друзьям выпала честь принимать участие в ряде сложнейших ПСР как под землёй, так на поверхности, и в прекрасных человеческих и профессиональных качествах которых я имел счастье убедиться лично.

Надеюсь, я по праву называю Гришу своим другом. Ибо связывают нас не только Никиты – и не только общая принадлежность к Корпусу Спасателей России⁷.

Прошу прощения у него и его коллег, если обижу их какими-то словами из этой главы,— впрочем, надеюсь на понимание. Ибо печальную тему эту мы с Гришей и его друзьями обсуждали не раз, и не два.

Знаю так же: Гриша – не единственный, и, паче чаяния, не последний Настоящий Профессиональный Спасатель в этой стране. Которую мы оба, как бы она сама ни называла себя — называем **нашей**.

О СПАСАТЕЛЯХ КРУТЫХ И ДОДИКАХ ВСМЯТКУ

“Рыба тухнет с головы.”

... Веду по Системе группу. В широких местах движемся рядышком или близко друг к другу; обращаю внимание ведомых неофитов на сопутствующие красоты, чередуя приколы видеоряда рассказами из цикла *“а вот в этом месте однажды...”*

: Обычная, в общем, экскурсия.

В узких местах естественно вырываюсь вперёд – после чего поджидаю группу в ближайшем расширении или у развилки. Группа коммерческая, то есть я со своим помощником выступаю в роли платных гидов-инструкторов.

⁷ Я числюсь спасателем III класса при Региональном Центре ПСС с 1996 года (при этом мой личный стаж ПСР ведёт начало с 1979 года); “официальным спасателем” Григорий числится с 1991 года, при этом неофициальный его стаж на 10 лет больше. Согласно современному “табелю о рангах” Гриша – Спасатель I класса.

Помощник следует в группе замыкающим — обычный расклад, обсуждать целесообразность которого не считаю нужным. За очевидностью.

В соответствии с маршрутом сворачиваем с относительно просторного штрека в боковое ответвление — ход под 45° поднимается на обрушение, за которым узость. Поскольку нам туда, оставляю следующего за мной у входа в неё на вершине обвального конуса, — сам ныряю в шкурник. Дабы хоть на самого себя сэкономить общее время его прохождения. После шкурника разворачиваюсь, чтоб подождать остальных.

Идущий за мной сидит перед входом в шкурник, занимаясь “примерно тем же самым”. На мой взгляд, несколько дольше, чем того заслуживал интервал в нашем движении. А потому интересуюсь у него, точно-ли он дал отмашку своим светом прочим — сворачивая за мной на обвальное обрушение.

: Утверждает, что “да”. Ладно. Пусть так. Тем не менее, прошу его издать стандартный призывной звук типа “ЭВА!!!”

: Издаёт. Ответа не слышно.

Приходится вывинчиваться из шкуродёра обратно, наказать ему строго-настрого оставаться на месте — и ринуться со всей возможной скоростью обратно, к месту нашего поворота.

... так и есть. Упилили вперёд по штреку — то-ли занятые оживлённой беседой, то-ли приняв отблеск данного им для ориентации света за нечто иное, —

Возвращаю группу к конусу, стараясь ни одной эмоцией не показать, что своим разгильдяйством они чуть не создали аварийно-спасательную обстановку.

— В принципе, ситуация самая обычная.

Практически штатная. И мои эмоции, продиктованные ответственностью за безопасность их подземного гуляния, тут ни при чём.

: Мои заботы и чувства — моё личное дело. Коль обязался обеспечить безопасность ведомых (и получил за это соответствующие деньги) — работай и обеспечивай. Без соплей и истерик.

И я обеспечиваю. Не только данной ежеминутной заботой < которая никогда не должна быть выпукло-зримой, иначе экскурсия по пещере превратится в истерическую “борьбу за жизнь” — вместо ожидаемого Удовольствия >, — многим прочим тоже. Проноской трансов, приготовлением пищи в гроте — конечно, в данных работах вся группа принимает посильное участие, в качестве отдачи получая ощущение *со-участия в общем творении похода*, “как бы на равных”, — однако, при этой “равности” именно на мне — чтоб ни одна вещь не была потеряна, разбита или сломана; аптечка соответствовала любой ситуации, что может “нештатно возникнуть”; запас еды безусловно превысил любые наши потребности — как и запас горючего, света...

Что же до организации “спасов” в самом экстремальном случае — об этой “теневой стороне” выхода выгуливаемым лучше не знать. Но каждая такая экскурсия, поверьте, подготавливается на всех возможных уровнях —

— за то и получаю гонорар. Которым в той или иной форме делюсь со своими друзьями.

“Лишь бы не было спасов”.

И их *не бывает* в нашей нормальной подземной жизни. Не так уж трудно дёрнуться из шкурника обратно – путь и пустой перестраховки ради, – как не трудно в предшествующий платной экскурсии выход забросить в грот достойный НЗ, позаботиться об аптечке, газулке и обилии аварийно-запасного света, – оснаститься информацией, кто из знакомых собирается в эти выходные под землю и предупредить их, что, может быть, обращусь “в случае чего” за помощью...

Это работы и заботы – не в лом.

Но отчего-то с каждым годом всё более “в лом” становится устремляться под землю — порушив, растоптав свои иные заботы и планы! — ради оказания помощи очередному ублюдку (мудаку, опездоу, дятлу, суке отмороженной – и так далее), *что по своей безбашенности ИЗВОЛИЛ ЗАБЛУДИТЬСЯ В ДЕСЯТИ МЕТРАХ ОТ ВХОДА.*

– Да хоть в километре! Да пусть не заблудился, – попал под обвал, остался без света, – есть разница?..

: Для меня лично — НИКАКОЙ.

Бо “умные люди под землёй не теряются”. У умного человека никогда не откажет свет, – а коль откажет, есть запасной. Умный человек не страдает “топографическим кретинизмом”, – а коль страдает, то принимает меры к тому, чтоб из-за его топографических aberrаций не возникло аварийной ситуации. Например, не шастает по Системе без опытного проводника. Умный человек не сунется в шкурник, из которого не сможет вылезти. Не тронет своей поганой лапой замок, не станет тыкать кайлом в висящий на соплях Двудликой свод. Умный человек никогда не просерит время возвращения в город, – не забудет как вписаться, так и выписаться в привходовом Журнале, —

— “и так далее, по всем пунктам”.

В конце концов, даже если додик абсолютно не виноват в своём “заблуждении” – допустим, его сподвигли на это деяние какие-то внешние обстоятельства, – вдумайтесь: *что стоит за данными “обстоятельствами”?* В 100 % известных мне случаев если не козлизм, так отпетая дурость его товарищей.

А потому давайте-ка отбросим патетику, истерию и романтический тренд о бесценности отдельно взятой человеческой жизни — и попробуем разобраться:

*ЧТО СЛЕДУЕТ ДЕЛАТЬ С **ВИНОВНИКАМИ** ПОДЗЕМНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ИМЕНУЕМЫХ ПСР – ИЛИ ЖЕ ПОИСКОВО-СПАСАТЕЛЬНЫМИ РАБОТАМИ, – СИРЕЧЬ, СПАСАМИ???*

Вариант первый: спасти, обогреть, накормить и по головке погладить – я отвергаю с места.

Ибо спасённый и облаканный на следующие выходные устремится в наши подземные окоёмы с ещё меньшим количеством света, но с большей уверенностью: что бы ни случилось – спасут, обязательно спасут!!! И приятелей безбашенных с собою притащит – мало не покажется. Каждый из которых будет плодить и культивировать славный (с нашей подачи) *чайничий пофигизм* – до тех пор, пока...

– Подумайте об иной стороне этой зломечательной ме-

дальки: за потрафиванием чайничей безнаказанности наши недосмотренные сны, не прочитанные книги, не увиденные фильмы, наша несделанная работа,— не полученные в институтах и технарях знания,— наша усталость — а иногда увечья и болезненная, не оплачиваемая государством старость — ибо спасая кого-то, себя мы по определению не жалеем,— и многое, многое иное... Включая, к сожалению, травмы моральные.

Ибо радость от спасения *заведомого интеллектуального уroda* — наша единственная награда. Да осознание, что на его разлагающиеся останки никто в твоей любимой Системе не наткнётся.

И ВСЁ.

: Если вы о деньгах — имея в виду профессиональных спасателей из МЧС — сразу скажу: и деньги это небольшие, и платятся они из наших с вами налогов,— и, самое важное: **без нашей ‘любительской’ помощи никакое МЧС ни одного додика из пещеры ещё не вытащило.** Не нашло и не спасло. Но ни один из добровольных помощников беспомощных сил МЧС *ни копейки* за свою помощь не получил. Что, обидело-оскорбило кого-то слово “беспомощных”? Так фраза “*а на живых они не выезжают*” возникла не на пустом месте,— ЗА НЕЙ ПЕЧАЛЬНЫЕ ИТОГИ ВСЕХ ПОДЗЕМНЫХ СПАСОВ.

— О, сколько раз по завершении их мы с удивлением узнавали из газетных статей и телепасквилей, что славные бойцы МЧС, подлинные герои нашего времени и асы подземных спасаловок выдюжили, нашли и оказали профессиональную помощь,— тогда как НА ДЕЛЕ ВСЁ БЫЛО СОВСЕМ ИНАЧЕ! В лучшем случае звучит в интервью официального начспаса полузагадочная фраза типа “пришлось привлечь даже диких спелеологов”...

: Позвольте, коль вы такие славные парни, почему нас “пришлось привлекать”-то??? На фига был козе баян? / Не будем дуться за психопатологический эпитет “дикий”, употребляемый, как правило, даже без кавычек. /

— Просто потрясающий момент, который я уже поведал — но не устану повторять, как хрестоматийный: на наших никитских зимних спасках 1998 года (что длились трое суток и были невероятно тяжелы) первая же группа “официальных эмчээсовских спасателей” по входу в пещеру распределилась так:

У одного — приступ клаустрофобии.

У второго — астмы.

Третий оказался без света.

У четвёртого свет был, но через полчаса сдох по всем чайничим правилам.

Пятый тут же заблудился, и его пришлось искать нашей группе. Нашли за 15 минут — но общий плановый выход на прочёсывание распределённых меж наших групп участков Системы был сорван: ибо искали мы “шатуна”, и прочёсывание различных никитских подсистем нужно было вести не просто синхронно — непрерывно, круглосуточно.

Шестой спасатель из этой команды оказался как бы начальником и устроил нам “истеричку обыкновенную, показательную” — в смысле, что он лучше нас знает, где и как искать потерявшегося. (В Системе, где он лично оказался

впервые в жизни и о топологии коей не имел, естественно, даже приблизительного представления.)

Седьмой, восьмой и девятый персонажи искать были готовы и “как бы могли” — да вот беда: и в Никитах не ориентировались, и ползать по нашим шкуродёрам оказались неспособны.

Бойцы этого же подразделения МЧС с номера десятого по двенадцатый и свет имели, несоответствующий задаче подземного поиска, и к ориентации под землёй оказались способны не более младенца.

Что же до их, так называемых, кинологов со специально обученными собаками —

: они просвистели в паре метров от грота, где сидел напрасно ожидающий помощи,— просвистев и ничего не почувствовав, не уловив — ни собачьей интуицией, ни всем своим профессиональным опытом — бодро доложили, что этот участок в дальнейшем осмотре не нуждается, раз превосходные их собачки ничего не учуяли — додика там точно нет...

: О том, что любая, специально не обученная для работы в пещере собака, попав туда впервые в жизни, испытывает, как минимум, часовой стресс — бедняги, похоже, не знали. Но уверенности в собственном превосходстве над нами им было не занимать — в результате чего додик был найден на 12 часов позже.

— КАК ВАМ ТАКИЕ “СПАСАТЕЛИ”???

... зато какие роскошные интервью они давали потом журналистам,— слетевшимся, как вороньё на дохлятину, ко входу в Систему благодаря несоблюдению славными бойцами МЧС естественного режима радиомолчания и отказа от какой-либо кодировки извергаемой в эфир информации! А ведь кто-кто — но журналисты *просто не должны* присутствовать при такого рода событиях на расстоянии “мегаджетного выстрела”. Ибо родителям потерявшегося под землёй (как его друзьям и оставшимся в городе родственникам) и без журналистского сюсюканья “не вполне здорово”.

Как пример *высшего идиотизма* что спасателей, что додиков, я мог бы описать прославившиеся на всю страну “первомайские спасы” под Самарой 1999 года — в каменоломнях горы Тив-Тяп, когда вначале пара недоумков умудрилась заблудиться и задохнуться в волоке (это в тамошних-то безразмерных, против Никит, просторах!),— затем (прямо по Хармсу) туда полезли “коммерческие спасатели” из местной службы “911”, и тоже начали зажмуриваться, ибо естественно полезли без противогазов и какого-либо знания Подземли,— ну а уж после наступил черёд “правильных официальных спасателей”... За которых, в итоге, всю работу, опять же, сделали местные спелеологи⁸ — однако на всю страну средства масс-медиа протрубили устами

⁸ Что особенно отвратительно в этой ситуации — когда наши самарские друзья Дядя Коля и Шурик Троглобионт прибыли к месту событий, официальные герои уже потеряли первого своего человека. Коля и Шурик естественно заявили, что, как великолепно знающие данное подземелье и все его тяги

начспасов разных уровней и мастей, что Работу, конечно, сделали они — только отчего-то, опять же, «пришлось привлечь даже “диких спелеологов”»...

— Поскольку сам я на тех безобразных “телеспасах”⁹ не присутствовал, описание подробностей (известных мне не только из обильного “разбора полёта”, устроенного в Интернете, но и от самарских друзей) приводить как бы не в праве. И ладно,—

Ведь это — цветочки. То есть это ещё спасатели, *которые пытаются работать*. И в иных, *непешерных условиях*, со своей работой вполне справляются,— по крайней мере отрабатывая бесплатный транспортный проезд и прочие льготы.

* * *

О спасателях иного рода говорить не хочется — но, видимо, надо. В паре глав “Катакомбного Мэйнстрима” я касаюсь *официально дозволенного* бандитизма и преступной халатности бравых ребятушек из созданной Пантюхиным Крымской ГСС; в нескольких других сообщаю о славном прошлом Московского Спелеоспасотряда — организации несколько виртуальной, но парой деяний попавшей-таки в историю.

— С современными *краснодарскими спасателями* я познакомился пару лет назад. Увидев в Москве, на одном из зданий, Серёжу Чудовище, на верёвке работающего на фасаде (это была довольно сложная реставрация, связанная со сносом старых балконов, причём делать всё приходилось именно с верёвок и вручную), проходящий по тротуару прохожий предложил ему подработать на паре других объектов. Выяснилось, что он — краснодарский спасатель. В тактичной форме Серёжа задал ему вопрос, суть которого была следующая: «А какого хера ты делаешь в Москве, коль ты краснодарский боец МЧС?»

— А мы в Москве Большую Деньгу заколачиваем, брат. Вот, взяли прорву объектов, перебив цены у московских фирм — и теперь не успеваем все окучить.

: Стало понятно, почему вдруг так одновременно и ко-

воздуха, берутся выволить пострадавших и пропавшего спасателя — но их даже не допустили до места работ. *Несколько часов длились идиотские “согласования” с МЧС-овским начальством разных рангов — пока под землёй не сгинула ещё одна поисковая группа. И только после того наших ребят допустили до участия в ПСР.* Что трагически характерно: именно за то время, пока длились все эти “согласовательства”, и случились смерти. Причём Коля и Шурик вытащили как заблудившихся и ещё живых спасателей на поверхность, так и найденные трупы *буквально за 20 минут своей работы*. Думаю, в специальных комментариях данный эпизод не нуждается.

⁹ Трансляция, причём с самыми идиотскими комментариями профнепригодных специалистов и телесявок велась чуть-ли не круглосуточная.

личество заказов у нас сократилось, и расценки загадочно упали. Только-только мы в столице более-менее избавились от ‘одноразовых хохларбайтеров’, висящих за бесценок на бельевых верёвках (с соответствующим качеством выполняемой работы и процентом летала в бригаде на объект),— до фирм-посредников дошло, что на этих самозванцах они не только не экономят — влетают на капитальные бабки,—

Как тут новая загадочная напасть. Бригада из каких-то двадцати спасательских рыл, перебив цены у московских профессиональных контор и размахивая своими спасательскими сертификатами, как знаком профессионального качества, набрала аж 200 объектов (это не мои домыслы, это их личные рассказы) — и теперь, дабы не обосраться, вынуждена нанимать рабочих со стороны. То есть тех самых москвичей, кому перед тем сбили цены. И кого оставили без заказов.

— Что делать: бить едальники? А работать, между тем, не просто хочется — надо, дабы не околеть с голоду.

Ладно: нам, достаточно хорошо экипированным, не страшно < скажу точнее: не очень больно > сезон повкалывать и по сниженным вдвое расценкам. Тем более, что краснодарцы (часть их бригады была из Краснодара, часть из Майкопа,— но мы для себя их всех называли краснодарцами) клятвенно обещали, что претензий по качеству работы не будет, главное — делать вид, что объект уже “пошёл”, дабы заказчик не ерничал, и работы проводить на косметическом уровне — то есть, как это мы про себя называем, “слепить гавновика”.

Работать плохо для меня лично равняется не уважать себя и свой труд. Но деваться было некуда. И мы с Димой Ушаковым, вместе с несколькими нашими безработными коллегами, заглотили наживку. Описывать всё подробно — значит, жаловаться. Потому постараюсь не опускаться до подробностей,— в конце концов, моё повествование о другом.

: На первом объекте нас кинули не на много, баксов на 200 каждого. Одновременно наших коллег на сумму около 1000 \$.

“Это у нас одна такая сволочь была, даже вообще не наша, этот гад и с нашими деньгами скрылся, прихватив всё”,— пожаловались нам как бы тоже обиженные краснодаро-майкопщики.

На втором объекте нам остались должны около 4000 рублей.

Свалив всё уже на другого хрюнделя, из своих: — Ах, он оказался таким проходимцем... Мы сами за ним теперь с утюгами бегаем!

Не берусь обсуждать достоверность этих версий — но замечу, что все эти кидалы были из краснодарского отделения МЧС.

На третьем объекте нам предложили взять реванш — вот, ребята, здесь уж точно будет всё тип-топ, а закончим быстренько его — на всю зиму будет монтажка по стабильной цене в 50 \$ в день, вне зависимости от объёма работы,—

: Никому не советую покупать на подобные обещания — и объём работы может быть постоянно завышен, так, что ты просто не будешь справляться и вылетишь из бригады (сумму твою при этом благополучно поделают остав-

шиеся), и стоит монтаж баннеров зимой не 50, а, как минимум, 100 \$ в день.

: Такая тяжёлая работа. И оборудование дорогое. И долго, то есть постоянно, каждый день, на такой работе не проработаешь. Как правило, эта сумма делится пополам меж двух сменщиков, сменяющих друг друга на высоте через, скажем, каждые 3 часа. Причём после недели даже такой работы ты не меньше недели должен отдыхать, — или работать не более, чем по полдня. По зимнему времени.

— Но это лирическое отступление. Главное, на их посылы я поддаваться не стал. Решив, что отработаю этот, по уверениям краснодарского бригадира Лёши, простенький по претензиям заказчика объект — и баста.

: Ага. Простенький. Без претензий заказчика... *Так круто меня на высоте ещё не подставляли.* Вместо обещанного месяца работ мы пахали на этом здании, как рабы, все три месяца — причём почти до Нового года. Вместо “нетребовательного заказчика” на нас свалились настоящие европейские требования. При этом объём работ за те же деньги незаметно вырос раза в четыре, если не в пять. Бригада моя взвыла — но отступать было некуда: всё это всплыло, когда половина работ была уже сделана. Бросать всё и уходить с объекта мне показалось нерезонным; принял стоическое решение: чтоб не пропал месяц нашей работы, довести объект до конца. Пусть и по волчьим расценкам.

“Но это ещё не всё” — когда выяснилось, что мы зашиваемся со сроками, на объекте вдруг появилась ещё одна бригада. Какие-то молоденькие козлята, профессионально — против нас — просто не подготовленные. Назрела разборка, и она состоялась. Прежде чем убивать Лёшу из Майкопа, я задал вопрос об оплате, качестве работ и сроках руководителю фирмы-подрядчика: всё-таки бить нужно с цифрами в руках, твёрдо зная виновного. И услышал от руководителя, что он честно выделил на этот объект сумму, в десять раз превышавшую ту, о которой нам было поведено этим самым Лёшей.

: В ДЕСЯТЬ РАЗ.

Оттого заказчик и требовал как сроки, так качество.

— Что ж: имел право.

Лёша пообещал отдать нам всё до копейки. И даже половину суммы выдал практически сразу. Пообещав недостачу покрыть до Нового года.

После чего сгинул, не бит и невредим. С тремя тысячами долларов в кармане. Из которых половина принадлежала мне — согласно выполненной работе. Не буду рассказывать про этого подонка прочего — там было много всего, от грандиозного отмывания “чёрного нала” под видом “экспедиций с участием инвалидов” под руководством Матвея Шпаро до спекуляции травой и спиртовой контрабанды, — замечу лишь, что он был *официальным спасателем*. И корочка сия, достоверно не поддельная, давала ему право не только на бесплатный проезд в нашем городском московском транспорте, — открывала врата промальпинистских фирм и гипнотизировала заказчиков...

Когда у них в горах случился паводок и вся страна следила за спасением попавших в водяной плен спелеологов — краснодарско-майкопская бригада в

полном составе башляла в Москве. Рассказывая нам, какие они расчудесные спасатели, и как Bravo с Матвеем Шпаро сопровождают инвалидов то на Мак-Кинли, то на Килиманджаро.

Когда паводок затопил их родную Адыгею и половину побережья Краснодарского края накрыло селом — они продолжали зашибать Большую Московскую Деньгу. А добровольцы и призывники срочной и альтернативной службы геройствовали там, где эти козлы должны были быть, исходя из своих профессиональных обязанностей.

: Если не говорить о совести.

Впрочем: о какой “совести” можно говорить, коль в период предвыборного гона Главный Спасатель страны рассекает на служебном самолёте по регионам и весям (сколько стоит один рейс спецптички под названием “ИЛ-86” по маршруту “Москва — Хабаровск”, вы себе представить можете? А из чьих карманов эти полёты финансируются,— представляете?..),— рассекает, явно без надобности персонально-личного руководства спасами и прочими делами и делишками “на местах” — бо для этого есть и местное спасательное начальство, наверняка лучше ориентирующееся в ситуации, и, опять же, местная рабочая сила — при том, что место министра в случае любого ЧП явно не на передовой, это — для ТВ и прессы; место министра в кабинете, на пульте службы — и только там при любых возможных обстоятельствах; если же не доверяешь рапортам сотрудников своих — грош тебе цена, как Начальству,—

— впрочем, вся страна понимает: предвыборный гон. Нам создают пиаристый лик Героя. Руководителя партии “Единая Россия”. Партии Власти. Партии Президента. Партии Спецслужб —

: Вся страна понимает. Но нас держат за дураков — и бравый телегерой не сходит с экранов.

Так стоит-ли удивляться, что только (опять же, в предвыборных целях) спецслужбы начинают работать на пиар Дорогого Уважаемого Президента — и одна за другой начинают лететь с высоких постов головы особо одиозных казнокрадов и взяточников —

: летит, поблёскивая генеральскими погонами и лампасами голова Первого Заместителя господина Шойгу генерала Ганеева,—

— “представьте себе, представьте себе”: генерала, первого зама Шойгу! И ведь — опять же! — все понимают: коль сажать всех — сажать придётся **всех**. Всех чиновников, всех министров. Всех промышленников и банкиров,— ибо в нашей стране “по определению” и работать честно невозможно, и на каждого найдётся не статья — так повод. Которым самое время воспитнуть пониже спины...

Так что сажают — **самых одиозных**. Тех, кого “не сажать далее — невозможно”.

Но бравый теленачспас бессовестно трендит нам с экранов: всё в порядке, пока вина генерала не доказана судом — никто не имеет касаться его славного лика своими грязными пальчиками...

И о какой совести можно говорить в следующей ситуации: одна из бога-

тых компаний собирается взять в частное землепользование несколько пещер Подмосковья – чтоб организовать там безаварийный официальный спелеотуризм (крупной компании приятно иметь в личном пользовании не только спортивные клубы и охотничьи домики в Карелии – но и пару-тройку более экзотических объектов – тем более, прямо под окнами своих подмосковных коттеджей-резиденций), – и проект даже приходит в некое равновесие с интересами спелестологов, то есть “из дикого хождения” пещеры вроде бы не изымаются (но понятное волнение остаётся, и им переполнены спелеосайты ‘инета’), –

– как тут нас начинают успокаивать наши друзья в МЧС: да что вы дёргайтесь, первый, чья голова полетит, если пещеры будут переданы в частное пользование – глава МЧС района...

: Вот-те-на... А ведь он громче всех орал, что “наши постоянные спасы” сильно истощают районный бюджет и славный лик Домодедовского района, – не говоря о нервных клетках Руководства < их по определению не много, так что стоит беречь: каждый сгоревший нейрон делает Начальство зримо гнуснее >, – передача же пещер в частные руки, да ещё в полной унии с “дикими спелестологами” начисто снимает проблему районной спелеобезопасности... Ну, как минимум, перекладывает её с больной головы на здоровую.

Возникает естественная непонятка: почему именно та служба, которая, казалось бы, должна быть более всех заинтересована в нашем безаварийном хождении под землю — вдруг становится против? / “А Баба-Яга – против!” /

Что ж, нам снисходительно – но по очень большому секрету приватно поясняют: *спасы выгодны МЧС*. Ибо каждые спасы — Очень Большие Бабки. И не нам их считать.

— **ЧУДНЫ ДЕЛА ТВОИ,**
ШОЙГУ, – НО ЕЩЁ БОЛЕЕ ЧУДНЫ ГЕРОИ ТВОИ...

: Не радостная складывается картина, ох не радостная...

— На фоне которой возвращаемся к первому вопросу: “что делать?” Героически выезжать на очередные “спасы”, – зная, что потеряешь время и какой-то запас своего здоровья, – после чего будешь закономерно облит телегрязью — ради помощи откровенному недоумку? Ради славы политика Шойгу и его бравых сотрудников?..

Ради любимой Системы, разве что.

Но вопрос “что делать со спасённым” – или с виновниками его и наших подвигов – остаётся. Ибо по закону за рукоприкладство ты ответишь по полной программе.

Оттого с каждым годом, слыша телефонный звонок среди ночи, мне хочется снять трубку – и не выслушивая звонящего, послать его на хер.

: **ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ.**

Но отчего-то каждый раз – выезжаю. И выезжают мои друзья. И ищут, и находят.

Сколь долго это положение будет длиться – не ведаю, не знаю.

Но знаю одно: в нормальной стране виновника наших непредусмотренных гуляний по пещере ждал бы не просто “крупный штраф” – и законодательные,

и финансовые механизмы борьбы с такого рода ЧП там находятся на должном уровне. Как и подготовка профессиональных спасателей.

Ибо американские, немецкие и французские начспасы не летают самолётами по всей стране в предвыборный политический гон — руководят своими ведомствами из кабинетов. Потому как место начальника спасслужбы — там, и только там. Его единственная забота — уровень технической и профессиональной подготовки вверенной ему службы.

А заблудившийся в нарушение всех норм безопасности додик сполна отвечает по закону перед соответствующей страховой компанией, выплачивающей и профессионалам, и принимающим участие в спасках любителям **достойную денежную компенсацию.**

Это, как минимум.

Как максимум — любое отмороженное посещение Подземли там приравнивается к нарушению соответствующего закона. И просьба не путать регламентирующие подземные посещения западные правила с совдеповскими “указами” и “постановлениями”, а также “законами о недрах”:

: НИЧЕГО ОБЩЕГО МЕЖ НИХ НЕТ.

Ибо в одном случае речь идёт об охране права каждого налогоплательщика на законный отдых, реальной охране пещер и безопасности посещающих их граждан — в другом о самодурстве районных и прочих царьков. Да о совковых политических игрищах.

* * *

Если кто по наивности своей, или наслушавшись *красноречивых* завываний старпёров полагает, что *раньше (в эпоху совкового профсоюзно-патрулируемого туризма)* “было лучше” — поверьте: он жестоко ошибается. Дело не только в том, что, несмотря на существование как бы охватывавшей всю страну системы КСС, настоящей спелеологической спасательной службы создано не было¹⁰, — не в зверствах и самодурстве “отдельных её представите-

¹⁰ На деле общесоюзная система КСС (в Крыму именуемая ГСС) охватывала не более четверти территорий, посещавшихся туристами и спелеологами; но даже в контролируемых районах (контролируемых в том смысле, как рэкет контролирует районы городов) обнаружить терпящих бедствие, как и оказать им необходимую помощь, эти герои могли лишь в прямой видимости от собственного носа. НЕ БЫЛО у туристических групп ни радиостанций, ни аварийных маяков, ни каких-либо средств аварийной сигнализации — даже у тех, что бродили от турбазы к турбазе по официальным маршрутам. Что ж говорить о первопроходцах, на официально-чиновничьем слэнге презрительно именуемых “дикарями” — спасать которых официальные служители КСС были вовсе не обязаны?.. Что говорить об огромных районах Сибири, Алтая, Тянь-Шаня, Памира, Полярного Урала, Приморья и Камчатки — где в эпоху совка не было и зачатков спасательных служб???

лей” (зверство это было тотальным как в географическом аспекте, так и в административном, то есть охватывало практически все уровни КСС, от рядовых или временных сотрудников до самых высоких чинов¹¹),— дело в том, что сама эта структура была нацелена не на оказание помощи попавшим в беду туристам (о спелеологах умолчу, ибо каждый уходящий под землю в совковую эпоху твёрдо знал лишь одно: в случае “ЧП” рассчитывать может только на свои собственные силы. Да на помощь ближайших товарищей),— система эта была нацелена на контроль за туристическим движением в нашей стране. На борьбу с “дикими”, неофициальными туристическими и спелеологическими группами,—

И больше, фактически, ни на что иное не была годна.

«Хабаровчане чем дальше, тем больше мне не нравятся. И в нашем стаде есть поганные овцы. Один – инструктор по спорту, другой – инструктор КСС, третий... – все, пожалуй, кроме одного, потрясают фотоаппаратами, при помощи которых наделали кадров вопиющей ленинканской действительности, а сами так это запросто обсуждают – как бы под маркой спасработ сделать восхождение на Эльбрус. Погулять по горкам, а потом завернуть в Спитак, поснимать.

По мне так это тоже скотство – под маркой спасработ справлять свои надобности и пристрастия.

Хорошо помню, как в октябре 1978 года в горах Восточного Казахстана потерялись пятеро туристов – паренёк лет 17-ти и четверо девчонок. Были подняты все наши спасотряды, воинские части. Наши три группы спасателей начинали поиск со стороны шахтерского города Лениногорска. В его окрестностях расположен один из живописнейших в туристском отношении районов области, а путь наш лежал через Ивановский белок, в непосредственной близости от высочайшей вершины хребта – пика Вышеивановского. Из трех групп спасателей одну составляли альпинисты усть-каменогорского клуба “Ирбис” во главе с лидером и руководителем восточно-казахстанской школы альпинизма Виталием Балюкиным.

К полудню мы поднялись в Подбелковый цирк в виду Вышеивановского пика, известного также под названием пик Ворошилова. Мне было непонятно, зачем мы сюда поднимаемся, когда перевал через хребет остался гораздо левее, а из цирка простого пути на ту сторону хребта не было. Но впереди шел Балюкин, и пока мы априори принимали его руководство.

¹¹ Да, мне прекрасно известны исключения,— но ведь я говорю о ПРАВИЛЕ! К тому же судьба этих исключительно замечательных людей, как спасателей, складывалась не то, чтобы очень уж счастливо: система переламывала их или исторгала (примерно так, как система МВД/КГБ справлялась с “умными ментами” и “честными работниками органов”). Судьбы нескольких моих друзей и знакомых — прямое тому подтверждение. Кто не спивался, не ссучивался и не желал уйти по-хорошему – кончал в лучшем случае инфарктом. Иль уходил на преждевременно заслуженную нищенскую пенсию инвалидом.

В цирке Подбелковом встал вопрос о дальнейшем пути. И тогда альпинисты стали ненавязчиво подбивать нас на восхождение. Мол, надо проверить, а вдруг ребята на пик сходили, записку оставили? Это потерявшиеся-то в горах школьники полезут на пик?

Меня, да и многих других спасателей-туристов сильно резанули эти безответственные заявки уважаемых, вроде бы, людей. Как можно было думать ещё о чем либо, кроме находящихся в нештучной опасности ребяташек? Какие тут восхождения? Чем это можно оправдать?

Две наши туристские спасгруппы, разобравшись, что к чему – решительно повернули в сторону от вершин, а альпинисты не рискнули последовать своим планам. Выбираясь из цирка, мы натерпелись лиха, были вынуждены отступить из-под перевала в сумерках и в итоге потеряли сутки. Не дорогая ли цена личным интересам? Благо, ребят наши невредимыми.»¹²

— Об альпинизме и “спасателях-альпинистах” вообще разговор особый, ибо **советский альпинизм** изначально, со сталинского времени, находился в положении *полугосударственной/полувоенной структуры* — оттого имел мощную сеть лагерей и баз, как и достаточно развитые специализированные спасслужбы. “Заточенные”, в силу узкой своей специализации на одно: оказание необходимой помощи конкретной, вышедшей на маршрут, группе. Существование независимых от государства альпинистских групп или объединений при совке полагалось нонсенсом; соответственно, на “спасательских семинарах” вопросы вертолётного патрулирования обширных горных пространств, радиомолчания на определённых частотах и пр. даже не рассматривались.

— А ещё в некоторых районах Кавказа (перечислить которые хватит пальцев одной руки, ибо это были районы зимнего горнолыжного спорта: Бакуриани, Приэльбрусье и Домбай) действовала так называемая *служба противолавинной безопасности* — числившаяся в общей системе КСС, но подчинявшаяся ГО. А потому не имевшая должной связи ни с гляциологическими институтами, ни с метеостанциями госкомгидромета, ни с турбазами и альплагерями, ни с военными. То есть контакты, конечно, меж всеми этими организациями были — в основном на уровне личных знакомств, в силу географической сжатости “рабочих точек” или простого совместительства работников: спасатель КСС мог быть при том сотрудником СЛБ и одновременно числиться инструктором на турбазе.¹³ При этом жена его, как правило, работа-

¹² К. Б. Серафимов, «Записки спасателей».

[<http://soumgan.com/works/descriptions/Zapiski-Spasateley.htm>]

¹³ Иначе было не прожить: зарплаты были копеечные, снаряжение — гАвно. Желаящим не убиться и не замёрзнуть в горах приходилось покупать его на свои деньги. *Кстати, это создавало изрядную мотивацию для расхищения продовольствия с собственных складов и для грабежа “диких” туристов. А так как грабёж беззащитных “неофициальных тургрупп” никак не наказывался, — более того: можно сказать, провоцировался государственной политикой в области туризма...*

ла на местной метеостанции. Укомплектована служба лавинной безопасности была техникой лохматых годов и столь недостаточно (лишь простенькие, списанные с армейской службы, пушечки – ни вертолётных, ни специализированной аэрофотосъёмки) и охватывала столь незначительную часть почитаемых туристами и альпинистами территорий, что без слёз говорить об этой службе невозможно. Тем не менее, пользу она приносила изрядную — и наверняка количество человеческих жизней, спасённых благодаря своевременному “отстрелу” лавин или грозящих обвалиться ледниковых “языков” исчисляется *десятками тысяч человек*. Наверно, потому с началом перестройки она была фактически ликвидирована — вместе с сетью метеостанций госкомгидромета и постоянных гляциологических лабораторий АН (без которых её работа была не мыслима).

Специалисты и работники рассеялись в пространстве; немного оборудование исчезло.

: Возглавившим государство чиновничкам показалось чрезмерным выделять деньги на метеорологию, гляциологию и горную безопасность (о безопасности водного туризма наши братья, штурмующие пороги, помышляли при совке примерно в той же степени, что и спелеологи), — трубили сметы президентских дворцов и чиновничьих коттеджей, трубили банковские счета за границей и виллы на Канарах/Бермудах, —

— Впрочем, о чём это я? Какая такая “безопасность”, метеорология и гляциология??? Вспомните-ка о врачах, учителях и шахтёрах —

: вот-вот. Что касается врачей и шахтёров — так это звенья той же цепи. О службах подземной безопасности шахтёры тоже много, чего могут поведать. И не думайте, что в стране, где власти насрать на медицину и образование, может быть создана хоть какая-то “спасательская служба”: *чего не может быть, того быть не может. ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ.*

: Отсюда *катастрофический* опыт работников МЧС по оказанию реальной и своевременной помощи людям, попавшим в беду. Ей-богу: его и негативным назвать сложно, ибо негативный опыт — опыт, следующий из совершённых ошибок. Что появляются лишь после какой-то деятельности. (Желательно осознанной.) Но о какого рода “спасательской деятельности” можно было говорить в 1989 ÷ 1996 гг.? *А до того — в течение десятков лет???*

: КСС, что была создана в нашей стране, выполняла не спасательские функции — а карательно-непущательные. На уровне полевой жандармерии. По крайней мере, в отношении спелеологии и спелестологии. К. Б. Серафимов в своей повести «Экспедиция во Мрак» приводит эпизод, в котором храбрый спасатель (причём не рядовой, а начспас) вытащил верёвки из пещеры, когда в ней работала группа: потому что ему, судя по всему, “не отстегнули” — как выражаются теперь. Действия, не отличающиеся в принципе от действий братка-рекетёра. (Вполне тянущие на статью “Покушение на убийство с отягчающими обстоятельствами”.) И, как братку, состоящему членом определённой группировки, ничего ему за это не было.

Случаев таких мне известны десятки.

В прекрасной и сказочной стране СССР, где, если верить мемуарам некоторых продвинутых (тогда) личностей, «были созданы все условия для развития подлинно народного и массового туризма». Включая очень уж заботящуюся о нашей подземной и прочей безопасности спасслужбу:

: Предтечу современного МЧС, более смахивающую при этом на районное бандформирование.

– Мне без разницы, как называется группировка: ГСС, КСС, МПС, МЧС, КПСС, – или просто СС. Солнцевская она или Таганская, Крымская или Краснодарская. Наплевать, считают-ли её преступной на неком, прикрывающем её, “официальном уровне”. Вытащивший верёвки из вертикальной пещеры спасательский браток преступник в той же мере, в какой избивающий хипаря-пацифиста бульварный мент. Или краснодарско-майкопский спасатель, башляющий в Москве на фоне стихийного бедствия у себя на родине. Единственное их отличие от солнцевских братанов — преступления работников МЧС, равно и бывших при совке КСС, ГСС и прочих “СС” в принципе аморальней. И омерзительней любых действий современной преступной братвы.

: Те хоть не прикрываются красивыми ‘лозгунгами’, не тянут из нас налоги, призывая “выйти из тени” (как спелестологу, мне смешно читать это дивное дацзыбао), – сами вынуждены подкармливать государевых служек...¹⁴

— Приведу ещё одну цитату из книги Константина Борисовича, примечательной как своей документальной точностью, так и истинно толерантной позицией Автора. Речь идёт о спасе 1987 года в пещере Киевская [КиЛСИ], – не буду описывать всю ситуацию (для этого читайте первоисточник) — мне лично важны его первые, непосредственные мысли: когда выяснилось, что иностранный участник экспедиции получил более, чем серьёзную травму. На глубине около 700 метров:

«Мысли скачут. С трудом заставляю себя додумывать каждую мысль до конца. Значит, скандал. Будем надеяться, что его не будет. Наша экспедиция не заявлена через туристскую структуру. Первая международная казахстанских спелеологов проводится "диким" образом. А ведь мы пытались оформить всё официально. Но какой шум поднялся в Алма-Ате, как только увидели нашу заявку! Ка-ак? Иностранцы? А почему с нами не согласовали? Почему не предупредили заранее? (Куда уж “раньше” – документы пришли за два месяца, как и положено по инструкции для путешествий высшей категории сложности!)

В Москву документы не пропустили. Хотя не полномочны были решать – разрешать ли путешествие такой сложности. Не пропустили, и всё! В полном соответствии с бюрократическими принципами спортивного туризма. Так что ехать нам пришлось без высочайшего разрешения. И вот теперь я

¹⁴ Понимаю, “чем пахнут” деньги, которыми братва отмазывается от посадок и следствий. Но ремесло *берущего взятку чиновника* воняет омерзительнее стократно. Тут снова приходит мысль о рыбе и тухляке...

начинаю радоваться этому обстоятельству...

... *Официальных спасателей приглашать не будем. Что бы ни случилось. Нет смысла – одни издержки. Квалифицированных спасателей для работы на такой глубине в Самарканде нет. Так что всё равно всё придется делать самим. Зато поднимут вой до самых небес, начнутся бесконечные бумажки, объяснительные, выяснения – кто будет платить деньги за спасы. Туристская КСС скрупулёзно считает денежки, зачастую не вылетая на спасработы, пока не будет выяснен плательщик. Сколько уже было таких случаев! Единственно, если будет совсем худо – закажем санрейс вертолета.»*

– Вот так, уважаемые господа-спелеологи. Такие вот печальные рассуждения: *“Официальных спасателей приглашать не будем. Что бы ни случилось. Нет смысла – одни издержки. Квалифицированных спасателей для работы на такой глубине нет (ибо ясно: коль их нет в Самарканде – подавно не сыщется ни на Алтае, ни в Московской области) — так что всё равно всё придётся делать самим. Зато поднимут вой до небес...”*

— Как это похоже на наши отношения с мальцевским “спасотрядом” в пещерах Подмосковья в семидесятые/восемидесятые годы, и как это похоже на то, что происходит сейчас, под руководством бравого телегероя Шойгу!

: Вот она, преемственность. Вот она, генетическая болезнь — *не матерно-го* наименования которой в русском языке я не знаю.

Но если вы решите, что подсчитываемые *тогдашней* спасслужбой денежки шли на оплату собственно спасработ,—

: ХА!!!

* * *

..: Первые в истории “спасы” начались с того, что оставшийся безвестным крестьянин по приказу местного феодала спустился за телом кюри в трещиноподобный колодец – естественную пещеру, куда преподобный отец упал в силу какого-то несчастного случая.

В этой истории показательно всё: и то, что имя героя осталось неизвестным (зато прославился феодал), и что ПСР проводились по заведомо мёртвому человеку...

“Как начнётся – так продолжится”: ещё одна прописная истина. По крайней мере для тех, кто не желает преломить пагубно сложившуюся традицию.

Западные спасслужбы эту традицию изжили ещё в эпоху развития горной промышленности,— вспомните, например, Указ польского короля Казимера Великого (1333 ÷ 1370 гг.), который повелел рубить головы тем мастерам, что занижали высоту штрека, или излишне сужали – как и без должного крепежа расширяли его.

Мне представляется, что пора не в переносном – в самом прямом смысле этого слова обезглавить начавшее вонять министерство. Причём рубить повинные кочаны надлежит на всех уровнях — тогда в службе останутся

только те, кто не может не называть себя спасателем. Что, скажете жалостливо, как же — прямо так взять и рубануть какого-нибудь майкопского Лёшу? У него же семья, дети!

: У меня тоже. У погибших под краснодарским селом — тоже. И были у них дома, и имущество, и родные и близкие, и возделанные в течение сотни лет садовые участки. Где всё это нынче?

: *В гнезде на верхней полке.*

Конечно, если бы Лёша согрешил, как обычный бандит или вор — его можно было судить по конкретным российским законам. К примеру, за мошенничество.

Но как представителя гуманнейшей и являющей лицо государства службы, его четвертовать без суда и следствия — мало.

Вместе со всей его бандой — как и с теми, по чьей вине не был спасён Марченко. Не был найден Саша Морозов с товарищами. И не была вовремя оказана достойная помощь всем, пострадавшим в нашей стране от стихийных бедствий.

Ибо даже статья “за изнасилование” мягковата для них,— хотя, конечно, близка к сути их действий.

: Прекрасно понимаю, что “за стихию” господин-товарищ Шойгу “не в ответе”. Но за неоказание должной помощи людям, как и за поведение своих подонкообразных шавок отвечать обязан сполна. По полной программе. Ибо каждый спасатель *обязан отвечать за все* свои прегрешения иль профнепригодность: вне зависимости от ранга.

А если не так — какой же он тогда, к чёртовой матери, “спасатель”?..

Если не отвечает за преступные действия (как и преступное бездействие) своих подчинённых,— какой же “начальник”???

Лишь за стихию, конечно...

Впрочем — если вдуматься! — что касается “ответственности за стихию”... Тут тоже возможны варианты: у нас ведь, пока гром не грянет — спасатель не перекрестится. Разве не дешевле предупреждать целый разряд стихийных бедствий, чем бороться с их следствиями? Те же сели, лавины, ледяные заторы на реках,— провалы и обрушения зданий над подработанными каменоломнями массивами?.. Домодедовские власти, например, включая районное отделение МЧС в лице его начальника тов. Чёрного неоднократно предупреждались нами (официально и частным порядком) о необходимости *срочной* организации в районе службы спелеоэкологического контроля — толку! Насрать им с высокой колокольни на спелеобезопасность района,— как и на действительную безопасность ходящих под землю людей!

Вот если б министр МЧС начал выписывать районным властям соответствующие Предписания,— как в Москве районные управы под давлением мэрии выписывают предприятиям и фирмам предписания по поводу своевременной ликвидации сосулек, очистки крыши от снега или чистоте оконных стекол и зданий — за невыполнение которых люто штрафуют на абсолютно законных, между прочим, основаниях,—

— похоже, мы вновь упираемся в так на-

зывается “человеческий фактор”: точнее, в то, что реально руководству МЧС плевать (в самом мягком случае) на человеческие жизни – за оказание помощи **после** катастрофы, как и за эксгумацию жмура из-под завала, они действительно больше получают, чем за живого человека. Чем за предотвращение этой самой катастрофы.

К тому же предотвращение стихийного бедствия – оно и ума соответствующего требует, и средств немереных. А где нет ни того, ни иного...

* * *

28. 04. 03 в 21.50 по ТВС была показана замечательная программа Н. Николаева “Независимое расследование”. Увы – цитирование *целой телевизионной программы* в прозаическом тексте невозможно, — а жаль. Из программы этой однозначно следовало: и съёмка из космоса, и предупреждения учёных (которым власть просто заткнула глотки), и оценки случившихся на месте альпинистов свидетельствовали: *сход ледника Колка в Кармадонском ущелье в эти дни был неизбежен. И власть прекрасно знала о том. Знало и МЧС, — причём опасность схода этого ледника не появилась “вдруг”, “внезапно” — он в течение десятков лет считался крайне опасным. Но единственная метеостанция в районе просто не финансировалась. Служба лавинной безопасности была разогнана — и с созданием МЧС никто не позаботился о её восстановлении.*

Районная власть знала о грядущей катастрофе — но отселить живущих в ущелье беженцев значило предоставить им новые дома и признать их статус, как граждан республики, нуждающихся в соответствующих субсидиях и прочей помощи. “Не замечать” живущих там было экономически выгодней — а потому цифры погибших МЧС занизило в несколько раз. И поспешило без оказания должной помощи, сразу после катастрофы, объявить всех погибшими. Буквально в тот же день.

Начавшиеся на леднике работы само МЧС фактически саботировало — чего стоила техника, что присылалась туда! — явно нерабочая, устаревшая и просто ржавая, — не годная взрывчатка и прочее, —

— Как сказал В. Калинин, возглавлявший от лица Прокуратуры государственные комиссии, расследовавшие последствия природных катастроф и причины массовой гибели людей (а в данном случае даже комиссии такой создано не было — ибо ясно было, к каким выводам она может прийти, коль включить в неё всех требующихся специалистов): — Вот если бы под тем ледником оказались дети Шойгу или Путина, к тоннелю, где могли остаться живые люди, пробились бы не позднее, чем через месяц. А то и раньше.

: Оспорить это его утверждение никто из участников передачи не решился.

Действия Шойгу и его всемогущего (если верить рекламе) министерства Калинин, как профессионал, охарактеризовал в соответствии со статьёй

Уголовного кодекса “Халатность” – часть первая “преступная самонадеянность” и часть вторая – “преступная халатность”. Эти статьи рассчитаны на применение по отношению к директорам производств, руководителям министерств и ведомств, по вине которых произошла авария или экологическая катастрофа, стихийное бедствие, сопровождавшееся гибелью людей; подпадают под действие статьи (как следует из комментариев к УК) медики, спасатели и администраторы, не оказавшие должную помощь людям. Или совершившие (спровоцировавшие) действия, в результате которых погиб человек.

ВСЕ ПРИЗНАКИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭТОЙ СТАТЬИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА ПО ОТНОШЕНИЮ К ШОЙГУ — НАЛИЦО.

Вопрос, “будут-ли судить” – не вопрос. Скорее всего, “по губам” получит Калининченко за опасные откровения перед телекамерами, – как госчиновник (пусть и ушедший на законную пенсию).¹⁵ Хотя, возможно, чиновник такого ранга (тем более, ничем не запятнавший себя) может позволить себе высказывания, за которые бычков ведут на бойню. А потому не могу не процитировать его рассуждение, последовавшее за такой репликой мамы одного из погибших:

– На гербе МЧС написано: “ПРЕДОТВРАТИ – ПОМОГИ – СПАСИ”. О, если бы это было так!

– А ничего этого нет, – цитирую Калининченко не вполне дословно, ибо по памяти — желающий оспорить мою точность пусть обратится к архивам ТВС, – потому что МЧС действует по принципу “собака лает, караван идёт”. То есть учёные и альпинисты сколько угодно могли предупреждать об опасности — это было бесполезно. Караван Шойгу шёл, и будет идти своим курсом. Но уже давно он идёт не туда, куда надо!

И пока будет так, домодедовская власть не почешется о создании службы спелеоэкологического предупреждения. Каждый год будут обрушиваться на посёлки лавины и сели, ледяные заторы затоплять поймы рек, а газеты порождать волну “чернушечных” анекдотов такими заголовками: *«РОКОВАЯ ОШИБКА: ВЫЛЕТЕВШИЕ К АВАРИЙНОЙ ПОДЛОДКЕ К-159 СПАСАТЕЛИ СПУТАЛИ ЕЁ С ДРУГОЙ ЛОДКОЙ!»*¹⁶.

: Будут оседать и разваливаться дома над сажающимися каменоломнями, а ошалевшие родители поднимать нас телефонными трелями в пять утра за полной беспомощностью “официальных спасслужб” — по сути лишь затем, чтоб какой-нибудь Вася Пупкин зевнул несколько часов, или суток спустя, в телекамеру:

– *Опять эти дикие спелеологи!.. Ну просто житья от них спасателям нет!*

¹⁵ “По губам” получила независимая компания ТВС, выпустившая в эфир столь одиозную передачу: не прошло двух месяцев, как “по финансовым причинам” эфир для ТВС был закрыт — “умные люди”, от которых зависело финансирование канала, поняли: откуда ‘ветры’ дуют. Или получили соответствующее разъяснение.

¹⁶ “Жизнь”, №191 от 1.09.03.

* * *

20. 09. 03 на “Первом канале” ТВ в 20.10 в эфир выходит документальный фильм «Кармадон: год спустя». Что ж, “первый канал есть первый канал” – в отличие от ТВС там работают люди, прекрасно понимающие, “откуда ветры дуют”. А потому вместо конкретных имён обличённых властью подонков в фильме используется эвфемизм “специалисты”. Однако страшной правды этого фильма данный термин несколько не вуалирует — все прекрасно понимают, о ком идёт речь. Конечно, пересказывать фильм бессмысленно; остановлюсь на упоминании лишь четырёх эпизодов. Эпизод первый – “специалисты” (в уклончивой терминологии авторов кинодокумента, истинно страшного во всём остальном своей фотографической точностью) приложили немыслимые усилия, чтобы: 1) доказать, что дальнейшие работы на леднике опасны и бессмысленны; 2) всеми силами, правдами и неправдами убрать из ущелья работающих там добровольцев. Работающих уже год только за свой счёт — ни копейки на поисковые работы государство так и не выделило; МЧС все работы, мягко говоря, саботировало. Эпизод второй: несмотря на вполне внятные указания работающей в составе добровольной бригады ясновидящей Аделины первые 18 скважин бурились не там, где она сказала – “а там, где специалистам из МЧС показалось светлее”. В результате потеряно время, силы, истрачено оборудование, — а главное, наработан обширный негативный опыт. Столь необходимый МЧС для вынесения вердикта о бессмысленности дальнейших работ. Но скважина №19, пробуренная по указанию Аделины добровольцами, сменившими бравых “специалистов” из МЧС (что руководили первой фазой ПСР из московских кабинетов – смотрите фильм!), точно вышла в портал туннеля, замытого песчаным плывуном. Эпизод третий: в этом плывуне профессиональные спасатели работать отказались – а добровольцы, не имевшие прежде никакого опыта подземно-подводных работ, работать начали. И тут же извлекли пустой блок питания от CD-плэера, на котором не было ни царапинки – то есть он был поднят водой, а не принесён снежно-ледово-каменной массой. Плэера данного типа были у двух сотрудников группы Бодрова; ситуацию, в которой человек выкидывает блок питания от современного плэера, предварительно вытащив из него аккумуляторы, мне лично представить себе сложно. Разве что акомы понадобились для налобника в той ситуации, когда налобник ценится безусловно выше развлекательной желязки. Но что самое страшное (можете считать это эпизодом четвёртым): затоплен туннель был уже в течение прошедшего с катастрофы года; в первую же неделю можно было, следуя указаниям Аделины, в лёгкую пробиться под этот портал. *И, ВОЗМОЖНО, СПАСТИ ЕЩЁ ЖИВЫХ ЛЮДЕЙ.* Ибо экипированы они были достаточно тепло – с горами не шутят. И запас продуктов у съёмочной группы имелся.

: если бы. Если бы. Если б...

ДРУЗЬЯ! ПРЕКРАСЕН НАШ НАРЫВ...

“И студит ветер по ногам...”

: Стриж

Радость-то какая! Государство отменило все существующие льготы (кроме, конечно, льгот чиновников и депутатов). И если раньше я, как внештатный сотрудник МЧС, в виде некой моральной (именно моральной, а не монетарной) благодарности государства за свой безвозмездный труд на спасработах и за спасённые человеческие жизни имел декларированное этим государством право на бесплатный проезд в общественном транспорте — более этой “льготы” у меня нет. И конечно, никакая “компенсация” (компенсация чего: моральной обязанности страны моему труду?..) мне, как ‘полуофициальному спасателю’, НЕ ПОЛОЖЕНА.

Да если б и положена была —

* * *

... Удивительную новость приносит Интернет: государственные чиновники (из МЧС? налоговой службы?? Поди, различи!) предлагают ввести “страховой полис” на спасработы. Такая умная затея. Застраховался — при, куда хочешь, дорогой экстремал.

Не беда, что МЧС в реальной жизни не сумеет оказать тебе помощь. Не беда, что придётся всем покупать спутниковые телефоны... Простите — спелеологам тоже? Но как связаться с МЧС из-под земли??? Это ведь только в голливудовских мифах рации под землёй работают, как часы. В реальной жизни матерный вопль под землёй радиосвязь по дальнобойности значительно превышает.

Беда в том, что любому и так ясно: **страхование будет обязательным**. По типу ОСАГО. То есть это всего лишь очередной отъём бабла у населения.

— Представляю, как сидящий на камушке спелеолог, застигнутый паводком на глубине в 1.000 метров, ждёт прибытия страхового агента...

Как пытается обсушиться после переворота на берегу карельской речки водник в тщетном ожидании обещанной страховкой помощи. Как отвечает (при условии, что помощи-таки дождался) на въедливые вопросы инспектора-чиновника страховой конторы: а не нарушил-ли он сам где ТБ? А был-ли на твоей байдарке положенный по недавно принятому закону якорь, номерной знак и государственный флаг?.. Ах, не было? Так вот тебе штраф, а не спасработы!.. И не дай Бог — пахнёт от жертвы водной стихии народным согревающим средством... [Байдарка буксируется на штрафстоянку ближайшего речного пароходства, жертва “киляния” добирается до конечной точки мар-

шрута на своих двоих.]

: С усмешкой представляю, как обязуют страховать перед рыбалкой сотни тысяч любителей подлёдного купания... то есть, клёва. Согласен, что эта экстремальная развлекуха – головная боль МЧС. И не штрафовать – бомбить с вертолётов льдины с экстрим-рыбаками стоит. Вместо оказания помощи. Глядишь, на другой год число вызывающих МЧС уменьшится. А через пару лет так вообще на нет сойдёт –

Но по новому проекту получается: застраховался – лови рыбку с любой льдины?.. АБАЛДЕТЬ!!!

— А сколько детей теряется в лесах, сколько грибников? Им тоже прикажете обзаводиться спутниковыми телефонами и платить страховой сбор?..

А не заплативших – спасать не обязаны???

И будет-ли приравнено к страховому случаю столкновение с бандитами, сельской гопотой??

Если будет – заплатил страховку и шуруй кататься на горных лыжах или катамаранах в самую горячую точку? От бандитов отобьёте, из заложников-рабства выкупите?..

Если нет — на хер такая страховка нужна???

: Анекдот – да и только.

* * *

А вот ещё один, из “соседней кассы”. Году этак в 2003 один мальчик из бывших никитян (войти в Систему получилось, и даже подружиться со многими из нас – остаться в Никитском Круге не вышло) затеял провести в Никитах лихую игру типа “спасаловка”. Уж очень, понимаете, не хватало этому кексу по жизни подвигов погромче да пошаловливей. Не застал дурное бремя совка, а славы жаждал. Вокруг же ходили практически живые легенды. Что носителей легенд от своего боевого подземного прошлого малость мутило, и хотелось жизни простой обыкновенной – в расчёт не бралось. Что любые массовые игрища в Системе следует, как минимум, согласовывать со всеми, кому эта Система – Дом Родной, в голове не вмещалось.

За масштабностью замысла. По которому должны были собраться в нашей любимой Системе молодые спелеки из прочих подмосковных Систем, и поиграть в ней в “спасаловку”. Как поиграть? А очень просто: по Системе раскиданы сотни бумажно-пластиковых маркеров, и их нужно собрать. Кто соберёт больше — тот Самый Крутой Спасатель.

: Оказывается...

Что для любого никитянина такие пикеты просто мусор, в расчёт не бралось.

Что подобные игры не есть обучение реальной технике ПСР, а всего лишь бездумное развлекалово – тоже.

Как и то, что *ни никитского, ни реально-спасательского опыта* ни у одно-

го из участников игры не было ни на грош. И что риск у этой крутой развлекухи перейти в состояние реальных ПСР был близок к 100% — абсолютно не торкало.

Как и ответ на банальный вопрос: а хотят-и никитяне, чтобы в их родном доме некто развлекался подобным образом?..

Самое интересное — в разгар интернетного обсуждения этой развлекухи нам настойчиво внушалось: само МЧС с нами, не мешайте ковать кадры будущих Великих Никитских Спасателей!..

Один звонок Грише Чёрту показал: МЧС не только не в курсе развлекухи, но и активно против её проведения. Тем более — в Никитах. Потому что Гриша, как профессиональный спасатель, сразу понял, чем для него эта “игрушка” пахнет.

Пришлось устроить у меня дома большой сбор, и пригласить на него не только представителей МЧС — но и организаторов игры.

Сам мальчик не явился — что в манере поведения таких спелеооргов. Но представители его стороны были.

30 человек три часа подряд объясняли им, что такое хорошо, а что такое плохо.

Было решено: игры не будет, виновник торжества уберёт все свои, раскиданные по Системе, пикеты.

: ни одного не собрал,—

Пришлось это делать нам. В общем — всё, как обычно.

И ещё: все эти три часа никитяне совместно с нашими друзьями из группы Гриши Чёрта пытались объяснить игроунам, каким именно образом на деле происходит подготовка подземных спасателей. Что для этого не пикеты раскидывают и ищут, а изучают основы оказания медицинской помощи и реального поиска человека.

Изучают конкретный лабиринт, а не геройствуют в оном, как детсадовские воспитанники.

В конце концов, поступают на курсы МЧС — не прерывая общения с любимой пещерой.

И не меряются хуями с соседями.

— Как об стенку горох...

Ибо говорить громко-правильные слова всегда легче, чем стать и быть настоящим спасателем. Как тот же Чёрт — Григорий Черняков.

На счету которого много больше спасённых человеческих жизней, чем извилин у спелеоигрунов.

К сожалению, таких, как Гриша, в МЧС мало. Но они есть. Наша задача на любом совместном выезде — помогать им и их молодым товарищам. Обмениваться профессиональным опытом.

Что мы, между прочим, постоянно и делаем. Как минимум, два раза в год проводим совместные подземные выезды — в том числе и с кинологами. Без громких афиш и интернетных отчётов.

Надеюсь, хоть какая-то польза от этого будет. Хоть когда-то, хоть кому-то.

Но пока такие, как Чёрт, в меньшинстве — а в наших рядах зреют не находящие выхода дури спелеоорги...

— или орки. Кому какой образ ближе.

* * *

Моё поколение переболело странным желанием посотрудничать — то с властью, то с обслуживающей её прессой,— то с доброхотами, желающими реорганизовать спелестологию (или какую-то её часть) в нечто официальное. Или баблоносно-коммерческое.

Были чудовищные статьи в прессе — исходный материал которых диктовался журналистским даунам с самыми искренними намерениями, и лажи не содержал. Но выходили статьи — читатели-спелестологи падали в обморок. Кто от смеха, кто от менее весёлых чувств.

Были попытки подружиться с районными князьками “обоюдной пользы ради”,— чем окончились? А ничем. В лучшем случае. В иных — закрытием наших любимых норок.

И очередным шельмованием в прессе.

Были попытки легализовать свой спасотряд... С нулевым эффектом на выходе и провалом очередных спасработ — которые вершились под славным официальным руководством.

И попытки организации подземных музеев и заповедников были.

И проведения официальных подземных исследований.

: Все они кончились тем, чем не кончиться не могли.

Ибо несёт комсомольская карма их наследников туда, куда не нести не способна —

— наше подземное движение перпендикулярно.

По определению, в принципе.

... Продюссер Юрия Шевчука, Гена Зайцев, как-то заметил мне: «Стоит привлечь к организации концерта комсомольских работников — пусть даже тогда, когда все вопросы решены, аппаратура настроена и проданы билеты,— на концерте можешь поставить крест.»

: Знаете, у нас точно так же.

Андеграунд — он андеграунд и есть.

Но неймётся новым поколениям спелеооргов — то здесь, то там возникают озабоченные официальной вознёй спелеодеятели, и начинают заводить хороводы...

То вокруг МЧС — аки новогодней ёлочки.

То вокруг идеи “обустроить” отдельно взятую Систему, аки персонально-клубную вотчину. Либо экскурсионно-туристический объект —

«И качать бабло ради развития спелестологии». Браво.

Начисто забывая при этом, что такое спелестология есть — и чем она от

прикладного турбизнеса отличается.

Не понимая важнейшего ощущения спелестолога: *сопричастности на грани личного обладания* с тем, что он Подземлёй называет.

Не понимая основного отличия спелестологии от туристического пингвиньего выгула —

Или намерено путая эти понятия.

— Зачем, почему, для чего?

: Нет ответа.

Но понятно, что ресторанное креслице, как и созерцание музейной картины, никогда не подарят тебе того единения с Миром Подземли, какое дарует не скованное никакими условностями вольное общение с Системой.

Вольное понимание, постижение Её.

: Персональное, глубоко личное.

Однако — тужатся. И на полном серьёзе. Гудят дискуссиями на форумах, аргументы приводят...

Как будто мало примера Ляхницкого и питерской Системы с характерным названием Помойка.

Как будто, аки дети малые, не понимают: организуешь ты свой подземно-официальный проект (пусть и с самыми благими намерениями) — подвинут тебя из него на все четыре неподземные стороны. Ибо придут на Дело Баблонское бойкие дяди-менагеры со стеклянным отсветом не замутнённых совестью глаз,— по херу будет им и экология твоя, и цели спелестологические.

Как оно обычно и бывает в нашей стране.

Потому что это наша страна.

И если б была в ней возможна иная спелестология — чем та, что сложилась за сорок лет — она б и была. Но глупо мечтать о том, чего нет, не было и не будет. Глупо равняться на некие “западные ориентиры”, — что немцу в погребель, нам в кайф. Но ведь и наоборот с той же силой...

: Работали б западные ориентиры у нас — перенимать было бы нечего. Потому что уже давно было бы тоже самое.

Но — перенимаем. И дурное, и доброе. Причём с добрым, как обычно, получается ‘не очень’.

А вот с дурным...

— Уверяю: потомки комсомольских организаторов с зудом в задку, радеющие за “официально организованный спелестологический туризм” — ещё фигня. С ними справятся коммерческие наследники того же самого комсомола.

: Все помнят, с чего начался беспредел конца восьмидесятых? А с тех самых комсомольских детушек всевозможных политбюронов он начался, с их СП и кооперативов, и с рэкеты узаконенного.

Так что растопчут и вытрут ноги,—

— как вытерли их бандитско-коммерческие поводыри комсомола о чистые души идеологических оргов и любимые ими красные знамёна в перестроечные годы.

: Хорошо вытерли, крепко. Так что не надо печалиться. Не та это проблема. Отдадим официально-коммерческой энтропии пару-тройку Помоек – и будем жить, как жили.

А после и Помойки эти к нам сами вернутся, за полной бессмыслицей их дальнейшей официальной эксплуатации.

Но со *спелеоэкстримом* и *спелеогламуrom* что прикажете делать???

ГЛАМУР, МЧС И ЭКСТРИМ

*«И вот, вошёл он туда
с Ломом в одной руке¹⁷
и Стаканом в другой,
а с ним множество Чудовищ
с головами диких зверей.
Они шли и страшно шумели,
с факелами в руках.»*

: Джон Мильтон, “Потерянный Рай”

Два главных мифа современности, две ведущих коды истинно массового зомбирования – Гламур и Экстрим. Они не просто близки (хотя на первый взгляд катахрезичны),– они одно целое, и первое порождает второе.

Гламур объявил, что путёвочное рассекание забугорных курортов – это и есть Туризм. Ну, а остальное – Экстрим. Прочего не дано, и Отмороженный Экстремал – главный герой нашего рекламного телевремени.

Причём заметьте: *экстремист*, тревожащий покой гламура – фигура в высшей степени отрицательная. А *экстремал*, дающий выход заплывающей жиром гламурной адреналиновой железе – положительная. Настоящий крутой парень. Образец для подражания. Ну просто, блин, мачо.

: Усилиями дебильных фореиторов ‘ass-pedia’ этот миф вдалбливается в наши головы со страниц и экранов — и следует такое... что впору уж не МЧС звать, а формировать мобильные бригады психиатров немедленного реагирования. И не помощь оказывать создавшим экстремальные ситуации, повлекшие неизбежные человеческие жертвы — наказывать “героев экстрима” так, как в некоторых обществах наказывали воров: отрубанием рук. Ибо запомните:

Герой – это человек, который, совершая подвиг, разруливает опасную, экстремальную ситуацию. А не создаёт её на пустом месте. Убивает насилующего граждан дракона, держит пальчиком дырку в плотине, бросается грудью на ДОТ, вступает в схватку с бандитом,– спасает попавшего в беду – детали не важны. Важен принцип. Возникла Проблема – беда, опас-

¹⁷ В иной версии перевода – с Волшебной Палочкой. По-моему, в спеле-стологическом смысле это одно и то же.

ность для жизни, загадка природы, трудность,— перед отдельным человеком или социумом, нет разницы — находится Личность, что благодаря своим качествам (коими не обладают “стандартные представители общества”) решает Проблему.¹⁸ Этими качествами могут быть интеллект, владение боевыми искусствами, смелость, решительность, высшей степени профессионализм, творческая гениальность и даже безбашенная мудаковатость, недоступная прочим,— потому мы и называем такого человека героем. С благодарностью за решённую проблему отмечаем эти его свойства.

Экстремал не решает ничьих проблем — он их создаёт.

: Любая географическая, геологическая или спелеологическая экспедиция открывает человечеству новые горизонты. Даёт знание мира. Герои-первопроходцы осваивают новые транспортные пути, исследуют и обживают новые территории, находят ответы на вопросы. Когда врач прививает себе чуму, он делает это не из желания словить адреналиновый кайф на грани смерти — борется с эпидемией, испытывает сыворотку. Когда учёный совершает открытие, он решает очередную загадку природы. Даёт людям Знание. Снимает вопрос,— пусть даже до того беспокоящий его одного в целом свете.

Когда турист уходит из города — постигает природу. Совершает *личное открытие мира*,— раздвигает границы зашоренного городского бытия, любителю красоте лесов, пещер и гор,— возвращает себе отнятое городским бытием единство восприятия нашей планеты. В конце концов, он просто релаксируется, отдыхает от изматывающего социума. Как отдыхает дачник, охотник, рыболов или грибник.

Слово *отдых* здесь — ключевое:

: *любой экстрим, то есть экстремальная ситуация, возникающая в походе или экспедиции, никогда не были целью путешествия геолога, альпиниста, полярника, спелеолога или туриста,—*

И уж тем более — самоцелью. Это неизбежные “попутные обстоятельства” полевой жизни, антураж события — причём “не больно-то и желанный”.

: Понятно, что в иной ситуации от него никуда не деться,— но ситуация ситуации — рознь. Непогода в горах или тундре, так же как и подземный паводок — увы: неизбежное зло открытого природного мира. Но никак не самоцель путешествующего. Трудности горного восхождения или погружения в голубую океанскую бездну — обстоятельства, сопутствующие нашему постижению красоты гор и морских глубин, удивительному кайфу слияния с горным или подводным миром, постижению его. Аналогично и с мирами подземными.

С жиру бесящийся гламур в тесном содружестве с дебильной журналисткой **навязал** нам понятие “экстрима”. То бишь “крутой адреналиновой развлекухи”. И объявил, что *это и есть цель*. Всё равно как если бы столяру сказали, что главная цель его работы — не отхватить заведомо нерабочим фуганком пальцы. Но по приколу именно этим опасным для жизни фуганком и надо

¹⁸ На последнем альбоме любимого никитского автора Миши Башакова [“Стихия”, 2009] есть прекрасная песня на эту тему — она так и называется: “Экстрим”. Рекомендую послушать.

работать,— гвозди же вбивать не молотком, а исключительно головой. И шляпкой в стену. < «Забил – молодец!» >

Посмотрев на любителей экстремальных развлечений, очень хочется сказать: *пусть их бесят, пусть дышат.* Дерьмо не жалко. Главное — не на нашей территории. Но в том-то и беда: они это желают делать исключительно на нашей территории. И чтоб мы были обязаны их спасать.

: Спасать не хочется, но приходится,— я пишу эти строки, как внештатный спасатель МЧС.

Потому как любители адреналина лезут под землю и на горные реки, и гибнут пачками, и поднимают вой: ах, не хочешь спасти нашего брата? Ату тебя, ату!..

Как спасатель, я много писал о спасработках и геморрое, который устраивают настоящим спелеологам, альпинистам и туристам-водникам любители экстремальных развлечений.

Это моё повествование о другом. А потому повторяться не буду — обращаю внимание читателя на один, крайне важный для общества социальный аспект торжества “экстремального мифа”:

При такой постановке задачи речи не может идти о конечной цели твоей работы, о качестве конечного продукта. Об исследовании и постижении Мира — давно.

И в общем, становится по барабану цель и смысл любой работы, любого отдыха.

Главное – полученный адреналин. Доказанная собственная крутость.

: ориентирование общества на такое мировоззрение не может не привести к очевидному результату.

— собственно, уже привело:

Незначительное (на первый взгляд) смещение понимания цели и средства, жизненного смысла и логики дало не только социальную аберрацию общества, искажение его целевых ориентиров –

Если вы хотите сказать, что устремляющиеся под землю адреналиновые додики или любители энкаутера и прочих игровых развлечений могут именоваться спелеологами, спелестологами, спелеонавтами, кейвлайверами – или хотя бы просто кейверами-чайниками! – вы не просто ошибаетесь.

: Ничем таким они именоваться не могут. По определению. Ибо даже крутой спелеоспортсмен совдеповской эпохи устремлялся под землю *из-за любви к Пещере.*

А вот с этим-то словом у современных экстремальных спелеоотморозков полная напряжённость.

Зато у нас – даже в том случае, когда их подземно-броуновское хождение происходит без жертв – возникают очень большие проблемы.

Потому что, в отличие от нас, для них Подземля – даже не спортивный снаряд, типа коня или брусьев для спортсмена. Подземля для них — случайное приложение с жиру и скуки бесящихся сил, источник наркотического адреналина.

И если упёртый спелеолог-топосъёмщик иной раз “украшает” пещеру пла-

стикowymi пикетами, как невольным побочным продуктом её изучения, причём временным (в основе которого, по большому счёту, та же любовь к Миру Подземли и подлинное его познание), а спелестологи-графферы делают безликие подземные стены творчески и ориентационно значащими —

— какой “подземный интерес” стоит за цифровым малеванием наших подземных стен энкаутерами и иже с ними? Какого рода “творчество”?..

: когда в ауру Твоей Любимой Пещеры вламывается такое существо,— паче чаяния, толпа подобных существ,— даже проблема уборки оставляемого ими мусора не кажется главной.

: Материальный срач убрать можно. Хотя и противно заниматься этим за кем-то иным.

А вот срач духовный, что распространяется подобно капле гавна в бочке мёда и растёт-клонировается во вновь приходящих, как то самое дерьмо на дрожжах —

— с этим прогрессирующим срачем что прикажете делать?..

Учтите, что ‘экстримный гламур’ не вскрывает новых пещер, не ищет их, не оборудует стояночных гротов, не поддерживает освоенные пещеры в противообвальном состоянии и не тщится их изучать — он лишь *развлекается* в них.

Со всеми вытекающими последствиями.

* * *

Из-за любителей адреналиновых ощущений МЧС всё меньше и меньше стремится оказать помощь попавшим в реальную беду людям. События в Кармадонском ущелье вполне подтвердили это. Впрочем...

: тут тоже не всё просто. Ибо после схода ледника МЧС сделало всё возможное, чтоб не просто не оказать помощь — выступив глашатаем “государственных интересов”, приложило все силы для того, чтоб помощь не была оказана даже добровольцами, в течение года за свой счёт эту помощь пытавшихся оказать. И дело даже не в пропавшей киносъёмочной группе Бодрова (которую, как выяснилось *post factum*, можно было спасти — не похерь МЧС предупреждения о сходе ледника, не похерь помощь и профессиональные советы добровольных спасателей),— МЧС приложило просто немереные силы для того, чтобы уменьшить “цифры потерь”. Объявить беженцев, что жили в ущелье, “не живущими там”. Ибо признай подлинный масштаб катастрофы — совсем иные деньги и компенсации было бы вынуждено выделить государство. Интересная позиция, не правда-ли?..

В Кармадонском ущелье МЧС не спасало людей — отстаивало государственные интересы.

Да, МЧС — государственная структура и иные интересы отстаивать не должно. Понимаю неизбежный цинизм этой фразы — но принять не могу. Ибо

“иные интересы” – интересы граждан нашей страны, на налоги которых и живёт МЧС, и интересы которых, по статусу своему, вроде бы обязано защищать. То есть оказывать помощь.

: Беда в том, что интересы граждан в нашей стране расходятся с интересами государства.

При этом сходит в Краснодарском крае сель – со всех концов страны устремляются люди на помощь попавшим в беду, а краснодарские и майкопские спасатели с чистой совестью в это время занимаются промальпинистскими работами в Москве, перебивая цены у московских коллег-конкурентов.

При этом весь мой опыт подземных ПСР, проведённых “в печальном содружестве” со славными бойцами МЧС, однозначно свидетельствует: *под землёй МЧС бессильно, профнепригодно*. Об этом я писал столь много, что повторяться не хочется.

Да что – я со своим скромным спасательским опытом < всего-то – несколько десятков подземных ПСР и столько же спасённых человеческих жизней... > — газеты и Интернет пестрят заголовками в стиле «СПАСАТЬ НЕ ОБЯЗАНЫ!..» – «ЧИП И ДЕЙЛ НЕ СПЕШАТ НА ПОМОЩЬ» —

«А на живых **они** не выезжают!» – разве мог возникнуть подобный афоризм в какой-то иной стране?..

При этом воровство и взяточничество в МЧС достигают ужасающих размеров. Расхищается всё – техпарк, горючее, продовольственные пайки, фонды, – “под спасы” списываются просто фантастические средства, и сами бойцы МЧС слагают об этом легенды — столь громкие, что власть *просто вынуждена* разобраться хотя бы с некоторыми из “порочащих славное министерство слухов” — в результате сажают первого зама Шойгу: не капитана, прапорщика или летёху – *генерала* Ганеева, – с Шойгу, как с гуся вода.

И всё продолжается так, будто ничего не случилось. Растраты и хищения растут, не останавливаются.

Разливается мазут под Нахабино – спасатели в Реутове получают аж целых 200 (!!!) рублей на соляр для своего КАМАЗа. «Добирайтесь до места аварии, как хотите – и ликвидируйте». Вы вообще знаете, как далеко может уехать КАМАЗ, заправленный соляркой на 200 рублей?..

И на фоне этого беспредела МЧС всё больше и больше становится одним из “силовых министерств”. Во главе которого верная опора нашего президента, почти народный герой Шойгу.

: При этом – предупреждением катастроф никто в стране не занимается. Катастрофы случаются с удручающей периодичностью. Число жертв растёт.

Фонды МЧС тоже растут. И растёт количество служебных растрат и хищений.

Слава тоже растёт. И интенсивно пиаренная “масс-медиа”, и народная. С эмоциональной составляющей которой можно ознакомиться в Интернете.

МЧС поглощает пожарную службу, – слышали отзывы профессиональных пожарных о результате “слияния”?.. Это очень нелицеприятные отзывы.

: МЧС получает технику и полигоны, становится откровенно военным, силовым министерством. Его бойцы тренируются, аки

какой-то спецназ. Контрактники служат в МЧС вместо армии. Но оказывать реальную помощь министерство не желает и не может. Случилась трагедия с «Курском». За ней – трагедии Норд-Оста, Беслана. Телекамеры пиарили образ чрезвычайного министра-спасателя. А какая реальная помощь была оказана людям? Да не более, чем в Кармадоне. Не более, чем после землетрясения или ледового затора на реке, наводнения.

Не более, чем при неудачных поисках пропавшего в пещере-каменоломне любителя экстрима.

Понимаю: землетрясение – штука стихийная. А паводок на реке из-за ледового затора?

Разве не дешевле было заранее устранить затор?..

Вопрос риторический.

После аварии теплоцентрали во Владивостоке из Москвы личным самолётом героя-спасателя Шойгу во Владивосток везут... радиаторы батарей.

– помилуйте! Ближе чугунных болванок не нашлось? Не золотые-ли получились радиаторы?..

: Министерство Чрезвычайных Ситуаций работает в одной упряжке с прочими государственными службами. По одному плану.

Какому – догадаться не трудно.

: Министерство есть и на виду. Бравый министр рассекает воздушное пространство Родины на персональном самолёте от беды к беде. Трудится, как пчёлка. Фигаро здесь, Фигаро там. Телекамеры. Блицы.

Кто считает, что место министра в кабинете – неправы. В кабинете чиновник сидит, а наш герой – народный герой-спасатель. Светлая, харизматическая личность. Мнение, что вместо одного полёта его самолёта в Иркутск сэкономленные деньги можно было бы выдать пострадавшим от падения «Руслана» — «недальновидное и вредное мнение».

Мнение, что не хер оказывать гуманитарную помощь Косово, пока у нас горят дома престарелых и взрываются шахты – «мнение непатриотов».

Мнение о том, что противолавинной службой в горах должны заниматься не кремлёвские мечтатели-спасатели, а местная, соответствующе экипированная КСС – «мнение провокационное и государственной политике не отвечающее».

Мнение, что подземными ПСР должны заниматься не абстрактные спасатели из абстрактного министерства, а профессиональные горные спасатели в содружестве со спелеологами и спелестологами, *и эти спелеологи и спелестологи должны получать адекватное вознаграждение за свой труд, а не помой в прессе* — «мнение дилетантов».

...: странное получается министерство, очень странное. Очень военизированное, очень непрофессиональное в реальных спасательских вопросах и явно не способное оказать реальную помощь людям — развивается, растёт, пухнет... сражается с народом в нелёгких битвах за государственные интересы,–

Складываясь понемногу в общую мозаику с журналистикой, экстримом, гламуром, менеджерами, маркетологами, либерал-педагогами и прочими

проявлениями государственной мифотворческой мысли.

: Хорошо, очень точно подходят эти пазлы друг к другу. Потихоньку складываясь в некую общую картину. Хотя согласен – по завершении сборки зрелище вряд-ли будет проходить по классу произведений искусства.

Ибо даже от несобранной до конца картины воняет, как из клоаки.

ГЕНЕРАЛЫ ГЛАМУРНЫХ ЭКСТРИМОВ

*“Отыграла наша свадьба.
Все разъехались – и вот
На тикете 320
Додик встретил Новый год...”*
: Ю. Кирин

Интересный разговор у меня состоялся с одним из моих друзей, ушедшим не так давно из никитских промальпинистов в “официальные спасатели”. «Ну какой ты спасатель,– укорял он меня,– тем более, какого-то “класса”? Ни образования реального спасательского не имеешь, ни опыта реальных спасработ по вскрытию, скажем, какой ‘жестянки’ при ДТП... А когда ты вообще проходил очередную аттестацию?..»

— и так далее. Резюме: ни о каких своих “спасательских классах” заявлять я не имею никакого права. И вообще выдавать себя за “спасателя” и трендить об МЧС.

: Спорить не собираюсь, как переаттестовываться и сражаться за абстрактные разряды и звания.

Ибо никакие трижды блестящие корочки не помогают найти пропавшего под землёй человека.

А иной раз даже — весомый спелеоопыт. Потому что каков бы ни был — применили его не в тот момент и не в том месте.

Да ещё и вовсе не так, как применить бы следовало.

Вот, например, печальная история, случившаяся в Никитах в 2006 году –

: по-своему знаковая.

Особенно — последующим скандалом. Нелицеприятные подробности которого можно прочитать на форуме caves.ru [<http://caves.ru/showthread.php?t=6875&highlight=%C1%F3%F2%EE%E2>],– здесь я ограничусь лишь краткой хроникой событий.

* * *

20 августа 2006 года Никитский Круг празднует очередную спелеосвадьбу. Празднует на поверхности в любимом лесу над любимой пещерой – а потому “ходить вниз” никто не планирует.

Как обычно на наших сэйшенах, разыгрывается некое театральное-игровое действие; гостей довольно много. Вдобавок некоторые группы приходят со своими неизбежными “хвостами”, как на слёт. Что ж, имеют право: Никиты – пещера открытая.

Да и событие не держится в тайне.

Средь “хвостов” одной из групп находится некий чичака, под землёй до того ни разу не бывший, но изрядно кичащийся своим “экстремальным опытом” и вообще званием “*по жизни экстремала*”. Рвётся в одиночное гуляние под землёй – не имея ни своего комбеза, ни света, – ни вообще никакого понимания того, что есть Подземля.

И тем более — Никиты.

: Что для экстремала в порядке вещей.

В ответ на свои идиотские (с точки зрения никитян) устремления получает многократное разъяснение по всем пунктам, включая особый нажим на необходимость записи в Журнале и полный запрет на одиночное шатание под землёй.

«Я Экстремал!!! – орёт даун,– никогда со мной ничего не случилось!!! Одиночное посещение вашей пещеры — цель моей жизни!!! Да только в одиночном посещении и можно словить самый настоящий адреналин!!!»

«Коль такой крутой экстремал – заберись на дерево и сигай головой вниз. Будет тебе экстрим...»,– реагирует одна из никитянок.

Поскольку ни подземной одежды, ни даже света хоть в виде “тикки” у героя экстрима нет, связывать его и бить кувалдой по голове никому не приходит в голову. Тем более, что эмоции его несколько охлаждаются — видно, что он больше увлечён распиванием “адреналина раша”, чем реальным визитом под землю.

Да и лекция часа в четыре длинной (поведанная ему на всех никитских кострах) даже на отпетого дауна должна была произвести впечатление.

Когда ближе к ночи все никитяне увлечены празднично-костровым действием – упомянутым театральным перформансом – наш герой хитит у пригласившего его комбез (между прочим, штатный комбез МЧС) и полурабочий свет – раздолбанную “тикку” с севшими батарейками.

К этому времени в герое нашем уже плещется некоторое количество любимых им “энергетиков”, запитых водкой на женьшене. Соответственно, собственная крутость превосходит даже вертикаль власти.

Вооружась для “догона” 2,5 литровым флаконом очаковского пива, он устремляется ко входу.

В этот момент его видит один из никитян, возвращающийся от родника.

– Куда идёшь?

– Да гляну на ваши свирепые входы...

– Ну, погляди.

: Нет повода для беспокойства. Тем более, что возраст экстремала – под тридцать. Вроде бы предупреждение по всем пунктам подземной безопасности получил, – да и сам соображать обязан.

Далее герой погружается во вход и, не записавшись в Журнале, летит в

глубь пещеры. “Экстрим, бля!!!”

Причём лезет не туда, где просторнее – а наоборот. То есть в систему Коммундизма. В которой классически заблуждается через несколько минут. Что наиболее вероятно, учитывая его “орган света” и общее представление о Никитах.

Возможно, героя экстрима подводит декларированное в пипифаксной литературе “правило левой руки”, по которому интеллектуально неполноценные специалисты советуют новичкам ориентироваться *в любом лабиринте*. [По крайней мере, только этим можно объяснить, какого хрена он устремляется в явные шкуродёры вместо широко распахнутых штреков.]

И беда не в том, что он пошёл “по левой руке”, а не “по правой” – в Никитах результат хождения “по правой руке” в конечном итоге будет не сильно отличаться от альтернативного варианта, – беда в том, что *в реальном лабиринте* подобные правила не работают.

А там, где работают — там лабиринт не лабиринт. Экстремалу там делать нечего. Потому что скушно. Ведь на постижение “просто кайфа пещеры” он не заточен. Ему движение нужно, – экшен, драйв. И чем ударно-бессмысленней, чем животрепещущей — тем лучше. То есть круче.

: Какое-то время он ползает по привходовой части Коммундизма; выпивает взятое вместо запасного света пиво. Естественно, “сильно запотевет”. Время – час ночи или около того.

Пиво ложится на водку с энергетиками и оказывает неизбежный тормозящий эффект вкупе с усталостью персонажа и временем суток.

: Герой снимает верхнюю часть комбеза, мокрый от пота свитер и футболку. Затем надевает свитер. Сухость которого немного выше футболки. И ложится грудью на показавшийся ему сухим подземный песочек. Засыпает.

И не просыпается из-за неизбежного переохлаждения сердечной мышцы, усугублённого действием химозного адреналина и адреналина, что он естественным путём получил при потере ориентации и ползание по шкуродёрам.

: Всё складывается одно к одному. И очень быстро. По заключению экспертизы, с момента принятия последней пищи он прожил не более трёх-четырёх часов.

Записи о входе в пещеру в Контрольном Журнале нет; из всех, кто находится наверху, его знает лишь тот, кто его привёл. Но он переупотребил халявным свадебным спиртным и спит в своей палатке. Это тот самый сотрудник МЧС, чей комбез похитил для подземного гуляния наш экстремал.

Правда – сотрудник уже бывший. (Мне лично трудно представить себе, как спасатель может стать бывшим, ибо для меня это не место работы, а скорее, некая моральная ориентация – ну да ладно.)

В воскресенье бывший сотрудник МЧС опохмеляется до поросычьего визга. Единственный из сотни присутствующих. Впрочем, он и накануне был единственным в этом классе. У остальных были более интересные занятия.

К вечеру, нетвёрдо ступая, удаляется в город. Очевидно полагая, что его друг уже дома.

А мы видим несобранную палатку. Чья она — неизвестно.

Вспоминаем, что экстремала со вчерашнего вечера никто на полянах в лесу не наблюдал, — ну да наши компании ему ещё тогда не понравились. Тем не менее, молодёжь посылается ко входу — проверить Журнал.

Из Журнала следует, что под землёй экстремала нет.

Те, кто собираются уезжать в город, не могут этого не делать: у всех завтра работа.

Те, что могут позволить себе остаться, имеют лишь условный “поверхностный свет”. У многих нет комбезов — “не для того ехали”. Отъезжающие (я в том числе) делают рейс в ближайший работающий магазин и привозят остающимся продукты и батарейки. Это всё, чем мы можем помочь.

На другой день у меня объект с крайне непростой производственной ситуацией (намечается кидалово по полной программе) и не выйти на работу я не могу. А вечером — запланированный домашний концерт гостя из Питера, Киры Комарова.

Отменить невозможно: человек с сопровождающими его музыкантами едет из другого города, и в Москве столь многие ждут его выступления...

— Что всё это против экстремала-отморозка, о котором нам уж поведали в телефонных переговорах, что он мог запросто уехать в Москву, бросив все свои вещи (такое бывало), или внезапно свалить куда-нибудь за пару километров — прибиться к иной компании и там “зависнуть”?..

: Экстремалы — они, как правило, обеспеченные. Им на вещи плевать. *И не только на вещи* — на то они и экстремалы.

На всякий случай никитские гонцы устремляются по окрестностям — к прочим местам туристических и опенэйровских тусовок. Результат этого поиска будет известен ближе к ночи.

В понедельник я выхожу на работу; в Никиты приезжают первые добровольцы. Поскольку поиск на поверхности ничего не дал, прочёсываются самые широкие, естественные для гуляния новичка, проходы — и стояночные гроты.

В МЧС подаём официальный вызов.

Я на caves.ru даю объявление о полномасштабных спасках.

Реакция МЧС наступает только во вторник. Зато какая...

В Никиты приезжают АЖ ТРИ спасательских формирования, и начинается безобразная свара — кто главнее, кто возглавит поиски???

: Присутствие знающих Систему никитян (при том имеющих опыт организации успешных ПСР в этой Системе) игнорируется. До установления иерархического приоритета посещение дыры официальные спасатели запрещают.

К вечеру вторника приоритет в иерархии МЧС установлен; “дяди в погонах” доверяют руководство прочёсыванием Грише Чёрту. Оставляя общее за собой.

Прибывшие группы добровольных помощников начинают плановое прочёсывание Системы. По возвращении с которого докладывают Чёрту об осмотренных участках; педантичный Гриша вычёркивает их на условно-

сводной схеме Никит работы Глеба Зырянова.

Моя группа ещё в дороге приходит к общему мнению: искать следует в Коммундизме-Сейсмозоне. Потому что интуиция всех нас тянет именно туда.

По прибытию выясняется: и Коммундизм, и Сейсмозона уже “прочёсаны” три раза. В доказательство Гриша показывает схему с зачёркнутыми участками.

– Кто прочёсывал?

Гриша говорит, КТО. Не верить ему причин нет. И пусть это **не никитяне** – мало того, команда, в некотором роде антагонистичная Никитскому Кругу, – позиционируют они себя в подмосковном спелеомире, как “очень опытные”, чуть-ли не самые крутые. Да и официальная организация ПСР, вершащаяся “дядями в погонах”, не оставляет места привычному стилю работы. А потому приходится идти не туда, где потеряли – а туда, где ещё не искали. В соответствии с навязанным нам планом работ прочёсываем Бородинские Поля и систему Шкварина.

При этом у всех стойкое ощущение: никого, *нуждающегося в помощи*, под землёй нет.

С этой мыслью выходим наверх к шести часам утра, завершив плановый осмотр всего, что ещё не было осмотрено.

И разъезжаемся по своим домам и работам.

Общий единогласный вердикт: ПОД ЗЕМЛЁЙ ПРОПАВШЕГО НЕТ.

Тем не менее, через две недели я предпринимаю повторный поиск – с созованными мной добровольцами из разных подмосковных Систем, – но главное, с натасканными на подземный поиск собаками Вали Оборотня из Бяк.

Герои, что прочёсывали Сейсмозону и Коммундизм, участия в этой акции не принимают – их более привлекает затеянный в Сьянах “эксперимент по ручной добыче белого камня”.

Осмотр пары подозрительных завалов в ЖБК говорит: человека под ним нет. Ибо через пару недель он обязан пахнуть так, что если б и был раздавлен монолитным чемоданом без каких бы то ни было следов – запах появиться должен.

: характерный трупный запах в этих местах отсутствует.

Собаки Оборотня берут след, но теряют его перед вертикальной плитой в Коммундизме. Поворачивают обратно...

: Человек видит, что по этой плите можно подняться наверх. Даже в слабом свете сажающей “тички”. И место найденное, – торная дорога в ЖБК.

: собака разворачивается, не постигая вертикального направления следа.

Кода в подсознании, что “Коммундизм уж осмотрен три раза, да такими орлами” тоже вносит свой отпечаток. Поиск прекращается.

Но Натка, Жам-Жам, а за ними Кира и моя жена Олич упрямо твердят, когда начинается наш подземный сезон: покойный в Никитах. Его просто не нашли, пропустили по какой-то иррациональной причине.

– Как можно не найти ещё живого человека, прочесав Систему несколько

раз? И потом: ни у кого ведь не было ощущения, что кто-то, нуждающийся в помощи, находится под землёй.

– А если он уже был мёртв?

– Все подозрительные завалы исследовали в сентябре.

– А если иная причина?

– Какая???

: Никто не знает ответа. Потому что в голову не приходит, что нам установили очередной “рекорд Дарвина” – из всего нашего спелеоопыта следует, что несколько дней заблудившийся под землёй должен жить.

Натке снится сон – как покойный лежит в одном из гротов. По описанию никто не может опознать это место. Натка говорит: “где-то в Сетке, или по направлению к ней”.

: В декабре вновь прочёсываем Сетку. Ничего не находим. Даже запаха.

“По направлению к ней” в момент разговора с Наткой получается: где-то в Сейсмозоне или в Коммундизме. Пройденных три раза весьма известными спелеоличностями... Хоть и “принципиальными неникитянами”.

Решаем, что на Старый Новый год всё равно прочешем эти места. Ибо какими бы героями ни позиционировали себя “прошедшие Коммундизм и Сейсмозону три раза” — с точки зрения любого никитянина их спелеоопыт не бесспорен. Паче чаяния – никитский.

... На Старый Новый год Зомби едет в Никиты первым из нашей команды – на последней электричке. Остальные планируют подтянуться поутру, и тогда развернуть полномасштабное прочёсывание. Но одна из групп приезжает раньше – ещё вечером в пятницу. Они и делают страшную находку. По просьбе нашедших не называю их имён – ребят можно понять: в группе было три чайника и лишь один действительно опытный спелестолог, при том (слава Богу) врач. Найдя тело, они испытывают понятный для чайников нервный стресс – а потому удаляются в город. Хотя время для “удаления” не самое подходящее – около часа ночи. Но нашедшие не могли оставаться под землёй.

Зомби встречает их на входе в Никиты. Звонит нам.

Я созвонился с Чёртом; не дожидаясь утра, выехал на место.

Вместе с Зомби нашли по описанию грот,–

: оказалось очень похоже на место, что приснилось Натке. Причём в десяти метрах от самой торной в Коммундизме тропы,–

: не буду комментировать очевидное.

Дальше была восьмичасовая эксгумация мумифицировавшегося трупа из “трижды прочёсанного Коммундизма” – со всеми неизбежными сложностями, включая расширение шкуродёров. Эту неприятную работу целиком выполнили никитяне (я, Хома, Сурок, Ким и Зомби) и группа Гриши-Чёрта.

Во время переговоров с сотрудниками МЧС, домодедовскими операми и следками из Прокуратуры соблюдали режим “радиомолчания” – все разговоры вели только по личным мобильным телефонам. А потому удалось избежать внимания журналистов и разных потусторонних лиц и организаций.

Казалось, на этом можно поставить точку...

Но почитайте скандал и хай, устроенный парой рыл на форуме caves.ru.

Вместо попытки разобраться, *почему тело не было найдено при полномасштабных ПСР* (не просто “самых масштабных” по количеству участников и официальных спасателей за всю историю Никитской Системы,— ПСР, официально возглавляемых и направляемых бравыми МЧС-овскими полковниками — что в истории Никит тоже было впервые), *да ещё в такой близости от входа,— и каким образом оказался дезинформирован Чёрт о “трижды прочёсанном Коммундизме”*, **основной удар направили на НК** —

“ВЫ ПРОЕБАЛИ ДОДИКА!!!” — ревел мне в телефонную трубку один очень добрый человек. Аж слюна из наушника брызгала.

: очень интересная позиция... Тем более, оглашённая не сразу после неудачных спасработ, а спустя полгода. Когда тело найдено и эксгумировано на поверхность — причём не теми, кто был обязан его найти, исходя из карты прочёсывания.

Из позиции этой прямой наводкой следует, кто “трижды прочесал” Коммундизм. Не ориентируясь в нём ни на грот. Да ещё так лихо оттопосьёмил его перед этим, что не каждый никитянин с десятилетним стажем хождения в Никиты может отождествить изображённый на предъявленной caves.ru “сверхточной карте” реальный фрагмент местности с ключевым пикетом «320».

Забавно, что устроители “кавесной порки Никитского Круга” столь мощно модерировали раздел, что фильтрацию проходило лишь каждое десятое сообщение свидетелей событий — и при том, играя в некоторую “непредвзятость”, устроители скандала, якобы, пытались “восстановить реальную хронологию ЧП”, при котором не присутствовали и на уровне мичмана...

: “Ему и больно, и смешно”.

Ведь даже из ‘приглаженной’ post factum версии торчат замечательно длинные уши.

Но что характерно: это были первые никитские ПСР, проигранные нами у Костлявой.

И одновременно — первые, которые “организовало” и “возглавило” МЧС:

— *результат, показательный во всех смыслах.*

На скандал — плевать. Над **этим результатом** нельзя не задуматься.

Как и над тем, что не официально декларируемая разрядность и классность, не погонные звёздочки и не сторонний спелеоопыт, пусть и трижды заслуженный, определяют исход ПСР —

А нечто иное.

ПОЛОЖЕНИЕ ВНЕ ИГРЫ

«Поиграем в прятки – детская игра...»

: А. Медведенко

Вот для сравнения ситуация, что случилась через год. Которая кончилась могла много трагичней –

: но “по ряду причин” не кончилась. И только потому, что поиск вели никитяне, не прибегая к сторонним “организующим”, “прочёсывающим” и “руководяще-топосъёмным” силам. Что для любой конкретной пещеры со сложной топологией – силы, скорее, потусторонние. На уровне гостя, что по ночному пробуждению не в силах найти туалет в чужой квартире.

Но в состоянии активно указывать хозяевам, где его надо искать. Или, по крайней мере, оборудовать.

* * *

Ноябрьские иды 2007 года подарили очередное испытание моей спелеоинтуиции. У меня была масса вариантов находиться *в это время* в Сьянах в компании тамошних своих друзей, куда я приехал по их просьбе, либо пить чай в гостях у Кис-Кисыча, к которому я заехал по дороге из Сьян в Никиты. Либо прибыть в Никиты ещё накануне вечером (как я обычно это делаю), воздержавшись от не столь обязательного для меня лично “дружеского визита” в Сьяны, – либо из Сьян уехать среди ночи и теперь отсыпаться в родном Обитаемом Острове... Однако *то самое нечто* позволяло: ехать в Никиты **именно сейчас**. Не раньше, не позже.

Причём образ входа был в этом ощущении довольно сильным – сильнее обычного ощущения никитских покоев, что представляются целью пути при ином движении к любимой Системе.

: Гадать, *как могло бы быть*, теперь не будем — ибо я поступил так, как мне велела интуиция. Та самая, со славным префиксом “спелео-”.

Оставив свой внедорожник у знакомых в Никитском, приближаюсь ко входу в Никиты – у входа в характерном смятении женщина примерно моих лет. В руках мобильник, в глазах слёзы.

– Скажите, а вы в эти пещеры давно ходите?

– Да изрядно...

– А они большие? Там не опасно?

– Если честно — и большие, и для новичка очень опасные.

– А вы не подскажите мне телефон МЧС? Или, может быть, звонить нужно в милицию?

– Что случилось? Считайте, что МЧС уже перед вами. Звонить никуда не нужно.

- Да понимаете, у меня муж с дочкой в эту пещеру залезли...
- Давно?
- Уж более часа...
- А надолго?
- Он сказал, только посмотрит, как там и что, и сразу назад.
: “Оп-паньки...”

Выясняется, что муж занимается геокэшингом, и какая-то *сука* (как сказать по-иному?..) разместила очередной “игровой секрет” в районе Никитских каменоломен...

Мужу 40 лет; дочке 8.

Призываю ещё, как минимум, час, никуда не звонить, никого из спецслужб не беспокоить – сам даю контрольный звонок друзьям в городе (что решили провести трёхдневные выходные в городском тепле и уюте) – и погружаюсь во вход.

Изучаю Журнал.

Запись о входе в стиле “здесь были Володя и Соня” присутствует.

В Системе также никитская группа Атамана (это уже хорошо!) и две группы молодых никитян, ещё чайников – компания Яндекса (три человека) и компания Хаскеля (тоже трое). В компании Ильи, кстати, то же число участников.

Со мной – десять.

Более никого.

“Яндексы” стоят в относительно привходовом КД; сообщают, что кто-то не далее как полчаса назад проходил через Четвёртый Подъезд. Вроде бы были слышны мужской и женский голоса. Но быть может и детский. Почему не заглянули в КД, не известно.

Они как раз готовили завтрак.

Объясняю ситуацию; ребята говорят, что сейчас же известят Атамана, стоящего со своими в Геошизике. Поскольку Хаскель стоит в ЖБК на Футбольных Полях, бегу туда.

Сбор назначаю через 20 минут в ЧП.

По дороге до Футбольных Полей интенсивно ору во все отвилки и свечу обоими барракудами своего налобника. Никто не отзывается.

Компания Хаскеля собирается на выход. Говорят, что в таком случае пойдут не по Бродвею, а через Сейсмозону, чтоб сразу охватить как можно больше возможных маршрутов.

Возвращаюсь в ЧП, продолжая интенсивно взывать во все стороны, –
– утешает, что мужик хоть и игрок, но не датый, и вообще: присутствие ребёнка требует осмотрительности...

: Ага – той самой, которую он не изволил проявить на входе.

Правда, в Журнале запись-таки сделал.

Чувствую, что по итогам этих спасов придётся определяться: кто для нас хуже – безумные экстремалы или безумные игроки? Впрочем, хрен редьки не толще. И то и другое — плоды экстремально-гламурной психологии.

Становящейся модной.

В ЧП решаем, что группа Атамана пойдёт по Централке – Илья говорит, что интуиция влечёт его туда. Мне тоже кажется, что сигнал о помощи идёт с того направления, – но надо отсечь самую поганую из версий: Коммундизм. “Свежи, как говорится, воспоминания”.

Один из “яндексов” остаётся на контроле в ЧП – это место позволяет контролировать всю привходовую зону.

Я с двумя помощниками устремляюсь в Коммундизм. Прочёсываем, орём. Светим во все стороны. Каждый идёт по параллельному ходу. В ЧП возвращаемся одновременно с группой Хаскеля, прочесавшей Сейсмозону. Синхронность нашего поиска даёт шансы на то, что самые мерзкие участки привходовых Никит можно исключить.

Вылетаю наверх утешить жену и мать – пока утешаю и вновь созваниваюсь с Москвой, из дыры вылезает Яндекс.

– Нашли.

– Кто?

– Атаман.

– Где?

– На Централке, за Душевой. Уже выводит.

: даю телефонный отбой.

Спасённый на своём джипе везёт меня в никитский магазин, где закупается самым дорогим коньяком и соответствующей к нему закуской, исходя из количества находящихся в пещере.

Потом привозит меня обратно ко входу.

Расстаёмся друзьями.

— Но если бы я удивительно вовремя не подъехал ко входу, и несчастная жена и мать успела позвонить в МЧС??? Исход *их спасов* вы себе представляете???

: если нет, – и мало описанного выше эпизода – перечитайте ещё раз главу о “трёхдневном поиске”. Вспомните смертельный первомайский “спасательский водевиль” в Сокских штольнях. Или приведите примеры *удачных действий МЧС по поиску потерявшихся в пещере* –

Желательно, чтоб примеры эти не мог оспорить ни один из “диких” добровольных волонтеров-спасателей, что *на самом деле* принимали участие в описанных работах.

: Мне лично такие примеры не известны.

* * *

А наоборот – да.

: рулит призрак игровых дежа вю нашей подземной жизнью, – в феврале 2009 года в подмосковной пещере Сьяны (наиболее простой, а потому популярной у спелеотинов) устраивают всё те же¹⁹ спелеоорги “совместные

¹⁹ Ославившиеся “как бы организацией” “как бы учебно-тренировочных”

тренировочные учения” МЧС и “неорганизованных” спелестологов. Цель “учений”: прошвырнуться по Системе и по ходу гуляния отыскать несколько лиц, изображающих из себя пострадавших. Насколько игры такого рода могут напоминать реальные учения – судить не мне. (Моё мнение изложено выше. И любой опытный спелестолог или спасатель его разделяет.)

С результатом игры можно ознакомиться на форуме Спелео.ру:

[<http://www.speleo.ru/phpBB3/viewtopic.php?f=20&t=425>]

Участия в пахнущей нафталином затее из брезгливости не принимал, но даже из официально приглашенной версии подведения итогов ясно: обгадились товарищи спасатели, хоть и не по полной программе. (Мнение принимавших участие в данной игре цитировать не буду – оно очевидно.)

: Не сделав никаких выводов и не пожалав хоть сколь-нибудь озадачиться реальными подземными тренировками, жаждущие славы спелеоорги и их сторонники в МЧС назначает следующую аналогичную игру... в Никитах. В которой мне уже приходится принимать участие — “хочу я того или нет”.

И вот тут-то... М-да...

Рассказываю с полным правом участника событий: едва приехав на место, товарищи официальные спасатели НАЖРАЛИСЬ, КАК СВИНЬИ.

: Кто-то падал на всех и всё, кто-то блевал.

Три часа мы на декабрьском холоде ждали, когда кончится организационная неразбериха. Или хотя бы спасательский этанол. Но работал никитский магазин, и вереницы ‘спасюков’ сновали по Пьяной Тропе, аки хоббиты в режиме “туда и обратно”. Типа, главная цель (пусть и учебных) ПСР достигнута — *свои тела* ко входу в Систему доставлены — “можно расслабиться”.

Причём по полной программе.

< Как бы “неорганизованны” не были мы с точки зрения сотрудников в форме, пить предпочитаем лишь по успешному завершению спасработ. А не до того или вместо. >

— Но если б в это время реально пострадавшие люди ждали под землёй нашей помощи?..

Между прочим – вышли мы на поверхность, одетые для стремительного рассекания по нашим шкурорёрам. То есть более, чем легко. Вышли, чтоб получить краткие исчерпывающие инструкции, официальных участников “прочёсывания” и приступить к поиску того, что следует отыскать.

А инструкций всё нет и нет. И не следует никаких проявлений организаторской деятельности. Если не подразумевать под оной постановку огромной спасательской палатки, кухни и открытие стеклотары. Да массовый завал бензопилами ещё зелёных по осени деревьев. Как бы ради костра.

Вместо начала Работы.

Сказать, что вся эта спасательская активность наблюдается нами не без омерзения = ничего не сказать.

: около 20 никитян и примерно столько же добровольцев из иных подмос-

“как бы ПСР” в Никитах в 2003 году.

ковных Систем терпеливо ждут, когда же на них соизволят обратить внимание. Ждут и мёрзнут.

Наконец, не без интенсивного подпихивания с нашей стороны, главный добровольный организатор этой акции “во славу дружбы спелестологов и МЧС” – тот самый, что несколько лет назад уже тщился организовать в Никитах нечто подобное, да “был подвергнут остракизму за пристрастие к онанизму”, – разражается светлой мыслью: Система делится на зоны поиска, в каждой группе один никитянин-проводник и пара либо МЧСных спасюков, либо ребят, приехавших из других Систем. Никиты не знающих.

: *мысли этой в октябре 2009 года ровно 30 лет стукнуло.* Что нового привнесло в тактику ПСР прибытие пьяных спасателей и активность доморощенных спелеооргов?

Ответ риторический.

: Чему они приехали нас научить, каким сокровенным опытом поделиться — что нам был неведом?..

Заявлены-то были не игры в стиле дозора-энкаутера-геокэшинга, – и не пьянка-гулянка — **учебно-тренировочные ПСР.**

: Почувствуйте, пожалуйста, разницу.

... спасателей по этанольным причинам на всех не хватает. Ну да и нужна им была эта акция – как налобник летучей мыши. [Мысль сию нам, между прочим, озвучили практически прямым текстом. Да и кто сомневался-то?..]

Тем не менее, мне досталось два экземпляра официально действующих бойцов МЧС. Причём вменяемых и трезвых. У одного даже был налобный фонарик. Но вот одежда... Может, на северный полюс в такой экипировке десантироваться и можно. Но никак не в Никиты.

Наконец разобрались с составом поисковых групп, оснащением немногих рвущихся в поисковый бой спасателей и ринулись под землю – искать муляжи трупов. Или, как нам лично было объявлено на инструктаже Главным Спелео-Организатором, «стояночный лагерь – то есть спальник, пенку и прочее шмотьё». Или нечто, на перечисленное весьма похожее. Например, старое ватное одеяло.

Вместо одного из муляжей лежала бумажка с надписью «труп». Размером с листок из записной книжки. И никаких шмоток.

: Пardon! На “вводной” всем было объявлено, что ищем тела и шмотки, а не пипифаксы!

: Хорошо, что не моя группа попала на этот номер.

Хотя и тоже никитская. «Элементарная подстава»? Возможно. Случайно-ли этот участок был выделен никитской группе? Тоже возможно.

: Лотерейный лохотрон знает номера и покруче.

Не хочу сказать ничего дурного о своих спутниках — это действительно хорошие ребята, и они искренне желали хоть чему-то научиться у нас. При этом прекрасно понимали: их присутствие лишь тормозит наш совместный поиск, – «и вообще: ясно, что никому эти игры не нужны». Хочешь быть спасателем – будь им. Иди, работай. Или хотя бы учись.

— Не одним Чёртом славно МЧС...

К сожалению, тем положительные моменты этого дня и исчерпались. Во все подозрительные шклевотины я залезал сам. Во все щели и шкурники. На шестом десятке лет мне это было очень надо... Но даже моя старческая подвижность по определению превышала спасательскую прыть в несколько раз.

Как, безусловно, и знание Системы.

Отработав маршрут, приближаемся к выходу.

Перед нами две группы пытаются вытащить на поверхность тело В ЖО-ПУ ПЬЯНОГО СПАСАТЕЛЯ.

Выход заблокирован.

МЧСовский недоумок блюёт.

Его друзья хоть и выказывают признаки жизни – право, лучше бы не выказывали.

: Один из них своей жопой сидит на нашем привходовом Контрольном Журнале. Прошу ответственного работника МЧС (который в два раза моложе меня) сместиться в сторону – дабы сделать контрольную запись.

В ответ он с матом кидается на меня, пытается набить морду.

: Сложновато это сделать, – тем более мне, в родных Никитах. Да ещё в таком состоянии. Хотя, конечно, силы пьяному дауну было не занимать.

В отличие от интеллекта.

Растаскивают нас.

... Наверху у спасателей кухня. Нам был обещан обед.

— рассказывать, как это обещание было выполнено???

: пожалуй, хватит.

... пьяные в жопито бойцы МЧС спевают могучим арпеджио песни, –

– такие спасы, такие игры. Такие, блядь, люди.

Остальные комментарии участников смотрите на <http://caves.ru/showthread.php?t=35470> .

И делайте, делайте выводы...

* * *

: Сколько было попыток организовать в Подмоскovie совместный профессионально-любительский спасотряд? Сколько интернетных страниц было написано на эту тему? Сколько устроено скандалов?..

— Подсчитать трудно. Как и количество часов, что мы провели на совещаниях разного уровня в кабинетах руководства официальными спасательскими силами. И пусть за последние 15 лет они десяток раз меняли название своё, дробились и сливались, пока не пришли к окончательному современному варианту, –

– пусть все наши попытки достучаться коль не до сердец, то хотя бы до мозгов высокого спасательского начальства были чисты и искренни, и о деньгах никто из нас всерьёз не заикался —

: воз и ныне там. Добровольные подземные спасатели существуют сами по себе, и оказывают, когда надо и кому надо, подземную помощь,— МЧС живёт своей виртуальной жизнью. С жизнью реальной пересекается лишь на экранах ТВ да на газетно-журнальных страницах разной степени глянцевого и желтизны.

Обретать подземный спасательский опыт упорно не хочет.

Но при случае всегда пристыдит нас, “неорганизованных бесклассовых недоумков” – то в частной беседе, то в средствах массовой дезинформации.

То просто заблюёт обозримое подземное пространство, или устроит мордобой.

Или в очередной раз пригрозит «взорвать Систему – и дело с концом».

: о, да. Это единственное, что они могут.

Убедились на историческом опыте.

А более — ничего.

* * *

Осенью 2008 года устремляется в Сьяны некая крутая гламурно-экстремальная тусовка. Цель выезда: отбабахать дискотеку в подземных условиях. Питание дискотечной аппаратуры: бензогенератор, к тому же неисправный. Через несколько часов работы устройства начинается волок из угарного газа. Устроители дискотеки спят праведным сном – наплясались, наглотались колёс и алкоголя. Накурились шмали. Устали. Пострадавшие теряют сознание. Местные спелестологи начинают оказывать помощь, вызывают МЧС, выносят пострадавших из зоны действия волокна. Трудно понять, кто из пострадавших вдохнул смертельную дозу СО – а кто просто обдолбан, нажрался, как свинья,— или раскатывает на допинговых колёсах. МЧС приезжает, когда первая помощь всем уже оказана, и они доставлены на поверхность. Но польза от МЧС есть: они перегружают отравившихся в машины скорой помощи и транспортируют в Домодедовскую больницу. [О больнице этой и работающих там специалистах я мог бы сказать немало тёплых слов – ограничусь замечанием, что именно в силу халатности тамошнего дежурного травматолога умер Виктор Шагал, и что специалисты этой больницы не знают, как пользоваться “воротником”, дабы надеть его на шею клиента с переломом острого отростка третьего шейного позвонка.]

Но польза от МЧС в случившемся ЧП была. Хоть какая-то. Однако: что последовало дальше? Вопли о немедленном закрытии Сьян, мудаковатости всех спелестологов – и так далее, в том же роде.

О необходимости закрытия Сьян кричали и журналисты, и спасатели – и конечно, домодедовские власти. Прямо-таки в унисон. Хорошо кричали, натужно. Систему удалось отстоять ценой очень больших усилий –

Воплей *о мудаковатости современных любителей экстремального гламура* мы не слышали.

Как не прочитали ни в одной из статей, кто же на самом деле оказал по-

страдавшим первую помощь.

Кто поднял тревогу – и не допустил массового жмуурообразования.

: Всё, как обычно.

– И даже хуже,–

* * *

... 13 июля 2009 года в коллекторе Липецка гибнут два участника очередной крутой энкаутерской развлекухи. Какова реакция МЧС и руководителей “игры”? А очень вялая. Считай – никакая. Типа, всё в порядке. Обычный несчастный случай, на уровне случайного ДТП.

В Интернете не сложно найти информацию о смертельных случаях в Нижнем Новгороде, Ульяновске, Туле, Новосибирске, Старом Осколе, Кемерово... Только по “Дозору” и “Энкаунтеру”,– но сколько ещё таких игр?

Причём и организаторы их, и участники не скрывают, а говорят прямым текстом: основная мотивация игрунов – крутая экстремальная развлекуха, получение адреналина. И более — никаких иных мотиваций. Как, к примеру, в роуп-джампинге,– где наведни разбилась парочка прыгунов, причём по доступной каждому цене в каких-то 200 рублей²⁰ –

: Найти реакцию МЧС на эти смертельные развлекухи, или реакцию государевых слуг — невозможно.

В подмосковные Силикаты и Сьяны устремляются гламурные организаторы очередной “экстремальной игрушки” с баллончиками краски наперевес,– спелеофорумы и постоянные посетители Систем воют от незваных пришельцев –

– не слышно в нашем хоре лишь голосов озабоченных подземными граффити спелеоэкологов, что не в силах перенести написанные гуашью названия гротов в КА2, да бравых МЧС-ных спасателей.

: Им, похоже, по барабану. Как и организаторам игр – “вопли разгневанной спелеообщественности”.

Не слышно также протестов громогласных спелеооргов — и по понятной причине: заняты аналогичными действиями. Пусть и под спелеофлагом.

Зато после любого “спелестологического ЧП” разгневанных воплей и представителей МЧС, и представителей власти, и тех самых спелеооргов,– наследников комсомольских заводит – в достатке.

Как призывов к закрытию пещер и превращению спелестологии в нечто карманно-гламурное.

Игровое, типа пионерской “зарницы”.

Или пингвинье-экскурсионного шествия по обозначенным красными флажками маршрутам.

²⁰ http://www.pravda.ru/accidents/15-06...ope_jumping-0/

* * *

Выводы: гламурный экстрим рулит; МЧС становится чем-то, всесильно-необязанным... Миф экстрима бьётся с мифом МЧС,— а толку?

: И то, и другое – мифы. Их битва напоминает театр теней.

Прикольно, конечно — только от движения по экрану виртуальных персонажей-мороков в реальной жизни ничего не меняется. По крайней мере, в лучшую сторону.

Любая попытка как-то договориться с МЧС – уж не об организации эффективно действующего совместного подземного подразделения, но хотя бы об алгоритме совместных действий при возникновении нештатной подземной ситуации – обречена на провал.

Любая попытка провести серьёзный анализ случившегося ЧП на страницах ведущего спелеофорума превращается в базарный скандал, склоку.

А экстремалы потихоньку выстраиваются в очередь перед нашими пещерными входами. Кто геокэшингом влеком или иными модными “играми”, кто жаждой крутой адреналиновой развлекухи, кто отмороженным журналистским лепетом на отвязный подземный пикничок соблазнился...

А кто просто потому, что по жизни мудака. С бензогенератором или без – без разницы.

Нет в этой очереди лишь тех, кто способен ощутить себя кейвлайвером.

Или хотя бы спелестологом.

Ну пусть – просто кейвером.

— *А вы таких видите?*

: если да — вам крупно повезло. Потому что с каждым годом настоящих кейвлайверов под землёй становится всё меньше и меньше.

А ряды безбашенных экстремалов растут подобно дерьму на пачке дрожжей, брошенной шаловливой ручонкой в сельский сортир.

И все мы эту руку прекрасно знаем.

“Двойные стандарты” очень выгодны этой руке,— как *выгодны* наши подземные ЧП.

Ибо они дают возможность и повод превратить спелестологию в нечто иное.

: Гораздо более удобное для контроля и управления. Более зависимое от неё, более обязанное.

И конечно — нисколько не андеграундное по сути своей, ибо ни гламурный спелеопингвин, ни экстремал, ни геймер не имеют с андеграундом ничего общего. И не могут иметь – по определению. Они ничего не создают, ничего не исповедуют,— только потребляют, только используют. Приблизительно, как пипифакс. В том числе наши пещеры.

Но замечательно строятся по любому чиху, пуку или ику “ответственного чиновника”. По маниакальному подёргиванию его левой ноги.

Или случайной реакции в том, что именуется ЦНС.

Им ведь есть, что терять – в городе. И нечего защищать и отстаивать под землёй –

: потому для власти они всегда будут желательнее, чем мы — сколько бы трупов на своих адреналиновых развлечениях ни положили.

И потому процесс нашего замещения *ими* под землёй протекает в русле государственного мейнстрима.

А мы – были и останемся той самой “соринкой в чужом глазу”, что колет и режет сильнее, чем бревно в собственном.

: если есть желание оспорить эти мои слова – плиз.

— Желательно, на примерах.

О ГЛУПОЙ РОМАНТИКЕ И МУДРЫХ ПРАГМАТИКАХ

«Не ошибается тот, кто ничего не делает...»

: как бы истина

Эта глава может кого-то рассердить не на шутку. А потому, прежде чем рассуждать на заявленную тему, приведу пост одного патологоанатома с форума caves.ru [раздел “Несчастные случаи”, ветка “Как гибнут люди”]:

«Здравствуйте. Я – патологоанатом. У меня самые тихие клиенты и самая лучшая работа из тех, что “с людьми”. [...] бесценный опыт, полученный мною в ходе трудовой деятельности, подсказывает, что 80% людей по уровню интеллекта не дотягивают даже до инфузории-туфельки. Тупость – основная причина смерти, обгоняющая старость, болезни, несчастные случаи и даже войны на добрый десяток процентов. Для того, чтобы мои выводы стали очевидны, я объясню методику подсчёта.

Если вы не справились с управлением на обледенелой дороге и разбились, это автокатастрофа. Если вы исполнили этот номер, выжимая по льду 120 км/ч на летней резине, вы – жертва собственной тупости.

Если вы отравились некачественными продуктами – это прискорбно. Если вы сожрали просроченные консервы просто потому, что их жалко выбрасывать, вы – тупой.

Если вас убило током, это несчастный случай. Если вы полезли во включенный телевизор “только подкрутить” – вы клинический дебил, мозг которого был мёртв задолго до официальной кончины.

Если вы сгорели при пожаре – я соболезную. Если пожар начался от того, что вы пьяным курили в постели — ну, вы меня поняли.

Я каждый день вынимаю выдранные с корнем рули из окоченевших рук стриптейсеров, сворачиваю в рулоны придурков, пытавшихся писать SMS, переходя автомагистраль, собираю, как пазлы, дебилов, светивших себе спичкой в бензобак, и сметаю в гроб идиотов, пытавшихся спереть высоковольтный кабель. Конца этому нет, что красноречиво свидетельствует об интеллектуальном уровне населения.

[...] если вы вдруг решили, что принадлежите к редким 20 % только на том основании, что ещё топчетесь по земле ушами кверху, то просто помните: это не вы такие умные, это просто дуракам везёт.

Удачи всем, счастья, и до скорой встречи.»

* * *

Считается (точнее: для многих это негласная истина), что спелеология – более “благородный” вид человеческой деятельности, чем спелестология. Соответственно, любое “спелеологическое ЧП” проходит по жанру почти героического сражения с агрессивной стихией и воспринимается (не всеми, но многими), как “неизбежная плата”, – своего рода жертвоприношение в постижении Подземного Мира. Причём (что вдвойне для меня дико) — жертвоприношение человеческое, обязательность коего обсуждать “грех немислимый”. Коли погиб при штурме пещеры, по дороге к оной или от неё домой – герой. В крайнем случае (если смерть произошла по причинам, кои притянуть к Подземле даже за уши никак не возможно) – герой по совокупности предидущих заслуг. Или просто по жизни.

А в спелестологии любое ЧП – результат лишь персональной дурости или безбашенного идиотизма.

И в самом деле –

: Как погиб Виктор Шагал? Копал над головой чёрную глину в разрыве известнякового пласта. Копать которую “по определению” – занятие не просто дьявольски трудное, но и откровенно суицидальное. Зачем копал, для чего? “Сделать новый вход в пещеру”. Который разве нельзя было сделать иным образом? Жизнь показала — что можно, причём именно в этот грот. И через 4 года он был сделан без риска для жизни и жертв. Так что с точки зрения мудрого прагматика смерть Виктора – бессмысленная и глупая.

: Как погиб Анисимов? А почти так же, как Шагал. Тоже копал над головой свод, и почти с той же самой целью. Разве “слегка под шофе” – что чести не делает ни ему, ни его товарищам по группе. Да и цель была: не просто выход сделать, а небольшое отверстие в своде колокольни, – дабы дым при приготовлении уникально-неповторимых подземных шашлычков не отравил всех в Системе (в том числе и угарным газом), вышел наружу. Бо перепад высот изрядную тягу сулил. И попробуйте доказать, что мотивация Анисимова была более безмозглой, чем мотивация Борзова – руководителя группы Виктора Шагала! А что при самом благоприятном исходе событий превращение пещеры в вариант аэродинамической трубы с ураганной тягой воздуха (тем более зимой) “не есть гут” — ни одного, ни другого не парило. Как и неизбежное опускание Системы, подсосом ледяного наружного воздуха в действующие нижние входы вызванное. И товарищей их парило не больше, чем вопросы принципиальной подземной безопасности. Так что в обоих этих случаях имеем глупость в чистом виде, да ещё “в три наката”.

: Как погиб Колесников? Копал абляционное расслоение при вскрытии

каменоломни. Расслоение было нагружено, “и весьма”, — что неизбежно привело к летальному финалу. Даже если допустить, что необходимость вскрытия этой каменоломни была сравнима с ценой человеческой жизни, и из иного места или иным образом задачу эту было не решить — много-ли было нужно ума (или глупости), чтобы не понимать, чем дело может кончиться, — не позаботиться о надёжном крепеже свода?..

: Как погиб Саратов? Достоверных источников о подробностях его гибели нет, но все рассказы (даже если учесть откровенно героическое сочинение неизвестного автора) сходятся на одном: полез оказывать помощь застрявшему в щелюгане отмороженному герою-пионеру, о собственной безопасности при этом деянии не подумав ни разу, — как и о том, что будет, если “вынуть для расширения прохода пару-тройку камней”. И стоит-ли жизнь спасённого дауна жизни спасателя?.. Ох, не уверен. Не говоря уж о том, что любой человек, “прежде чем лезь в какую-либо дырку, должен внимательно подумать: а как я оттуда вылезу?” Аналогично ведь и с “шевелением замков свода” — даже если замки эти — боковое абляционное расслоение.

: Как погиб Иван Шкварин? Если отвлечься от ‘детективной составляющей’ этого сюжета, всё “не просто — а очень просто”: устремился один, без проводника, в незнакомый сложнейший лабиринт, не оставив никому КС, — заблудился, остался без света. Умер от истощения. Не самая почётная смерть.

На этом фоне смерть Бутова Жени выглядит не большим и не меньшим идиотизмом — хотя практически всеми спелестологами Бутов полагается за призёра Премии Дарвина.

И смерть Никитина Коли — по одному “официальному заключению” умершего, аки Бутов, от переохлаждения ‘на ровном месте в рекордно короткие сроки’ в пяти метрах от собственного грота с пенкой и спальником — не смотря на значительный подземный опыт; по другому (не менее “официальному”) отравившемуся палёной водкой — в том же раздолбайском каноне лежит.

... А ещё одна девочка отправилась в феврале в каменоломню, будучи одетой “не по сезону”. Идти было не более трёх километров — умудрилась замёрзнуть насмерть.

А вот некто устремляется под землю, “позабыв”, что у него язва желудка в стадии обострения. Или холецисто-панкреатит. Или сахарный диабет, —

А этот очки потерял, при минус десяти зрения.

А этот обожрался халявного спирта.

А этого гопники по дороге отмудохали и раздели, — почему шёл один, без группы? На что надеялся??? Что “удастся проскочить”?.. “Проскочить” не удалось. Бо ещё никому не удавалось это в данном быдлячем месте. Тем более, от семи вечера до двух ночи.

А этот грот строил с товарищем, плиты куроча-ворочая голыми руками, — результат: раздроблена кисть.

А этот ногу подвернул, по каменным наворотам гарцуя, как по паркету.

А у этого примус взорвался. Почему взорвался? А потому, что следить за примусом надо и ТО обеспечивать должное, прежде чем под землю нести.

Ведь по иным причинам примуса не взрываются.

А эти в дыру полезли, вход в которую – явный водосбор со всего поля. Да ещё на краю воронки изрядная куча навоза. И куча гниющих потрошковых отходов местной птицефабрики. Когда полезли? А естественно, в канун “весеннего гавнохода”, под мощную оттепель в аккурат. Со всеми естественными последствиями –

А этот без пенки на жопе на камнях отдыхал, простатит неизлечимый ле-
лея,–

А этот на четвереньках без наколенников по Системе рассекал полжизни, и кичился крепостью коленей своих. Вторую половину жизни на тех же четвереньках по квартире ползая.

А этот неизлечимо прекрасной чайнице решил показать, к чему троганье замковых камней в своде приводит. Хорошо показал – у чайницы сердечко не выдержало, а сам так до сих пор и заикается. Хотя жив остался.

— и так далее.

: ничего геройского. Ни в одном из ЧП, вне зависимости от их деления на “большие” и “малые”.

По сравнению с данным перечнем смерти спелеоподводников и кейверов-вертикальщиков,– а также получаемые ими увечья и травмы воспринимаются на уровне подвига.

НО ТАК-ЛИ ЭТО НА САМОМ ДЕЛЕ???

— Скажите, положи руку на сердце: много-ли мудрости (или глупости) нужно иметь, чтобы соваться в сифон, наполненный мутной жижей, с неотрегулированным ребризером или аквалангом? А с ходовым концом, что может порваться?.. А с баллонами воздуха и редуктором на спине, а не на животе???

: много-ли нужно ума, чтобы покорять верняком затопляемую полость километровой глубины в период летних грозовых ливней, да ещё в отсутствии надёжного метеопрогноза? Да не более, чем при покорении городской ливнёвки в аналогичное время года. И то: из ливнёвки почти всегда можно “стремительно эвакуироваться” на поверхность – вот люки, а вот гейты с незатопляемыми коллекторами. Вот ВШ, а вот и прогноз госкомгидромета – при всей гадательности своей для города всё ж более достоверный, чем для забытого Богом абхазского или уральского горного района. Да и небо перед погружением ясно видно — не то что с глубины в один-два километра. С которых даже при получении истерического телефонного сигнала с поверхности – куда денешься?..

А ведь ещё и бандитский “горный фактор” в летний период посильнее подмосковного будет. Областная шпана просто в глаз даст, и отберёт деньги с бухлом и мобильником,– эти и изнасилуют во все дыры, и пристрелят напоследок.

Вот, например, лишь две истории недавнего времени – из десятка подобных, обсуждавшихся в инете и на страницах “Вольного Ветра”. Группу москвичей [причём известных в спелеомире] “обувают по всем бандитским правилам” горные гопники, перед тем старательно “прикормленные” этой

группой. При этом – ни зарегистрироваться у местных ментов (хотя было такое предложение), ни хотя бы войти в добрые отношения с местными жителями (такая возможность не просто была – группе активно сватали её, да были посланы сваты куда подальше). Результат: полномасштабный грабёж. Причина – очевидная глупость. На уровне детсадовского ребёнка. Надежда на “авось, пронесёт”. А другую группу “обувают” прямо на сочинском вокзале... менты. Обувают по всем ментовским правилам. И успешно. Почему обувают? А потому что не знают законов герои периферийной спелеологии, и не хотят знать. Самоуверенная глупость рулит. Та же мудацкая надежда: в этот раз пронесёт, ведь прежде проносило? О, да.

Да только – не всегда приносит. И иной раз ни регистрации в КСС и МВД, ни грозные ксивы, ни дружба с местными, ни заламинированные цитаты из законов не помогают. Потому что террористический фактор — та же стихия непредсказуемая. Встаёт перед тобой грозный дядя в камуфляже с АКМ наперевес на горной тропе, и заявляет: это нынче территория государственного заповедника, или идите вон, или отстёгивайте бабло. И что ты будешь делать со всем своим знанием законов?..

: Хочешь-не-хочешь, а приходится признать: покорение вертикалок весной-летом-и-осенью — *безусловная глупость*. Ничуть не умнее героических копаний Анисимова, Колесникова и Шагала. Или гуляния по лабиринтам без КС и нормального света.

– Но что же зимой? Зима — гарантированный подземный межень. И бандиты по городским хавирам отсиживаются. И ментов-потрошителей на вокзалах на порядок меньше, ибо – не сезон. Ура, лезем!

Да вот только *горная зимняя дорога* до дыры –

: М-да... Тут ведь не только смерти А. Морозова и его товарищей приходят на ум, – недавняя экспедиция А. Дегтярёва лишь чудом не закончилась аналогичным исходом. И сколько их было, подобных ЧП?

А сколько могло быть?..

Честно: никто не считал. Нет достоверной статистики. Ибо в большинстве случаев неохота сознаваться героям, что жизнь их на волоске висела, и притом по собственной глупости. Раз остались живы – нефиг трендить, вспоминать неприятное. Отделались переломами, обморожениями и вывихами, потеряли половину вещей, но выжили — слава героям!

А потому о большинстве подобных ЧП знают лишь их везучие носители, да отдельные, взятые среди ночи за жопу, спасатели. А зачастую и не догадываются герои, что жизнь их на волоске висела – ибо пронесло. То паводок стороной прошёл, то грозовая или снеговая туча, на перевале поколебавшись, соседнее ущелье выбрала. А то помог некто, случайно рядом оказавшийся. Светом, верёвкой, продуктами. Предупреждением своевременным.

Но ведь иногда – не оказывается рядом. И тучу с паводком мимо не приносит. И при разборе ЧП с неизбежностью встаёт мерзопакостный факт: виновны в *любом подземном ЧП* лишь глупость его участников. Отмороженный, безбашенный романтизм. Похеривание очевидных для иных кейверов

норм подземной ТБ. Похеривание понимания главного: что такое пещера и как она влияет на попавший в неё организм.

– Вот, например, реальная история, описанная в методичке ВЦСПС/ЦСТЭ, посвящённой технике подземной безопасности²¹, – мне она представляется “просто знаковой”, а потому я описываю её в своей повести “Где дольше Света длится Тьма” без каких бы то ни было искажений:

*: Некие чайники выходили последними в группе из вертикальной крымской пещеры. Обычная “темповая”, распланированная заранее — в Москве, а не на месте по обстоятельствам — гонка скоростного посещения/покорения тысячу раз уже пройденной пещеры плановой турклубной командой, — народ, как водится, почитает за стыд ежесекундное посещение подмосковных каменоломен: сказывается **официальная дрессировка** — а потому опыта подземных совместных действий **никакого**.*

: Что закономерно-естественно. Особенно — у последних, самых “дохлых” в команде. Тем более что, как водится, половина из тех, кто заявлялся на маршрут, не смогла поехать — в том числе инструктора (что было бы довольно дико для любой, схоженной годами совместной подземной жизни, неклубной команды), — в результате половина “балласт со стороны”, только чтоб не завернула злостная пантюхинская ГСС с маршрута... И отказаться от намеченной на покорение дыры — выбрать иную, попроще или покрасивее — тоже, естественно, никак не возможно: “всё, что наметила ПАРТИЯ — выполним. А за ценой не постоим...”

...: Один долго, очень долго пытается овладеть стрелами и самохватами. За спиной — суточное, сверх запланированного, “перепребывание” под землёй. Поскольку “по графику” ночёвки под землёй не планировалось — вообще “официальные спелеологи”, по-моему, считают такие ночёвки за падло и идут на них лишь в самых лютых, экстремальных обстоятельствах — о которых потом хвастаются лет по десять без усталости, не меньше, —

— второй не на много бодрее первого.

*«Дай закурить», — просит первый чайник у второго (запасных индивидуальных сигарет, естественно, нет — как и положено в плановой группе: вся раскладка социалистически-общая; в официальной советской тургруппе нет места любителям индивидуальных записок. А есть им — “позор, позор, позор...”), — но у второго курево находится. Он щедрой рукой предоставляет пачку “ЛИГЕРОСА” первому чайнику — ... И ТОТ ВЫКУРИВАЕТ ЕЁ **ВСЮ** ОДНУ СИГАРЕТУ ЗА ДРУГОЙ.*

²¹ Рекомендую для факультативного чтения: “Методические рекомендации по подготовке и проведению спелеопутешествий”, “Методические рекомендации МКК, руководителям и участникам спелеопутешествий по обеспечению безопасности”, “Разбор несчастных случаев в туризме”, “Методические рекомендации по технике спелеотуризма” и др. [Издательство “Турист”, 1977 ÷ 1982 гг.]

После чего второй оставляет мокрого и голодного товарища в темноте (что со светом — очевидно),— поскольку выхода иного всё равно нет,— и устремляется по верёвке наверх. За помощью.

— И следует естественно-неизбежное завершение: спасы, труп. На поверхность силами присутствующих на плато спелеологов извлекается тело вволю накурившегося перед смертью товарища.

/ А ещё говорят... /

: и после этого мне будут внушать, что ЧП в вертикальной спелеологии более “благородные”, чем в спелестологии???

— Да та же дурь. Та же глупость. Тот же похуизм... При чём вне зависимости от спелеокрутости организаторов ЧП. Ведь в приведённой цитате выход планировали очень патентованные спелеоинструктора,— да накрылись планы медным летальным тазиком. И в десятках иных случаев точно так же накрывались. О каком бы “спелеоопыте” героев ЧП речь ни шла. Бо перед глупостью все равны: и неопытные чайники, и сертифицированные дебилы.

: Скажите — нет?..

У вас двойные стандарты, дорогие мои. И незаурядная амбивалентность.

Уж коль Сам Провалов (прошу учесть: я искренне уважаю этого замечательного спелеолога со столь ‘звучащей’ подземной фамилией) в телекамеру заявляет на дне Вороньей/Крубера: — *Ребризер у нас плохой, по-настоящему надёжного мы достать не сумели...*

— и данная фраза транслируется по каналам ТВ,—

— как ЭТО ЗАЯВЛЕНИЕ расценивать???

: Что мешало купить настоящий, нормальный ребризер, с которыми ныряют все подводники и спелеоподводники Запада??? Сейчас, в наше время??? Почему после годовой подготовки важнейшей во всех смыслах экспедиции на глубину 2 километра спускаются с журналистскими телекамерами — но никудышным аппаратом, от работы которого зависит и жизнь спелеоподводника, и результаты всей экспедиции?..

Зачем вообще спускаться на 2 км с ненадёжной железкой, затратив год на подготовку “и N фунтов долларов” — только, чтоб в очередной раз “телевизионно обставить” конкурентов из “УНА/УНСО”???

А ведь похоже, что так. Иначе — какой смысл?

И если так поступают ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ — представляете, что творится в кильватерной струе за ними?..

: Эпохальная экспедиция Провалова, что должна была найти продолжение Вороньей, оканчивается со счётом “0 : 0”. То есть: продолжения пещеры не нашли и сами остались живы.

Достойный итог патентованного разьебайства...

Журналистом-комментатором за подвиг нам выдаваемого.

Увы: статистики несчастных случаев под землёй,— а тем более с учётом “идиотизма, как запускающего ЧП фактора”,— нет. Шхерят герои и группы свои идиотические результаты, валят с больной головы на здоровую. Мухлюют с подсчётами в полную силу, доказывая: чёрное — это белое. А чернее белого ничего нет. Во всех подземно-вертикальных ЧП виноваты случайно-приблудные чайники, а герои спортивной спелеологии белые и чрезвычайно пушистые. У них ежели и происходит чего — виновата стихия. То ли дело — в катакомбах презренных...

Но ведь можно подойти с другого конца, и попытаться разобраться пусть не с конкретными цифрами, но с их условным количеством. А значит и качеством.

Положение первое: спелестологов нашей стране во все времена было не только много больше, чем спелеологов,— они ходят под землю в десятки раз чаще. Ибо ходят — практически — каждые выходные. А то и между ними. А не два-три раза за год (в лучшем случае). Возьмите, к примеру, трафик такой известнейшей подмосковной Системы, как Сьяны. Да, в иных подмосковных ‘дырах’ населения на порядок меньше,— но сколько спелестологов посещает Саблинские каменоломни под Питером (про прочие Системы Ленобласти не забываем),— сколько одесситов рассекает по тамошним подземным закромам, сколько самарских спелестологов отрываются в каменоломнях гор Верблюд, Тив-Тяп и прочих??? А сколько спелестологов ‘рассеяно’ по иным городам, и сколько не отличимых от них любителей горизонтальных лабиринтовых пещер?.. Но ведь есть ещё и диггеры — коих не меньше, а больше, чем спелестологов. И грань меж ними иной раз провести невозможно.

При этом стихийные опасности и человеческий фактор в спелестологии-диггерстве те же самые, что в вертикальной спелеологии. Снаряжение разнится, и только. А в остальном — что касается опасности и методик её преодоления — всё точно так же. Бо риск заблудиться в лабиринте, попасть под обвал или в паводок тот же самый, что в вертикальной спелеологии риск разрыва верёвки. И не забудем про спелеонавтические пребывания со своими “психологическими рисками” и прочим, что их окружает. Про неизбежный риск вскрытия завалов и потерянных каменоломен забывать не будем. Про доступность многих каменоломен для прорвы отможенных чайников, априори не склонных к штудированию ТБ.

— К чему я это говорю? А вот к чему: *при том, что риски практически равные и спелестологов на порядок, если не на два, в реальности больше, чем спелеологов, количество ЧП у них в условном пересчёте на “человеко-час пребывания под землёй” много меньше, чем у спелеологов-вертикальчиков.*

Положение второе: причина любого ЧП,— а тем более, ЧП со смертельным исходом под землёй — безусловная глупость. Романтическая отможенность, безбашенность. О спелестологии-диггерстве идёт при этом речь или о вертикальной спортивной спелеологии — без разницы. И коль отстаивать идиотский тезис о том, что вертикальные пещеры, тем более километровой

глубины, на порядок (якобы) сложнее горизонтальных лабиринтовых пещер, а потому ЧП в них неизбежны с большей вероятностью... Милаи мои! Так повышенная сложность объекта подразумевает и соответствующий уровень подготовки, не так-ли?.. Или о чём мы тут говорим?

То есть приходим к тому, с чего начали. К утверждению, что покорители сложных вертикальных пещер не умнее тинэйджеров, катающихся на сцепках и крышах электровозов. Или ЧП не должно быть – по определению, в принципе. Как их не бывает у машинистов.

При этом **положение третье:** когда нам внушают, что спелеология, в отличие от спелестологии, Наука (и даёт нам открытие мира) – сильно лукавят.

: Нет, дорогие мои, это не так. И в спелестологии-диггерстве-спелеонавтике, и в горизонтальной спелеологии, и в спелеологии вертикальной *научные открытия* — почти случайный бонус от простого посещения Подземли. Что от туризма не сильно отличается. И нефиг заморачиваться декларируемой иными “научностью” –

: На единицы *подлинных первопроходцев* во всех ветвях спелеологии приходятся легионы “просто туристов”, что идут по тысячи раз пройденным иными подземным маршрутам, “общественно значимыми открытиями” ни на йоту не заморачиваясь. И даже в спелеонавтике (причём не только нашей, но и западной во все времена) ведущей мотивацией погружения под землю была не жажда сделать некое открытие или провести какой-то эксперимент – жажда спелеонавта уединиться под землёй на как можно более длительный срок. Почитайте внимательнее книги отцов-основателей спелеонавтики – Мишеля Сифра и Милутина Велковича; прочтите интервью с Маурицио Монтальбини. Прочитайте интервью с Александром Морозовым или воспоминания Даниила Усикова, статьи Татьяны Немченко. В конце концов, мой “Кейвлайвинг”, –

: Вначале возникает желание погрузиться под землю на значительный срок. Нет такого желания, нет Зова Подземли – нет и погружения, говорить не о чем. Это потом, в процессе подготовки Пребывания, на него навьючиваются всевозможные “научные цели” – иной раз никому, кроме спелеонавта, не интересные. Даже собратьям-учёным. Мало того: как ты выйдешь на поверхность, и как начнёшь публиковать полученные данные и пытаться их интерпретировать, как-то осмыслить – вот тут и поднимается подлинный вой. Желаете оспорить? Плиз. Но вначале прочтите указанные мной источники.

И ведь со спелестологией тоже самое. На единицы вскрывающих потерянные “подземные закрома родины” приходятся сотни флудящих о результатах твоего вскрытия. На одного топосъёмщика – десяток тех, кто подвергает сомнению его результаты. На одного, оснащённого должным историческим образованием, копателя потаённых архивов – тысячи малообразованных интернетных флудерастов. Так что с “научной значимостью” и её “востребованностью обществом” — в полном пролёте. Не научная слава, а ревность коллег будет вам наградой в лучшем из лучших случаев, да полное небрежение вашими результатами тех, кого они как бы напрямую касаются. Особенно, коли касаются они власти, отдающей под застройку участки над отснятой и

исследованной вами каменоломней. Или экологического прессинга Подземли, деяниями власти вызванного. Или посещением Подземли толпами отмороженных спелеодаунов. Укакаетесь доказывать им “научную ценность” ваших блестящих результатов. В интернетном флуде утонете – в лучшем из лучших случаев.

— Ну скажите мне, к какому “научному перевороту” географических, геологических и литоморфологических мозгов привело погружение Провалова в Вороньей/Крубера на глубину более чем в два километра?.. Сколько учёных могут назвать Провалова по имени,— об отчестве и не помышляю?.. Сколько физиологов и психологов могут перечислить героев отечественной спелеонавтики?.. А западной?.. И сколько историков сказали хотя бы “условное спасибо” вскрывателям потерянных подземных храмов, схронов, тайных ходов и заброшенных каменоломен???

: Нет никакой научной значимости в 99 % наших посещений Подземли – о какой бы ветви спелеологии мы ни рассуждали. А если и есть – ценность её не высока. Или похеривается обществом.

– И **положение четвёртое**: о какой бы ветви спелеологии мы ни вели речь,— вертикальном кейверстве, горизонтальном спелеотуризме, спелеодайвинге, спелеонавтике, спелестологии и диггерстве,— риск при посещении Подземли огромен и неисчислим. Он ведь даже не представим – на прагматическом, обывательском уровне. С точки зрения обывателя любое посещение Подземли — занятие суицидальное. И не важно, о чём идёт речь: вскрытии завала, раскопках потерянной каменоломни или подземного храма, спуске в километровую тьму на одной верёвке < «которой единой и молимся» >,— ночном визите в охраняемые государством городские подземные закрома, месячном одиночном (да хоть бы и групповом!) подземном Пребывании,— гулянии по сложнейшему лабиринту, преодолении клаустрофобических узостей, весёленьком подземном сейшене, строительстве-оборудовании жилого грота или нырянии в мутную обводнёнку –

: любое из этих занятий кончиться может весьма и весьма печально. Причём в любой момент и самым непредсказуемым образом.

Любое вершится с невообразимым “простому смертному” риском для жизни.

Любое, даже самое частное и незначительное “научное спелеологическое свершение” неизбежно оплачено жизнями людей, их травмами и потерей здоровья.

— Так и что мы имеем в итоге, если про-
суммировать все эти положения?

: НИКАКАЯ, ЗДРАВЫМ СМЫСЛОМ МОТИВИРОВАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ, НЕ ВЛЕЧЁТ НАС ПОД ЗЕМЛЮ, НЕ ЗАСТАВЛЯЕТ БЕЗБАШЕННО РИСКОВАТЬ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ.

С точки зрения здорового бытового прагматизма, конечно.

Лишь романтика – а не расчетливый прагматизм – “правит бал” во всех наших подземных стартах. Только она единственно и влечёт нас под землю — наперекор “здоровой логике” и “практическому реализму”. Её отмороженная

безбашенность, её изначальный пофигизм ко всем возможным опасностям –
: Отсюда схожесть всех наших ЧП и их единственная причина.

Но не будет её – не будет и редких “научных бонусов”, и всего прочего прикупа. Что персональным открытием мира зовётся, личным постижением его. И отличает Человека от скота потребляющего.

* * *

Скажите: эка загнул!

Но подумайте: во всех спелеологических ипостасях традиционно скептически (или пессимистически) ангажированный прагматизм вполне реально повелевает: сиди в городе, не суйся под землю, – ведь там изначально опасно, и не фиг человеку там делать.

При разборе любого подземного ЧП прагматик, флудящий в инете, с удовольствием найдёт виновных в ЧП, и докажет из уютного кресла перед монитором, что виной всему – глупость человеческая.

Ибо иной причины действительно не видно. Даже в том случае, когда группа попадает под внезапный обвал, – облаву злобных “монтеров и ЧОПов”, психологический слом по итогам группового или одиночного пребывания, – когда кто-то получает травму руки или ноги при оборудовании грота, вскрытии завала или баротравму при аварийном всплытии, нарывается на переохлаждение по причине разгулявшихся сил природы...

: Ведь можно же было – не ходить. Не оборудовать грот, не нырять в сифон. Не уходить на “космические сроки” из привычной наземной жизни, – не лезть в зимние горы с тонной снаряжения на хребте. Не геройствовать, раскапывая вход в никому не нужную каменоломню. Или заброшенный подземный храм.

А раз сподобились – заранее подписались на суицид. На безбашенную глупость. В силу романтической отморозенности своей.

— что можно сказать на эту позицию?

Ну разве только – что так-ли уж безопасно *на деле* современное городское бытие?.. а пользование автотранспортом или наземными переходами в “день жестянщика”?.. а наша патологическая вера в безопасность метрополитена, чистоту потребляемых нами в городе продуктов, воды и воздуха?.. и о какой социальной безопасности городского бытия может идти речь???

А ещё – и это, пожалуй, Главное — что те, кто сидят в безопасных городских креслах, *не открывают Америк*. Даже персональных. Не находят потерянные миры и ойкумены, не видят и не понимают звёздные выси и россыпи. Они не строят города — и вообще ничего не дают человечеству, –

“Ни себе, ни людям”. Они способны лишь потреблять и перерабатывать найдено-созданное другими.

Аки творчески беспомощные литературные и музыкальные критики.

Они всегда обнаружат фатальную ошибку в действиях иных – даже если

её не было. И раструбят об этом “по секрету всему свету”, — на чём и продвигаются.

Они способны в угоду времени объявить все ветви спелеологии, что не отвечают прагматическому ‘интересу дня’, “болезненным вывихом” — и в вылизывании заднепроходного отверстия власти так преуспеть, что это едва ни привело к гибели отечественной спелеологии, как таковой.

Они не могут найти и вскрыть неизвестную пещеру, — ведь раскопки завала — такой риск! — но могут прихвотизировать её, и очень даже логично доказать, что спелестология должна кормить себя, а не быть затратно-убыточным делом.

Они не в силах оборудовать грот, но легко докажут нам с ссылкой на кучу законов и неких морально-этических норм, что объявлять какую-то часть Подземли “почти своей собственностью” — дело, морально вонючее. А потому все имеют право на всё. Особенно на то, что создано иными. Не такими, как они.

: Ведь это прагматики. Амбивалентность не пугает их по определению, ибо Сидящий в Кресле всегда прав.

* * *

— Ну и что получается в итоге?

Понятно, что не будет рискованной романтики — не будет спелеологии. Ни в каком виде. Бо победа “здорового” прагматического смысла — победа уютного кресла. Победа безопасного прогибания под чем угодно, — лишь бы было спокойнее. Да только не победит он никогда, ибо “по определению” тысячи спелеологов приходят под землю вовсе не прагматизмом влекомые. А ощущением мира, прямо ему противоположным. Исключающим прагматизм, как таковой, из мироощущения. Отсюда наши открытия и свершения, и все наши беды.

Потому что только неисправимый “романтик на всю голову” (кем бы он ни позиционировался в городском социуме) может вместо отпуска “на Канарах” прибыть к подножию Кавказского хребта в зону боевых действий с тонной груза — ради чего?.. а ради возможного прохождения какой-то мало-заметной щели в стене пещеры, на прохождение которой в прошлый отпуск “времени и света” не хватило. Но которая “зудит и зудит” — и чем чёрт не шутит: вдруг именно за ней откроется вожаделенное Продолжение Полости? И ведь знает романтик, что надежды эти в 90 % случаев несбыточны — но романтик неисправим. Не успокоится, пока вопреки здравому смыслу не упрётся в этой щели “до самого доподлинного тупика”. Который уж точно: не продолбить и не взорвать. И то: попытается сделать и то, и другое. Потому что а вдруг это удастся кому-то следующему??? [Романтизм говорит: обязательно удастся! А значит — едем, и вновь рискуем своей жизнью, и вновь долбим, взрываем, копаем!]

: Только одержимый романтизмом в тяжёлой форме в разгар весеннего

обострения может отправиться не в ночной клуб или на пьянку с друзьями – убить напрочь свои выходные ради топтания по колено в грязи в месте при-входового обрушения всем прекрасно известной Полушкинской Щели или не значительной и явно склонной к обвалу Партизанской каменоломни. Которая и популярностью не пользуется, и вход свой закрывает обвальными гавнищами с регулярностью метронома. А вскрыть-таки хочется. В очередной энный раз.

: только безбашенный романтик затеет вскрывать севший вход в старицкую каменоломню, – боже, через какое, висящее на соплях каменное месиво продираясь при этом!.. С каким зримым риском для жизни!..

: только неизлечимо больной Подземной Романтикой может годы подряд бить в известняковом монолите рукотворный тоннель с одной-единственной целью: соединить две Системы в единое целое.

: только отмороженный на всю голову спелеофил может посвятить свой отпуск и все свои финансовые накопления добровольному самозаточению под землёй; будет он при этом именовать себя спелеонавтом или спелестологом, вести или нет некие, никому по большому счёту не нужные **наверху** исследования — не важно.

Да хоть бы и не отпуск. Хоть бы и краткие ‘вконценедельные выходные’, – желательно, с приплюсованными днями отгулов и какого-либо праздника, –

– но ведь и остальные, и прочие, – пирующие под землёй, дающие там концерты и запихивающие в наши входы сложнейшую акустическую аппаратуру и источники питания, – они разве не больны тем же самым романтизмом?

Да не менее, чем ныряющие в сифон на глубине двух километров с единственным и скверно работающим ребризером.

: *если убраться из спелеологии всю эту романтику — говорить станет не о чем.*

Ну разве о посещении Новоафонского пещерно-метрошного спелеовтучалова. Или его теней-двойников-подобий с никами Помойка, Кунгур и иже с ними. Конечно, эти пингвинья выгулы тоже можно будет именовать спелеологией. Как показывает практика жизни в нашей стране, что власти, что её прагматическим холуям всё – божья роса.

Однако, суть *российской спелеологии* (и похоже, не только российской – какую бы из её ветвей мы не имели в виду) такова, что не прагматизм побеждает романтику — те, кого побеждает прагматизм персонально, уходят из жанра. Ибо сочетаются прагматизм и спелеология примерно, «как кайло с хрустальной вазой». Остающиеся делают им вслед неприличные жесты и “разговаривают на мате” – когда виртуальное присутствие прагматиков сказывается на интернетных просторах.

Ситуация вообще напоминает медведя на дереве и колоду: чем сильнее мишка отталкивает её, тем сильнее она бьёт его по кочану при возвращении.

: Чем громче речи спелеопрагматиков, тем больше отмороженных романтиков, которые от этих речей испытывают жесточайшее чувство блёва. И кладут на все эти речи “с прибором” – “поступая ровно наоборот”. Просто из чувства противоречия. Из одного неприятия “шибко

правильных” рассуждений, внутреннего неприятия обывательски-прагматического отношения к жизни и миру.

С соответствующими для себя и спелеологии следствиями. Причём не самыми весёлыми. Одна “история с генератором” в Съянах чего стоила,— да и с задымлением Сокских каменоломен тоже. И упомянутые мной смерти Шагала, Анисимова, Колесникова, Бутова, Никитина и Шкварина. От которых неотделимы смерти А. Морозова, А. Корневского и А. Преображенского — и все иные “вертикальные” спелеологические потери. И потери спелеоподводные.

: Эти плоды “отмороженного на всю голову романтизма” так же горьки, как оскомина от рассуждений патентованных продажных прагматиков.

— Скажите, нет? Проанализируйте известные вам ЧП. И подумайте: стоит-ли обретаемый Кайф Подземли и все возможные его открытия наших травм, смертей и увечий. наших разочарований в друзьях — что за романтическим разгильдяйством частенько следует. Да и интриги за разгильдяйством влекутся, аки крысиный хвост — как практический результат отмороженной недальновидности, неспросчитывания последствий своих слов и деяний. Ювенальности, наивности недалёкой. И непосредственных детских обид.

: В точности те же интриги, что неизбежно сопровождают расчётливый прагматизм. Оттого-то переполняют спелеологию и “детские злые обиды”, и вполне взрослое прагматичное интриганство. Увидеть разницу меж которыми зачастую просто-напросто невозможно. Тем более, что другая сторона тоже ярится — то пытается “очистить ряды” от позорящих гордое звание, то “научностью” спелеологии (и спелеологии) вдруг озабочится (с тем же рефреном),— то начинает приватизационные игры вокруг пещерных входов. А то экологические походы затевает — детским крестовым не уступающие по той же самой глупости.

И качается колода всё сильнее и сильнее... Ибо и те, и другие не слышат аргументов друг друга,— причём не первое десятилетие уже. Потому что не аргументы это — а Мнение. Которое, как известно, хрен оспоришь,—

: пока капитаны спелеологии ссорятся, пароход стоит.

И будет стоять без движения до тех пор, пока некто сверху не рявкнет:

— Караул устал!